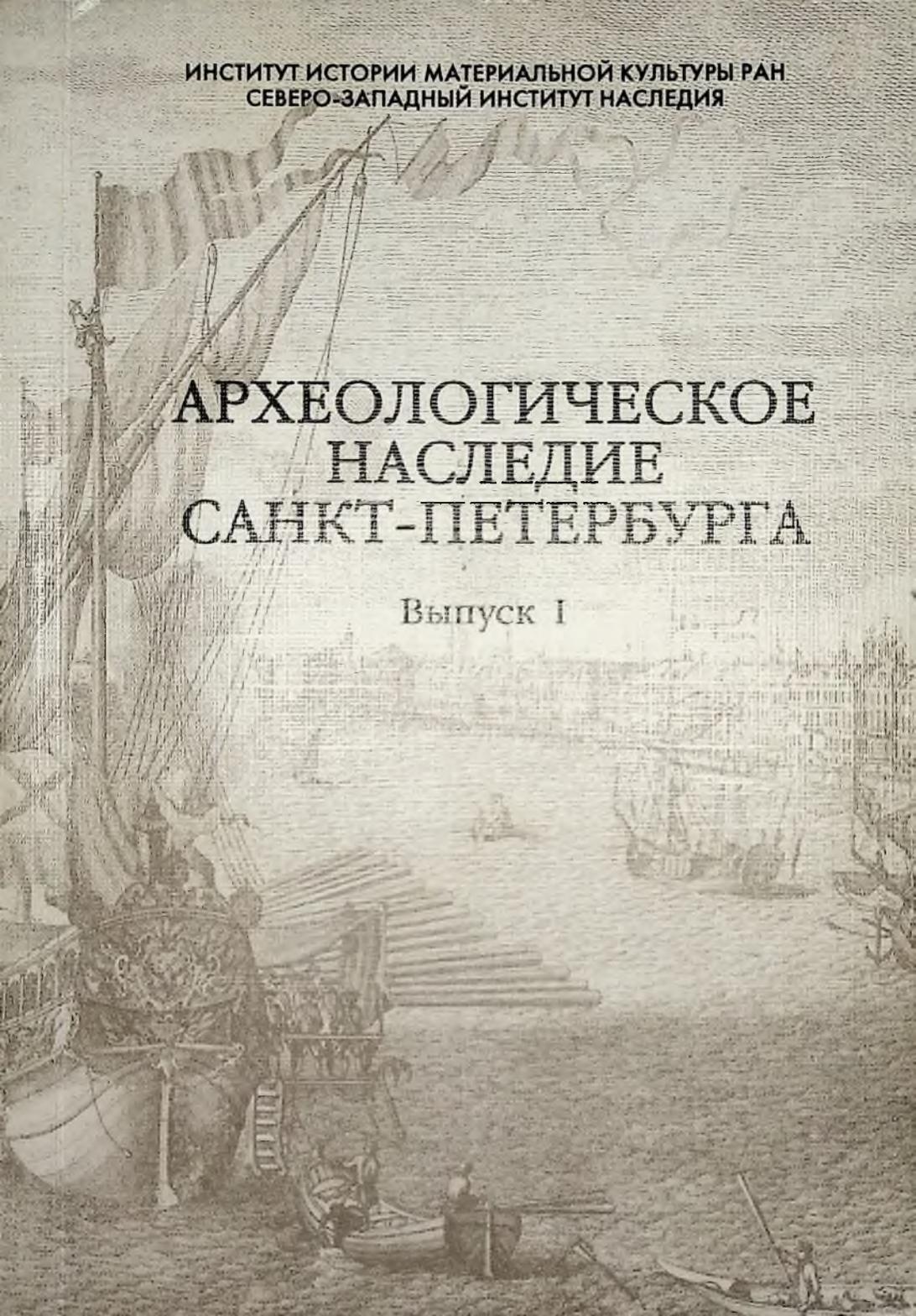

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Выпуск I

Посвящается
300-летию
Санкт-Петербурга

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
NORTH-WESTERN INSTITUTE
OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

ARCHAEOLOGICAL
HERITAGE
OF SAINT-PETERSBURG

Volume 1

St.-Petersburg
2003

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Выпуск 1

Санкт-Петербург
2003

Редактор к.и.н. П. Е. Сорокин

Макет И. В. Сомсиковой

Обложка О. Г. Попова

Сборник научных статей «Археологическое наследие Санкт-Петербурга» представляет собой обобщающее издание об археологических памятниках Петербурга и открытиях последнего десятилетия на территории города. Издание подготовлено: Институтом истории материальной культуры РАН, Северо-западным Институтом Наследия и осуществляется при поддержке Комитета Государственной инспекции охраны памятников Санкт-Петербурга. Авторы сборника археологи и историки Санкт-Петербурга.

Издание может представлять интерес для широкого круга читателей и служить справочным пособием для преподавателей истории, географии и краеведения, студентов, учащихся и всех интересующихся историей Санкт-Петербурга.

© ИИМК РАН, СЗИ Наследия, авторы статей.

© О. Попов, оформление обложки, 2003

© И. Сомсикова, макет, 2003

ISBN 5-94281-005-2

Содержание

<i>Сорокин П. Е.</i> Археологическое наследие Санкт-Петербурга .	7
<i>Д. В. Герасимов.</i> История изучения, хронология и периодизация памятников эпохи неолита юга Карельского перешейка	12
<i>П. Е. Сорокин.</i> Археологическое изучение Троицкого Петровского собора	25
<i>О. В. Андреева, Е. А. Шарова.</i> Археологические исследования в Государевом бастионе Петропавловской крепости	75
<i>К. М. Плоткин.</i> Архитектурно-археологические исследования Казанского собора в 2001 году	101
<i>С. В. Кашаев.</i> Археологические работы на месте дома Джакомо Кваренги в Царском Селе	112
<i>П. Е. Сорокин, С. А. Семенов.</i> Археологические исследования у здания Двенадцати коллегий в 2000–2002 гг.	124
<i>В. А. Трифонов.</i> Археологические исследования лошадиного кладбища в Царском Селе (1998–2000 гг.)	160
<i>А. Ф. Векслер, Д. Д. Ёлшин.</i> Датирующие свойства петербургского кирпича XVIII–XX вв.	177
<i>О. Ф. Дзюба, П. Е. Сорокин.</i> Результаты палинологического исследования исторических территорий Нижнего Приневья	186

Contents

<i>Sorokin P. E.</i> Archeological heritage of St.-Petersburg	7
<i>D. V. Gerasimov.</i> History of studies, relative chronology and periodisation of Neolithic archaeological sites in the south part of Karelian isthmus	12
<i>P. E. Sorokin.</i> Archaeological studies of the Troitse-Petrovsky Cathedral	25
<i>O.V. Andreeva and E.A. Sharova.</i> Archaeological excavations in the Gosudarev Bastion of the Peter-Paul Fortress	75
<i>K. M. Plotkin.</i> Architectural – Archaeological Investigation of Kazanski Cathedral in 2001	101
<i>S.V. Kashaev.</i> Archaeological investigations on the site of Giacomo Quarenghi's house in Tsarskoye Selo	112
<i>P. E. Sorokin and S. A. Semenov.</i> Archaeological excavations of 2000–2002 near the Twelve Colleges building	124
<i>V. A. Trifonov.</i> Archaeological excavations of the horse cemetery in Tsarskoye Selo (1998 — 2000)	160
<i>D. D. Elshin, A. F. Veksler.</i> Dating characteristic of St.-Petersburg bricks	177
<i>O. F. Dzyuba and P. E. Sorokin.</i> Results of a palinological studies of the historical areas of the Lower Neva region	186

Археологическое наследие Санкт-Петербурга

Остатки памятников древности и сооружений раннепетербургского времени и культурный слой, в которых заключены интереснейшие сведения по предыстории и ранней истории города на Неве составляют его археологическое наследие. Сохранение и правильное использование его позволит существенно обогатить и разнообразить историко-культурное достояние Петербурга.

История освоения земель в устье Невы достаточно богата событиями и восходит еще к доисторическим временам. Первые стоянки на территории, включенной в настоящее время в пределы Петербурга, — в районе Лахты и Сестрорецкого разлива, появляются уже в эпоху неолита и раннего металла. В средневековье, когда по Неве проходил важнейший торговый путь «Из варяг в греки» и «... в арабы» в устье Невы останавливались купеческие караваны заморских гостей. Об этом свидетельствуют, обнаруженные здесь клады арабского и западноевропейского серебра и торговые договоры Новгорода и городов Ганзейского союза, заключенные в XIII–XIV столетиях. Здесь же размещалась морская стража земли Ижорской, контролировавшая продвижение по водному пути и защищавшая купцов от нападений разбойников. Эти земли на протяжении столетий были и полем брани, где русские войска отстаивали свободный выход в Балтику, от шведских вторжений. В ряду этих сражений: Невская битва 1240 г., происшедшая в устье реки Ижоры, сражение за Ландскрону — 1300–1301 гг. на реке Охте и ряд других менее значимых столкновений.

После основания крепости Орешек, в XIV в., устье Невы начинает интенсивно осваиваться русским и ижорским населением. В результате этой земледельческой колонизации в последующие столетия здесь формируется развитая поселенческая структура, включавшая погосты, села и деревни, которые были связаны между собой и с административными центрами, водными и сухопутными путями. Уже в XV–XVI в.в. поселения в устье Невы включаются в международную торговлю, вследствие чего, здесь в устье реки Охты начинает развиваться поселение с городскими чертами. Уже в 1521 г. в шведском документе упомянут, располагавшийся здесь, город Ниен, а в русских документах конца XVI в. это поселение носит название Невское устье. Однако, окончательное его оформление в городской центр происходит только в следующем столетии, уже под властью Шведской короны.

Во время русско-шведской войны, в 1611 г., по приказу шведского короля, в устье Охты была сооружена крепость Ниеншанц, Столетие спустя, она представляла собой земляной замок с пятью бастионами — в форме звезды, южнее которого с напольной стороны мыс защищал вал с тремя бастионами. В течение XVII века под прикрытием этой крепости на правом берегу Охты развивался город Ниен, населенный шведами, немцами, финнами и русскими. В центре его, в окружении усадеб знатных горожан, располагались: ратуша, шведская и немецкая церкви, школа, порт и торговая площадь. Русская церковь находилась на противоположном берегу Невы в Спаском селе.

В четвертый год Северной войны — 1 мая 1703 года русские войска взяли Ниеншанц. После чего, здесь же, на военном совете, было принято решение строить новую крепость у устья Невы.

Основание Петербурга открыло новую эпоху в истории Приневья. Однако, факты свидетельствуют о том, что город возник вовсе не на пустом месте и унаследовал многое из того, что было заложено в предшествующие времена.

За три столетия существования Санкт-Петербурга его облик претерпел значительные изменения. Сотни храмов, дворцов, административных и промышленных зданий, представляющих собой частички истории города, да и всей России, были

по разным причинам утрачены. Исчезли с лица земли многие фортификационные сооружения и некрополи Петербурга.

До недавнего времени культурный слой Санкт-Петербурга, за редким исключением, оказывался вне поля зрения и интереса археологов. Как правило, археологические исследования в городе были связаны с проведением реставрационных работ на памятниках архитектуры XVIII века. В числе первых археологов, обратившихся к археологическому изучению Петербурга в 1960–1980-х годах, следует назвать А. Д. Грача, А. Н. Кирпичникова, Г. С. Лебедева, В. А. Коренцвита.

С середины 1990-х годов археологические исследования в городе и его окрестностях, проводящиеся Санкт-Петербургской археологической экспедицией в сотрудничестве с Комитетом Государственной инспекции охраны памятников приобретают регулярный и планомерный характер. Работы ведутся по программе «Археология Санкт-Петербурга», которая предусматривает изучение, сохранение и использование археологических объектов и культурного слоя на территории города.

Накопленные сведения по археологическому культурному слою и утраченным объектам на территории Петербурга были положены в основу «Проекта археологических зон охраны Санкт-Петербурга» и использованы для составления учетных карточек на вновь выявленные объекты различных эпох.

Придание археологическому культурному слою Петербурга охранного статуса в соответствии с Законодательством по охране памятников истории и культуры позволит более эффективно сохранять и использовать объекты археологического наследия.

Работы по его изучению и сохранению должны сопровождаться включением выявляемых археологических объектов в число памятников истории и культуры Санкт-Петербурга.

Разумное использование этого достояния позволит не только сохранить архив исторической информации, но и расширить историко-культурный потенциал Петербурга, включением в него целого пласта новых памятников истории и культуры и созданием археологических музейных объектов и экспозиций и связанных с ними туристических маршрутов.

Сорокин П. Е.

Archeological heritage of St.-Petersburg

Until recently cultural layer of St.-Petersburg appeared out of sight and concern by Archaeologists. As the cause it «youth» of city, founded in 1703 was considered. The maiden archeological researches here were connected to realization of restoration activities on monuments of the architecture XVIII of century. They have demonstrated gut preservation of an archeological cultural layer and operational effectiveness of archeological method of investigations on monuments to new time, components the basic archeological potential of St.-Petersburg.

The situation has changed from middle 1990 years, when the archeological researches in town and its neighborhoods gain regular and systematic nature. The activities are conducted under the program «Archaeology of St.-Petersburg», which one envisions investigation, protection and usage of archeological objects and cultural layer in terrain of town.

To the present time, as a result of excavations and systematic overseeing earthen and build works, is collected and considerable is classified on volume basis information on preservation conditions of cultural layers and lost Historical objects in St.-Petersburg. It has allowed to elaborate «the Project of zones of protections of an archeological cultural layer, objects». The project guesses allocation of three zones of protection with modes conforming to the Historical-cultural significance, degree of safety and condition of a level of scrutiny of those or diverse archeological objects, sites of a cultural layer.

The investigation and protection of archeological heritage of St.-Petersburg is accompanied by actuation of detected archeological objects in number of monuments to a history and cultures of town. By the maiden objects, which one in 1998 were included in their structure of steel: Neolithic sites⁴ — 2 thousand up to AD, Field of the Neva battle of 1240, center of the Swedish town Nien with a fortress Nyenshanc XVII c., late medieval settlements and forts of new time, the Troica cathedral — one of the earliest and famous cathedral temples of St.-Petersburg.

Following stage of the program — usage of archeological heritage. The projects museum of Historical-archeological objects in terrain of town can actuate the broadest complex of measures, the essence which one is reduced to actuation on urban medium of archaeological monuments. These projects guess: exhibiting ruins and archeological finds discovered during excavations, facility of memorable signs and creation of models of the lost monuments in a place of their arrangement, installation of signs with the information, including in towns names information about archaeological monuments.

Completely lost monument indicated in Historical-cultural medium of city, the fortress Nyenshanc became maiden, in place which one in 2000 was erected the memorable sign by the way of granite bastion with Swedish cannon's XVII c. Now there is an opening-up for the installation of the memorable sign in place of Neolithic sites in neighboring of town and parts of stone roadway in old center of St.Petersburg.

Reasonable usage of archeological heritage will allow not only to keep archive of the invaluable historical information, but also to expand a Historical-cultural potential of St. Petersburg, actuation in it of the whole seam of new monuments to a history both culture and creation of archeological museum objects and expositions of founs and bound with them of tourist routes. The returning parts of the lost past town on Neva can develop a cultural heritage of St.-Petersburg and also in a new aspect angle to light its advantages.

Sorokin P. E.

История изучения, хронология и периодизация памятников эпохи неолита юга Карельского перешейка *

Основу изучения каменного века Карельского перешейка положили работы финских археологов в северной его части в начале XX в. Благодаря исследованиям прежде всего Ю. Айлио (Ailio, 1922), С. Пяльси (Palsi, 1920) и А. Айряпяя (Airapaa, 1930) была разработана относительная хронология памятников мезолита-неолита и создана периодизация археологических культур раннего голоцена для данной территории. Эта хронология и периодизация стали в значительной степени опорными для изучения каменного века сопредельных территорий — Финляндии и Карелии. Параллельно российскими учеными велись работы в южной части перешейка, в значительной степени дополняющие результаты финских коллег и, в то же время, способствовавшие освещению вопросов культурных контактов с более южными территориями.

Детальное, и, на то время, исчерпывающее описание неолитических памятников юга Карельского перешейка было предложено в фундаментальной работе 1961 г. Н. Н. Гуриной (Гурина, 1961).

С конца 80-х гг. XX в., и, в особенности, в последние несколько лет, наметилась активизация изучения каменного века Карельского перешейка, были получены некоторые новые данные для уточнения вопросов хронологии, периодизации и культурной принадлежности ряда памятников этой территории. В связи с этим представляется актуальной попытка освещения в целом истории изучения каменного века южной части перешейка и подведения некоторых итогов.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 02-06-80469.

Расположенный между Финским заливом и Ладожским озером, на стыке Восточной Фенноскандии и Восточной Прибалтики, Карельский перешеек с эпохи мезолита, по-видимому, являлся ареной взаимодействий между культурами этих регионов (рис. 1).

Геология Карельского перешейка тесно связана с историей Балтийского моря и Ладожского озера. В течение ряда десятилетий здесь работали многие известные российские и финские геологи — С. А. Яковлев, К. К. Марков, Б. Ф. Земляков, В. Рамсей, Е. Хыйпя, П. М. Долуханов, М. Саарнисто и другие (Яковлев, 1926; Марков, 1931; Земляков, 1922а, 1922б, 1928б; Ramsey, 1927; Нуурра, 1937; Долуханов, 1963, 1965, 1969; Саарнисто и др., 1994). В результате этих работ создана палеогеографическая база для изучения каменного века Карельского перешейка.

Первая стоянка каменного века на рассматриваемой территории была открыта С. А. Гамченко в 1907–1908 гг. в ходе раскопок предположительно средневековых курганов у озера Сестрорецкий Разлив близ устья р. Черной, впадающей в озеро, на Сосновой горе (Гамченко, 1913). Культурный слой располагался

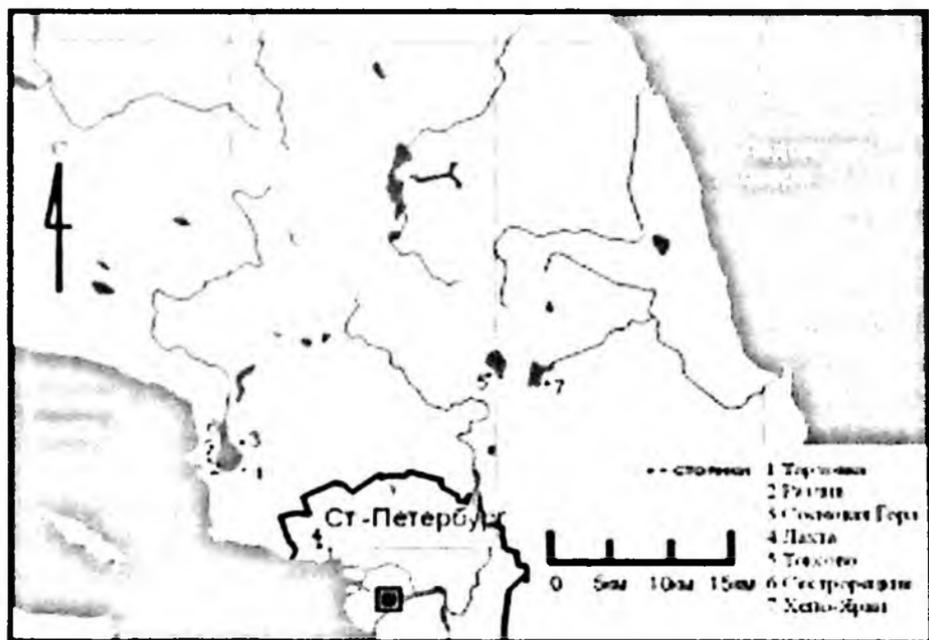

Рис. 1. Памятники эпохи неолита юга Карельского перешейка.

под насыпями и содержал фрагменты ямочно-гребенчатой керамики с примесью песка в тесте и достаточно большое количество изделий из кремня — скребков, ножей и проколов на отщепах, бифасиальных наконечников стрел. Так же имеется обломок просверленного кварцевого грузила. Коллекция хранится в настоящее время в Государственном Эрмитаже.

В 1916 г. отдыхающими на пляже у пос. Разлив, так же расположенного у озера Сестрорецкий Разлив, было обнаружено местонахождение, получившее название Разлив. Находки здесь были представлены исключительно изделиями из кремня (более 200 единиц), сконцентрированными в одном месте. Это заготовки бифасиальных наконечников стрел, скребки, отщепы.

Лишь небольшое их количество было передано бароном А. П. Штакельбергом в Кунсткамеру.

Начало систематического изучения памятников каменного века юга Карельского перешейка связано с деятельностью местных краеведческих объединений — Кружка изучения Лесного при Коммерческом училище в Лесном, Лахтинской экскурсионной станции, Ленинградского краеведческого общества. В работе этих организаций активно принимали участие такие известные ученые, как Б. Ф. Земляков и С. А. Яковлев. Многие кружковцы, непосредственно занимавшиеся изучением памятников каменного века на юге перешейка, впоследствии стали видными геологами и археологами — И. И. Краснов, Г. П. Сосновский, М. Я. Рудинский, Л. А. Динцес и другие. В результате целенаправленных археологических разведок в 1916 г. на восточном берегу оз. Сестрорецкий Разлив Г. П. Сосновским и М. Я. Рудинским была открыта Тарховская стоянка. Чуть позже под руководством Б. Ф. Землякова на стоянке была сделана зачистка профиля, описана стратиграфия памятника и собрана достаточно представительная коллекция подъемного материала, хранящаяся сейчас в МАЭ (Кунсткамера) РАН (Сосновский, Земляков, 1917). При зачистке профиля были выявлены остатки очага. Основная коллекция находок была собрана на поверхности, в котловине выдувания, однако известно, что на момент изучения стоянки Б. Ф. Земляковым культурный слой еще частично сохранился.

Каменный инвентарь представлен скребками, резцами, проколками, сверлами, бифасиальными наконечниками стрел

листовидной и ромбовидной формы. Основным сырьем служил кварц. Кремень использовался в небольшом количестве, прежде всего для изготовления наконечников стрел. Расщепление кварца производилось на наковальне, о чем свидетельствуют характерные биполярные отщепы и фрагменты нуклеусов. Однако представлена и техника получения пластин, в том числе из кварца. Так же в коллекции имеются небольшое долото и несколько обломков шлифованных орудий из сланца. Достаточно велика коллекция фрагментов ямочно-гребенчатой керамики.

В 1920 г. П. В. Виттенбургом и А. И. Суомолайненом было вторично обследовано местонахождение Разлив и найдено несколько орудий того же типа, что и собранные А. П. Штакельбергом. Однако, судьба этих находок неизвестна. В 1921 г. памятник был обследован Б. Ф. Земляковым, описана стратиграфия на месте находок. Однако, новых материалов, по-видимому, найдено не было (Земляков, 1941).

В 1922 г. сотрудником Лахтинской экскурсионной станции профессором П. В. Виттенбургом была открыта стоянка в Лахте. В 1923 г. Б. Ф. Земляковым на памятнике были проведены небольшие раскопки, площадь которых точно неизвестна, и описана стратиграфия памятника (Земляков, 1928а). Стоянка расположена в северной части пос. Ольгино Приморского района Петербурга, на верхней площадке террасы высотой 5–5,5 м над уровнем моря. Находки залегали под почвенно-дерновым слоем, слоем серого слоистого песка мощностью 20–30 см и тонкой углистой прослойкой толщиной в 2–3 мм, прослеженной по всей вскрытой площади. Связаны находки со слоями красно-бурого и лежащего под ним черного песка. Б. Ф. Земляков полагал эти слои единой генерацией, считая, что верхняя часть слоя изменила цвет в позднейшее время (Земляков, 1928а: 72). Мощность культурного слоя составляла около 40 см, но местами увеличивалась до 90 см. В этих местах планиграфически были прослежены крупные (диаметром 3–5 м) и «столбовые» (диаметром около 20 см) ямы. Подстилался культурный слой песком, имеющим диагональную слоистость, с прослойками гравия и галечника.

Имеющиеся сейчас материалы Лахтинской стоянки представлены исключительно керамикой. Б. Ф. Земляков сообщал

о находках нескольких кремневых скребков и наконечников стрел. Вся керамика с органической примесью в тесте, очень бедно орнаментированная. Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже.

В 1926 г. С. Н. Замятниным и Л. А. Динцесом был открыт и исследован памятник Токсово. Стоянка Токсово расположена на южном берегу Кавголовского озера (Динцес, 1929). Позднее сборы на памятнике производил Г. П. Сосновский. Находки были приурочены к песчаным отмелям, уходящим в озеро, и находятся практически на уровне уреза воды.

Каменный инвентарь Токсовской стоянки крайне немногочислен, и состоит из нескольких отщепов и обломков орудий из кварца и кремня. Керамика представлена фрагментами с примесью песка и дресвы в тесте. Материалы Токсовской стоянки хранятся в МАЭ РАН.

В 1933 г. из-за ремонта плотины на р. Сестре уровень воды в озере Сестрорецкий Разлив значительно понизился. Рабочим В. В. Яковлевым было найдено несколько фрагментов керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией, после чего участок берега был обследован Г. П. Сосновским и Б. Ф. Земляковым (Сосновский, 1935: 23–27). Результатом стало выявление Сестрорецких стоянок — 7 пунктов находок подъемного материала, расположенных вдоль небольшого (меньше 1 км) участка западного берега оз. Сестрорецкий Разлив, около поселков Тарховка и Разлив.

Инвентарь стоянки Сестрорецкая 1 представлен фрагментами ямочно-гребенчатой керамики, а также изделиями из кремня, кварца, песчаника и сланца. Всего в коллекции 27 орудий из камня и только 2 кремневых отщепа. Возможно, это связано с тем, как отбирался материал при сборах. Среди орудий выделяются скребки, долота, ножи, рубящие орудия.

Сестрорецкие стоянки 2–7 представлены очень немногочисленными коллекциями, отдельные пункты исключительно керамикой. Коллекция находок хранится в МАЭ РАН.

В 1977 г. И. В. Верещагиной, сотрудником ИИМК РАН, были проведены работы на стоянке Хепо-Ярви близ Токсово. Было выявлено несколько очагов и собрана достаточно представительная коллекция керамики и каменного инвентаря. Материалы хранятся в ИИМК РАН.

В 1998–1999 гг. В. И. Тимофеевым, П. Е. Сорокиным и Д. В. Герасимовым проводились обследования на оз. Сестрорецкий Разлив и в районе Лахты. Было выяснено, что ряд памятников разрушен в последние годы в результате строительства, а Сестрорецкие стоянки находятся, вероятно, под водой.

Систематизация данных по памятникам каменного века юга Карельского перешейка была предложена впервые Б. Ф. Земляковым (Земляков, 1928а), опиравшимся на периодизацию типов ямочно-гребенчатой керамики, разработанную Ю. Айлио (Ailio, 1922). Периодизация Айлио была создана для огромных территорий — от Финляндии до Урала, хотя в значительной степени опиралась именно на материалы Балтийского региона. Абсолютные даты для этой схемы были получены через синхронизацию фаз развития керамики с периодизацией О. Монтелиуса.

Б. Ф. Земляков поместил Тарховку, Токсово, Сосновую Гору и Сестрорецкие стоянки во II фазу развития керамики по Ю. Айлио, а Лахтинскую стоянку и Глиняный Ручей в III фазу. Хронология этих памятников основывалась на стратиграфии двух опорных памятников (Тарховской стоянки для II фазы по Айлио и Лахтинской для фазы III), и была скоррелирована с геологическими разрезами Карельского перешейка, изученными и датированными С. А. Яковлевым. Таким образом, памятники II фазы датировались временем начала регрессии Древнебалтийского моря и конца Ладожской трансгрессии, или серединой и второй половиной Суббореального периода, а в абсолютных датах 700–1200 лет до н. э. Памятники фазы III помещались между концом Древнебалтийской регрессии и началом Балтийской трансгрессии по С. А. Яковлеву, или в конец суббореального и начало субатлантического периода, в абсолютных датах 200–800 лет до н. э. (Земляков, 1928б: 89–90; 1941: 158). Абсолютные даты представляют здесь скорее историографический интерес, т. к. в дальнейшем хронология неолита была значительно удревлена. Наиболее важна привязка к геологической шкале и палинологическим зонам, т. к. Б. Ф. Земляков непосредственно исследовал стратиграфию опорных памятников.

Широкое признание получила типология гребенчато-ямочной керамики, созданная А. Айряпя для неолитических

памятников Финляндии, Карелии и Карельского перешейка (Айгараа, 1930). А. Айряпя выделил 3 стиля гребенчато-ямочной керамики, каждый из которых подразделил еще на 2 (стили I:1–2; II:1–2; III:1–2). К стилю I он отнес керамику сперрингс, к стилю II — керамику с примесью дресвы и песка в тесте, в орнаментации которой преобладали оттиски гребенчатого штампа, («типичную» или прибалтийскую гребенчато-ямочную керамику), к стилю III — керамику с примесью песка и дресвы или с органической примесью с преобладанием в орнаменте ямок. Эта система сохраняет свое значение и поныне. Важно отметить, что в основу работ А. Айряпя легли материалы неолитических памятников северной части Карельского перешейка. В сочетании с датировками ряда памятников, полученных методами естественных наук, периодизация А. Айряпя позволила датировать с достаточной точностью многие памятники Карельского перешейка типологическим методом. Появление в последние десятилетия радиоуглеродных дат для ряда неолитических памятников региона позволяет уточнить датировку памятников юга Карельского перешейка (рис. 2).

За исключением Токсовской стоянки все они связаны с берегом Финского залива, Токсово во время обитания поселения, вероятно, было связано с Ладожским озером.

Сестрорецкие стоянки, Тарховка, Сосновая Гора, Разлив расположены на берегу оз. Сестрорецкий Разлив. Свои нынешние очертания этот водоем приобрел с начала XVIII в., когда при постройке оружейного завода русло реки Сестры было перегороджено плотиной, и образовалось значительных размеров водохранилище. Во время существования Литоринового моря, на которое приходится эпоха неолита в регионе, эта территория была его дном. Время образования песчаной косы, окончательно отделившей залив от моря, оценивается разными исследователями как позднелиториновое или древнебалтийское (Яковлев, 1925, II: 9; Земляков, 1928б: 89; Земляков, 1941: 159).

Таким образом, на основании типологии керамики к раннему неолиту можно отнести стоянки Сестрорецкая I и Сосновая Гора, в материалах которых в небольшом количестве присутствует керамика сперрингс. В коллекции стоянки Хепо-Ярви также имеется керамика сперрингс и керамика стиля II по Айряпя (Прибалтийской ямочно-гребенчатой керамики). По углю

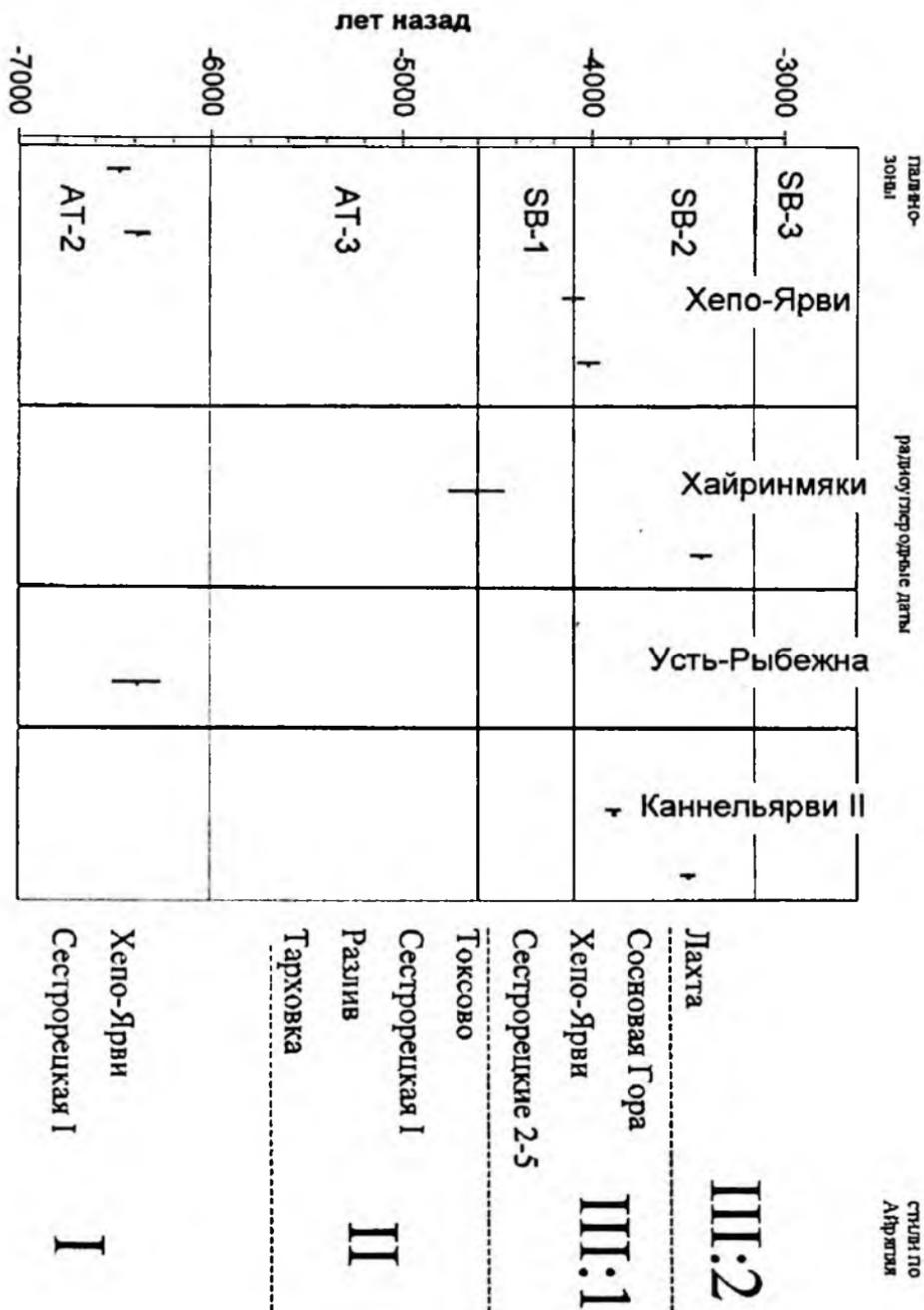

Рис. 2. Хронология и периодизация памятников юга Карельского перешейка.

из очагов для этого памятника получены радиоуглеродные даты: 6480 ± 60 (ЛЕ-1412), 6380 ± 60 (ЛЕ-1411), 4100 ± 60 (ЛЕ-1409), 4020 ± 60 (ЛЕ-1408) (Тимофеев, 1993: 24). В целом, вероятно, существование памятников с керамикой типа сперрингс на Карельском перешейке можно определить V — нач. IV тыс. до н. э.

Схожая дата получена и для памятника Усть-Рыбежна I в Южном Приладожье, исследованного Н.Н. Гуриной. Очажный уголь из культурного слоя памятника имеет дату 6380 ± 220 л.н. (ЛЕ-405). Хотя основной комплекс памятника представлен материалами культуры Прибалтийской гребенчато-ямочной керамики, в слое так же присутствовал и комплекс сперрингс. На фоне остальных данных можно предположить, что эта дата относится именно к комплексу сперрингс.

Памятники с керамикой сперрингс на территории Карельского перешейка представляют локальный вариант этой культуры, отличный от материалов Карелии и имеющий близкие аналогии на памятниках Финляндии, что достаточно убедительно показал в своей диссертации К. Э. Герман (Герман, 2001). Некоторые новые данные, полученные в последние годы, позволяют нам предположить, что именно здесь происходило формирование ядра этой ранненеолитической культуры на местной мезолитической основе и при участии внешнего культурного импульса, вероятно, из Верхневолжского региона.

Керамика стиля II по Европеусу, или прибалтийская ямочно-гребенчатая керамика представлена на памятниках Тарховка, Токсово, и частично в материалах Сестрорецких стоянок. Время существования этого стиля Э. Хыйпя и П. М. Долуханов датировали временем 2 трансгрессии Литоринового моря (L2) — промежутком между L2 и L3, или временем конца Атлантического — начала Суббореального периода. Схожие даты имеет памятник Хепо-Ярви с керамикой сперрингс и стиля II. К этому же времени следует отнести и памятник Разлив, ранее датированный мезолитическим временем. Анализ материалов памятника позволил отнести его к культуре Прибалтийской гребенчато-ямочной керамики (Герасимов, 2000). В целом, памятники Карельского перешейка с керамикой стиля II по А. Европеусу, или памятники культуры Прибалтийской гребенчато-ямочной керамики, следует отнести к IV — нач. III тыс. до н. э.

Формирование культуры прибалтийской ямочно-гребенчатой керамики, вероятно, происходило на фоне усилившихся культурных связей с верхневолжским регионом, что находит свое отражение как в орнаментации керамики, так и в увеличении количества изделий из кремня на памятнике. Кремень, вероятно, попадал в регион именно из Верхневолжского региона.

К позднему неолиту следует отнести Сестрорецкие стоянки, часть материалов Сосновой Горы, Лахту. Керамика Сестрорецких стоянок и группы 2 Сосновой Горы с примесью песка в тесте относится к стилю III:1. Керамика Лахты отличается обилием органической примеси в тесте. Так же керамика с органической примесью присутствует в материалах Тарховской стоянки. Орнаментация керамики с органической примесью Тарховской стоянки относится к стилю III:1, а Лахты — к стилю III:2.

К. К. Марков датировал Лахтинскую стоянку границей суббореала и субатлантикума. Если сопоставить стратиграфии Лахтинской и Тарховской стоянок, то «древнебалтийские» слои С. А. Яковлева и Б. Ф. Землякова можно определить как наносы L3. Тогда Лахтинскую стоянку можно датировать второй половиной суббореала. Памятник Каннельярви II на севере Карельского перешейка с керамикой с органической примесью в тесте и орнаментированной в стиле III:2, исследованный В. И. Тимофеевым, имеет даты 3890 ± 40 (JE-2549) и 3500 ± 40 (JE-2550) л.н. (Тимофеев, Зайцева, 1991: 126).

Таким образом, памятники с керамикой стиля III:1 можно датировать первой половиной — серединой III тыс. до н. э., памятники с керамикой стиля III:2 — второй половиной — концом III тыс. до н. э.

В 1986 г. у д. Силино Приозерского р-на Ленинградской области В. И. Тимофеевым была открыта неолитическая стоянка Силино. В 2000 и 2001 гг. стоянка исследовалась В. И. Тимофеевым и Д. В. Герасимовым. Этот многослойный памятник с четко прослеживаемой стратиграфией содержит материалы всех этапов каменного века Карельского перешейка. Его дальнейшее исследование с активным использованием естественнонаучных методов и радиоуглеродного датирования позволит значительно детализировать наши представления о хронологии и периодизации каменного века этой территории.

D. V. Gerasimov

History of studies, relative chronology and periodisation of Neolithic archaeological sites in the south part of Karelian isthmus

The basis for studying of Stone Age sites in Karelian isthmus was created before the World War II by Finnish archaeologists — S.Palsi, A. Europeus. J. Ailio et al. Due to their work periodisation of Holocene Stone Age archeological cultures was developed for this territory. In the Russian, south part of Karelian isthmus, Stone Age archaeological sites were investigated not by specialists but mainly by geologists and students in local lore — G.P.Sosnovskiy, V.P.Vittenburg, B.F.Zemlyakov et.al. Archaeological materials obtained at that time were describing mainly according to Ailio's chronological scheme.

Also quaternary geology of that area was well-studied buy several Russian geologists — S. A. Jakovlev, K. K. Markov, B. F. Zemlyakov.

In 1967 N.N. Gurina has generalized all available data, mainly using J.Ailio typological scheme.

In the last decades of XX century many of radiocarbhone dates were obtained for Mesolithic and Neolithic sites in North-West Russia, and some archaeological data were revised. Important excavation were done by I.V.Vereschagina in 1977 on Hepojarvi site near Toksovo, and four radiocarbhone dates were obtained for this site.

Thus, now it is possible to rearrange all available data to review chronological sheme for Stone Age sites in the south part of Karelian isthmus, using typological correlation, geological data and radiocarbon dates.

No Mesolithic sites are known in the south part of the isthmus. Razliv site, earlier related to Mesolithic period, now considered as Middle Neolithic site.

To the Early Neolithic time (V-beginning of IV mill b.c.) related Sosnovaya Gora, Sestroretskaya I, early complex of Hepojarvi site.

Middle Neolithic presented here by Baltic Pit-Comb ceramic culture — Tarkhovka, Toksovo, Sestroretskiye sites, Razliv, late

complex of Непоjarvi. These sites can be dated as IV-beginning of III mill.b.c.

Late Neolithic period (Sosnovaya Gora — late complex, Lahta, some materials of Tarkhovskaya and Sestroretskiye sites) can be dated in frames of III mill.b.c.

Гамченко, 1913 — *Гамченко С.А.* Исследования Сестрорецких курганов в 1908 г. // Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Российского Археологического Общества. Т. IX. С. 63–162.

Герасимов, 2000 — *Герасимов Д.В.* Культурно-хронологическая атрибуция местонахождения Разлив на Карельском перешейке // Тверской Археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. С. 273–277.

Герман, 2001 — *Герман К.Э.* Памятники с керамикой сперрингс в бассейне Онежского озера. Дис... канд. ист. наук. СПб.

Гурина, 1961 — *Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. № 87.

Динцес, 1929 — *Динцес Л.А.* Неолитическая стоянка в Токсове // Отд. Ленинградского окружного общества краеведения на Финско-Ладожском перешейке. Сер. Финско-Ладожский перешеек. Л. Вып. 2.

Долуханов, 1963 — *Долуханов П.М.* Послеледниковая история Балтики и хронология неолита // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л.

Долуханов, 1965 — *Долуханов П.М.* Поздне- и послеледниковая история Балтийского моря и археологических культур в его бассейне. Автореф. дисс. канд. геол. наук. Л.

Долуханов, 1969 — *Долуханов П.М.* История Балтики. Л.

Земляков, 1922a — *Земляков Б.Ф.* Геологический очерк окрестностей г. Сестрорецка // Первый Всероссийский геологический съезд. Путеводитель геологических экскурсий. Пг.

Земляков, 1922b — *Земляков Б.Ф.* О следах каменного века в районе северного побережья Невской губы // Экскурсионное дело. Пг. № 4–6. С. 48–72.

Земляков, 1928a — *Земляков Б.Ф.* Неолитическая стоянка в Лахте // Естествознание в школе. № 2. С. 70–85.

Земляков, 1928b — *Земляков Б.Ф.* Доисторический человек Северо-Западной области в связи с ее геологией в послеледниковое время // Доклады Академии Наук. Сер. А. С. 85–90.

Земляков, 1941 — *Земляков Б.Ф.* О древнейших следах человека в окрестностях Ленинграда // Материалы и Исследования по Археологии СССР. № 2. С. 158–168.

Марков, 1931 — *Марков К.К.* Развитие рельефа Северо-Западной части Ленинградской обл. // Труды главного геолого-разведочного управления ВСНХ СССР. Вып. 117, 1.

Саарнисто и др., 1994 — *Саарнисто М., Сакса А., Таавитсайнен Ю.-П.* Древние жители Куппалы — свидетели этапов истории Ладоги // Вопросы геологии и археологии. Тезисы докладов международного симпозиума, посвященного 150-летию А.А. Иностранцева. СПб. С. 75–77.

Сосновский, Земляков, 1917 — *Сосновский Г.П., Земляков Б.Ф.* Каменный век у Тарховки // Кружок изучения Лесного при коммерческом училище в Лесном. Лесной. Вып. 3.

Сосновский, 1935 — *Сосновский Г.П.* Разведки на Сестрорецком Разливе. Отчет о работах // ИГАИМК. Вып. 109. Ч.1. С. 23–27.

Тимофеев, Зайцева, 1991 — *Тимофеев В.И., Зайцева Г.А.* Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников эпох неолита и раннего металла Ленинградской и Калининградской областей // Геохронологические и изотопно-химические исследования в четвертичной геологии и археологии. Вильнюс. С. 123–130.

Тимофеев, 1993 — *Тимофеев В.И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе балтийских культур каменного века // Древности Северо-Запада. СПб. С. 8–33.

Яковлев, 1926 — *Яковлев С.А.* Наносы и рельеф города Ленинграда и его окрестностей. М.; Л.

Ailio, 1922 — *Ailio J.* Fragen der Russischen steinzeit // SMYA. Bd. XXIX, 1.

Airapaa, 1930 — *Airapaa A.* Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finland // Acta Archaeologica. Vol. 1. Fasc. 2. S. 165–190; Vol. 1. Fasc. 3. S. 205–220.

Нуурппа, 1937 — *Нуурппа Е.* Post-glacial changes of shore-line in South Finland // Bulletin de la commission geologique de Finlande. № 120.

Palsi, 1920 — *Palsi S.* Riukjarven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa // SMYA. Bd. XXVIII, 1.

Ramsey, 1927 — *Ramsey W.* Eustatic changes of level and the neolithicum // SMYA. Bd. XXXVI: 2. Hels.

Археологическое изучение Троицкого Петровского собора

Среди первых храмов Санкт-Петербурга, особое место в его истории занимает Троицкий Петровский собор. Располагаясь в центре первой главной площади города, храм изначально являлся ее градостроительной доминантой. Здесь под прикрытием Петропавловской крепости в первые десятилетия существования Петербурга формировался его административный и торговый центр. Троицкую церковь окружали важнейшие государственные и коммерческие учреждения: сенат, правительственные коллегии, губернская канцелярия, синод, городской торговый порт, таможня, гостиный двор, биржа, типография, торжественная Австерия, а также посольский дом А. Д. Меншикова. Вблизи этого места располагались: домик Петра I и дома знати. «Эту местность справедливо можно назвать колыбелью нашей столицы, средоточием которой был Троицкий собор» — писал, спустя 200 лет, церковный историк (ИСССПЕ. 7. 1883: 97–108).

В 1714 г., после закрытия первоначального Петропавловского храма в крепости, Троицкая церковь фактически становится главным кафедральным собором Санкт-Петербурга, где в присутствии Петра I, царской семьи и знатных вельмож проводились торжественные государственные богослужения. С крыльца церкви, получившего название «красного», публично объявлялись царские повеления. В соборе происходили службы в честь важнейших исторических событий того времени, таких как: Полтавская победа и Ништадский мир. Здесь Петр I получил титул императора, происходило отпевание тела царевича Алексея и объявление царевича Петра наследником престола.

В создании Троицкой церкви и ее обустройстве постоянно ощущается участие самого Петра I. Это и установка на колокольне часов, снятых с кремлевской Сухаревой башни и помещение в храм многочисленных реликвий: культовых предметов из московских придворных церквей, трофейного шведского паникадила из Або, взятого в 1713 г., церковной утвари, изготовленной самим царем из кости. В 1721 г., в специально устроенном приделе собора, была размещена церковь во имя преподобного Харитона Исповедника. Она была создана еще в 1708 г., после победы при Лесной, и сопровождала Петра I во всех его походах. В соборе имелась и памятная доска с надписью о том, что храм этот «построен государем императором Петром I 16-го мая 1703 года, в память взятия бывшей на Охте крепости новые Канцы или Шанцы» (ИСССПЕ, 1883: 98). Здесь же длительное время хранилась святыня Петербурга — Чудотворная Казанская икона Божьей матери.

В течение первой половины XVIII столетия собор продолжал сохранять роль государственного храма. В нем происходили коронации Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны. И позднее, вплоть до 30-х гг. XX столетия, в общественном сознании жителей Петербурга Свято-Троицкий собор сохранял за собой роль мемориального храма, тесно связанного с основанием Петербурга и деятельностью Петра Великого. Именно поэтому вплоть до революции по своему рангу он стоял в городе сразу за Исаакиевским собором (Антонов, Кобак, 1997: 131). Еще в канун 200-летия основания Петербурга церковные власти развернули кампанию по сооружению нового каменного Троицкого собора. Но в результате продолжительных дискуссий, по предложению Императорской археологической комиссии, было решено сохранить его прежний исторический вид.

Уничтожение храма, признанного памятником архитектуры в 1933 г., еще раз подчеркивает его огромное идеологическое и культурное значение для Петербурга. Слишком многое в нем живо напоминало о славном прошлом России, неразрывно связанным с православием, обо всем том, что новая власть всячески стремилась стереть в памяти народа.

Археологические исследования 1996–1999 гг. на Троицкой площади велись Санкт-Петербургской археологической экспедицией по заданию Комитета государственной инспекции

охраны памятников, в целях отыскания остатков Троице-Петровского собора, уточнения их местоположения и оценки современного состояния*.

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ

Ранняя история Троицкой церкви богата преданиями и в недостаточной степени освещена документальными свидетельствами (ИСССPE, 1883: 97–108). По легенде место ее закладки было выбрано Петром I уже в первые дни нахождения его в устье Невы. 14 мая 1703 г., осматривая окрестности Заячьего острова, где предполагалось построить крепость, он срубил раковый куст на том месте, где позднее была сооружена Троицкая церковь. А несколько месяцев спустя — 1 октября произошла ее закладка (Беспярых, 1991: 258–260).

Южная часть Петроградского (ранее Фомина, Березового или Городового) острова не случайно была выбрана для размещения первоначального центра Санкт-Петербурга. Это был один из наиболее освоенных к тому времени районов на территории невиской дельты. Наглядное представление об этом дают шведские карты XVII в. Судя по плану из Атласа Ингерманландии, конца XVII в., здесь находились пахотные земли усадьбы Бьеркенхольм, располагавшейся на побережье Большой Невки к северу от современного Сампсониевского моста. Писцовая книга Водской пятины 1500 г., упоминающая «село на Фомине острове», где было 32 крестьянских двора и двор тиуна «на проезде», позволяет отодвинуть время его освоения как минимум к XV столетию. Следует отметить, что здесь не было большого населенного пункта — село того времени объединяло отдельные крестьянские усадьбы, рассредоточенные на значительной территории. В XVI в., из-за происходивших здесь войн, село запустело, однако освоенная ранее территория пустовала недолго. В XVII в. ее заселили выходцы из Финляндии. Вблизи места

* Автор приносит благодарность всем археологам, студентам СПбГУ и просто энтузиастам принявшим активное участие в раскопках на Троицкой площади: А. Плохову, С. Кашаеву, О. Андреевой, Д. Григорьеву, А. Григорьевой, М. Козловой, Н. Поляковой, М. Рымше, И. Шундалову, М. Слободзяну, С. Иванченко С. Мухиной, О. Лухтановой, П. Читаган, С. Городецкой, Н. Петровой, Б. Яковишину, В. Панову.

Троицкой церкви на побережье Невы в конце XVII в. располагался один из дворов селения Янисаари, который по имени владельца носил название Лейя (Кепсу, 2000: 38–40). Учитывая, что эта деревня находилась в районе домика Петра I, не исключено, что один из ее домов и был использован царем для своей резиденции.

Существует предположение, что первая Троицкая церковь была построена уже в 1703 г. Однако достоверная информация об этом отсутствует. На плане центральной части Санкт-Петербурга 1706 г. она еще не обозначена. Здесь, как и на гравюре П. Пикарта на самом побережье Невы изображено здание с башенкой увенчанной шпилем, однако традиционно оно интерпретируется как Австерия, располагавшаяся у причала на Троицкой площади. Не упоминается Троицкая церковь и в подробнейших описаниях иностранных путешественников, посещавших город в первые годы его существования. Первый план Петербургского острова, на котором изображена церковь, уже тогда имевшая крестообразную форму, датируется 1714 г.

Достоверной датой начала строительства Троицкой церкви можно считать 1709 год, когда — в апреле появляется указ о ее сооружении. Освящена же она была только 10.07.1711 г. (Антонов, Кобак, 1997: 131). Ближайшими постройками у Троицкой церкви, в первые годы ее существования, были: правительственные коллегии, располагавшиеся примерно в 50 метрах от нее к востоку, канал городского торгового порта, заканчивавшийся в нескольких десятках метров к югу, и гостиный двор, на северо-западе. При этом первый Гостиный двор, сгоревший в 1710 г., находился примерно в 50-ти метрах от места расположения церкви, новый же был отдален от нее метров на 100 (рис. 1).

Этапы строительства Троице-Петровского собора приводятся в Историко-статистических сведениях Санкт-Петербургской епархии. Согласно этим данным первоначальная церковь представляла собой продолговатого четырехугольника с небольшой алтарной пристройкой. Она была покрыта крутой деревянной крышей на два ската. Несколько лет спустя, в 1714 г., к церкви были пристроены приделы и трапезная с двух ярусной колокольней. В результате этой перестройки она приобрела форму продолговатого креста. В 1720 г. с северной стороны к храму был пристроен придел Харитона Исповедника. Пред-

Рис. 1. Троицкая площадь на плане Санкт-Петербурга 1738 г.
Троицкая церковь обозначена литерой D.

лагаемая система перестроек храма представляется достаточно убедительной — первое расширение храма в 1714 г. было вызвано изменением его статуса, второе — в 1720 г. в связи с необходимостью размещения здесь походного храма.

По свидетельству Ф.В. Берхгольца, посетившего Санкт-Петербург в 1724–1725 гг., наряду со строившимися тогда каменными Петропавловским и Исакиевским храмами «между плохими деревянными церквями Санкт-Петербурга самая красивая была церковь Святой Троицы... деревянная с широкою открытою колокольнею, на которой много колоколов и небольшие куранты, играющие, сами собой, через каждую четверть часа «Господи помилуй». Ее обычно посещает царь во время богослужений...» (Берхголец, 1902: 112–113) (рис. 2).

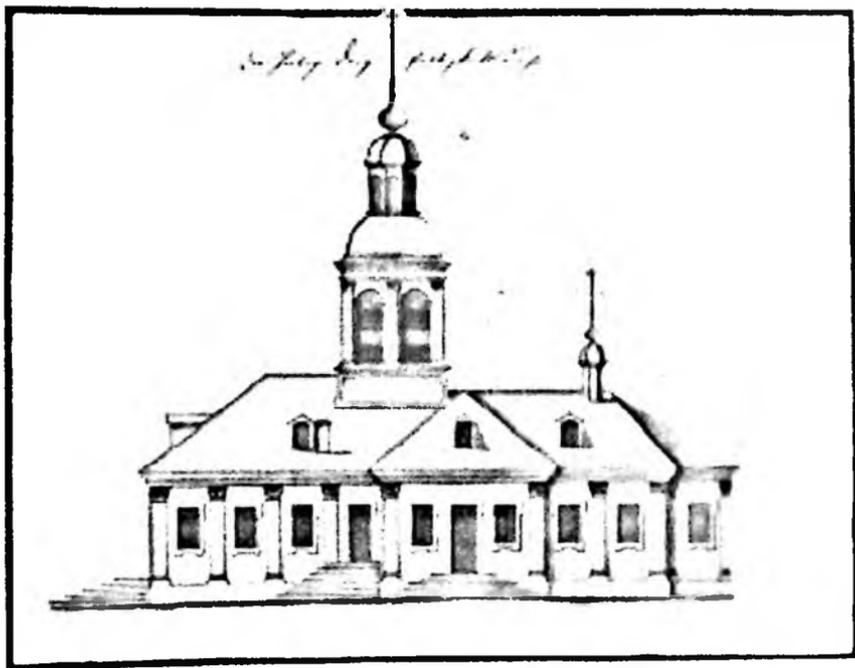

Рис. 2. Троицкий собор на рисунке Ф. В. Берхгольца.

Архивные материалы дают некоторую информацию об устройстве придела и алтаря Троицкой церкви, в 1720 г., архитектором Д. Трезини и мастером В. Болесом. «Сего сентября 25 дня Царское Величество изволило повелеть у Троицкой церкви, которая на площади приделать другой алтарь для ранних обеден». В другом месте речь идет о трапезной. Судя по всему, имеются в виду алтарь и трапезная придела Харитона Исповедника, служившие продолжением уже существовавшего

северного придела церкви. Для отделки собора велено было отпустить следующие припасы: стекло обрзное, свинец, олово, масло деревянное, нашатырь, олифу, белила, скипидар, кисти щетинные, нити, иглы, гвозди (РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 691).

«От непрочности материала, или от климатических причин, собор скоро пришел в крайнюю ветхость, требовавшую совершенной перестройки». (ИСССPE, Т.VII, 1883: 100–102; Антонов, Кобак, 1997: 131–132). Еще в 1732 г. по указу Анны Иоанновны предполагалось построить каменную Троицкую церковь «...на том месте, где ныне стоит деревянная». Из-за ветхости пришлось даже разобрать колокольню, и выстроить другую — временную в виде звонницы рядом с церковью. Проекты нового Троицкого собора были выполнены архитекторами М. Г. Земцовым и П. М. Еропкиным, однако, они так и не были осуществлены. Только в 1738 г., Канцелярией от строений было получено новое указание: «...тое деревянную церковь разобрав вновь, построить на том же месте, что и таким же маниром деревянную...». О месте строительства нового храма в документах говорится: «...будет оная соборная церковь вокруг старые или усмотря близ оно где гостиный двор удобное невысокое место, на том месте построить». Для этого «велено вышеписанное место осмотреть архитекторам Земцову и Шумахеру к построению той церкви удобное и оное назначить» (РГИА. Ф. 1601. Оп. 1. Д. 132. Л. 246–247).

В документах отмечалось, что прежняя «...деревянная церковь в совершенной ветхости: стены и полы все сгнили и осели, и алтарь на сторону пошатнулся, от чего опасно внезапного оной церкви разрушения...». При этом из экономии средств предполагалось «материалы на строение оной употребить из имеющихся близ той же соборной церкви из разломанного помянутого гостиного двора с прибавлением к онным если чего из них не достает потребные к тому от канцелярии от строений (РГИА. Ф.1601. Оп. 1. Д. 132. Л.246–247).

Сохранились план и рисунок фасада первоначального Троицкого собора, подписанные архитектором Иваном Бланком (рис. 3). Чертеж может быть датирован 1738–1742 гг. — временем после получения И. Бланком звания архитектора до его

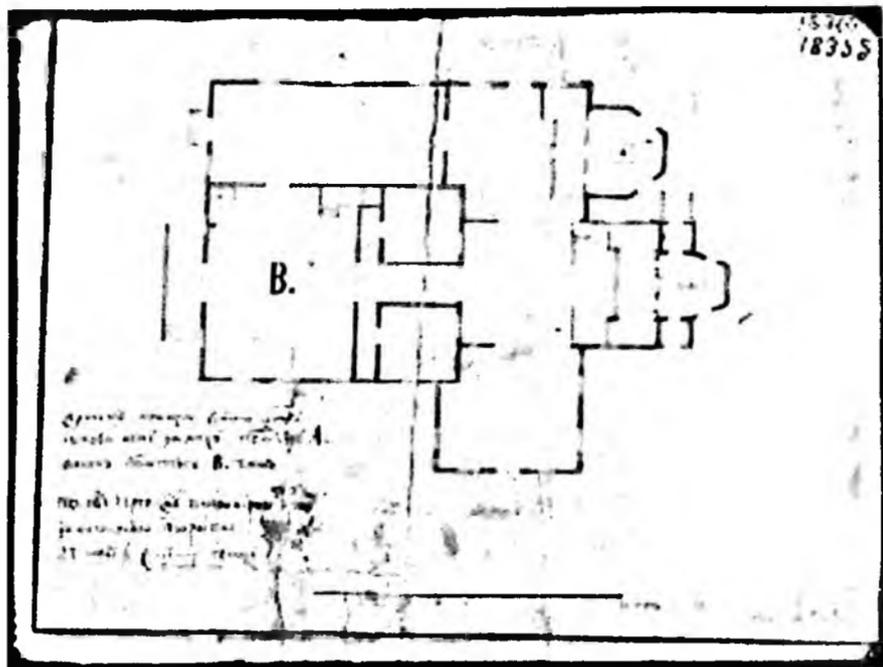

Рис. 3. План Троицкого собора. Иван Бланк.
 Фото-архив ИИМК РАН, архив КГИОП Санкт-Петербурга.

отъезда в Москву. Вероятно, составление чертежа было связано с подготовкой собора к полной перестройке. На этом чертеже храм имеет форму, полученную в результате предшествующих перестроек: к вытянутой крестообразной постройке с северной стороны примыкает придел с дополнительным алтарем. Несомненно, это придел Харитона Исповедника. Судя по плану, храм достигал 37 м в длину (около 40 м с крыльцом) и 27 м в ширину (с двумя крыльцами около 36 м). Без придела Харитона Исповедника ширина первоначальной трапезной составляла всего около 16 м, а алтаря около 10 м.

Помимо чертежа фасада храма, выполненного И. Бланком, сохранились и другие изображения храма, относящиеся к первому периоду его существования. Все они показывают южный фасад церкви, обращенный к Неве. Наиболее достоверные из них: гравюры А. Ростовцева 1716 г., П. Пикарта 1714–1715 гг. и А. Зубова 1720 и 1727 гг. и рисунок Ф. В. Берхгольца. На последнем из этих изображений внешний вид церкви почти полностью соответствует его чертежу, выполненному И. Бланком.

Близка к ним и иконография храма на гравюрах А. Ростовцева и П. Пикарта. На гравюрах А. Зубова, изображавших корабли на фоне Троицкой площади и крепости, церковь имеет несколько измененные высотные пропорции: вытянутая колокольня напоминает колокольню Петропавловского собора, который еще не был достроен к тому времени. Вероятно, эти искажения носили целенаправленный характер — стремление подчеркнуть величие центра новой столицы.

К 1741 г. относится следующий проект каменного двухэтажного Троицкого храма М. Г. Земцова, однако и он не был осуществлен. В 1743 г. окончательно обветшавший собор, по указанию Елизаветы Петровны, был разобран, а на его месте, на старом фундаменте сооружен новый такой же, как прежде. Освещен он был в 1746 г. в присутствии императрицы. Известно, что перестройкой руководил архитектор В. Болес. При постройке использовались бревна длиной 3 сажени и толщиной 6–7 вершков. Крыша была покрыта тремя рядами пильных досок, прибитых новоманерными пятидюймовыми гвоздями*. Всего было использовано около 7 тысяч гвоздей.

Сооружение в «...церкви и в приделе Харитона Исповедника, вдоль чуланов и в трапезе пяти печей израсчатых» было поручено Михайлу Иванову. Изготовить их предполагалось «...из казенных материалов: плитного камня, кирпича, изразцов, глины, проволоки, галланским маниром и трубы вывести выше кровли» (РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 693. л. 127–128). Второй период существования храма продолжался недолго — в 1750 г. из-за упавшей свечи случился пожар и он сгорел дотла.

После двухлетнего перерыва в 1752 г. было принято решение о возобновлении Троицкого собора. Он сооружался на прежнем месте из материалов старой церкви, находившейся ранее вблизи Третьего Летнего дворца, в 1754–1756 гг. по проекту С. А. Волкова (ИСССГЕ, 1883: 104). Несмотря на стремление к воссозданию храма в прежнем виде, по своим внешнему виду, размерам и внутренней планировке он не был схож с предшествующим сооружением. Согласно сохранившемуся плану XVIII в. его размеры были менее размеров петровской церкви (Фото-архив ИИМК РАН: 18353, 18355). Храм состоял

* То есть длиной около 12.7 см.

из четверика и примыкавших к нему алтаря и паперти с колокольней (рис. 4). Примечательно, что в 1754 г. при укреплении береговой линии у домика Петра использовался плитный камень, а возможно и кирпичный щебень, из фундаментов сгоревшей Троицкой церкви (Зязева, 1983: 25–26). Вероятно, это были

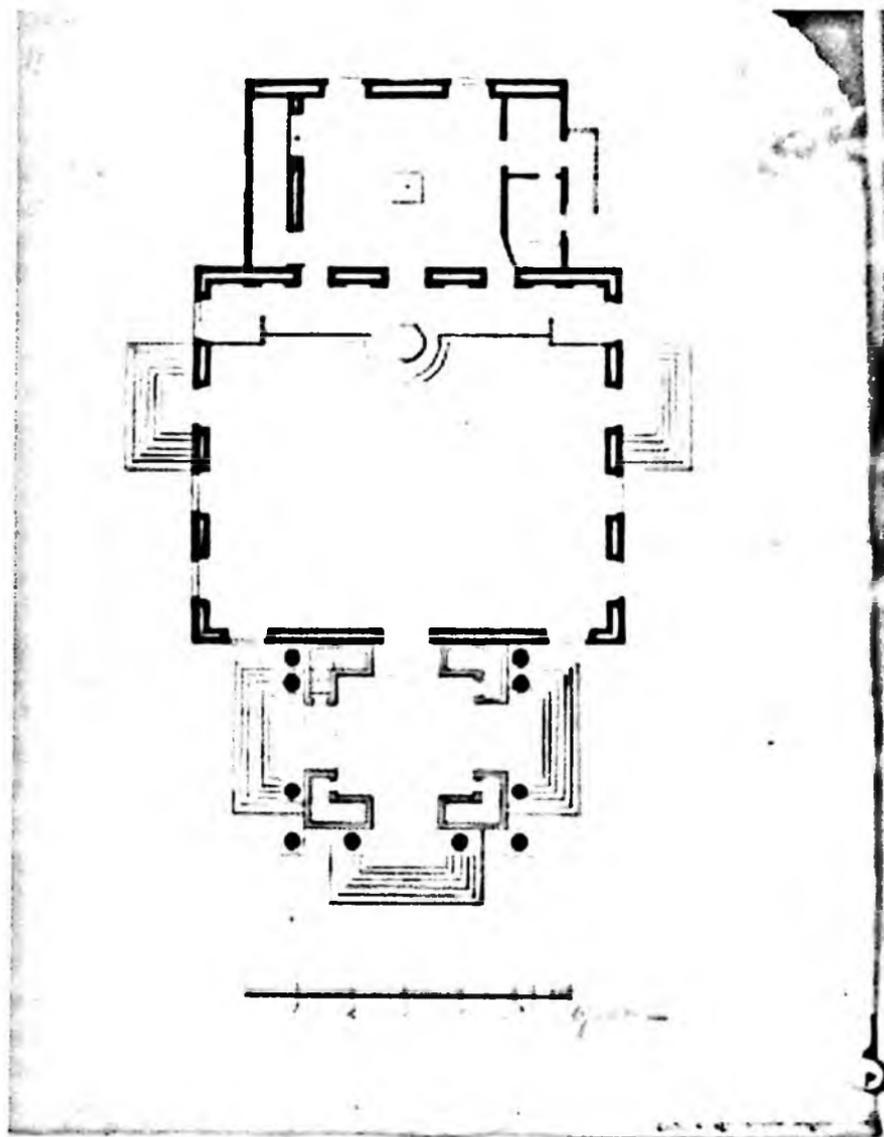

Рис. 4. План Троицкого собора. Фото-архив ИИМК РАН, РГИА.

лишние строительные материалы, неиспользовавшиеся при строительстве нового храма.

Третий период, наиболее продолжительный, был отмечен несколькими крупными ремонтами храма. Непременным условием всех перестроек было то, что он должен был сохранять внешний вид, полученный при его возведении в середине XVIII в. Известно, что в 1776 г. примерно в 50 м к юго-западу от Троицкой церкви была построена, приписанная к ней, теплая каменная церковь во имя преподобного Нила Столбенского (рис. 5). Однако она просуществовала недолго, поскольку после пожара 1809 г., было принято решение о ее разборке (ИСССПЕ, 1883: 105).

В начале XIX в., оставаясь длительное время без ремонта, Троицкий храм пришел в крайний упадок, а колокольня в совершенную ветхость. В 1802–1805 гг. храм был переделан в теплый: в нем были сделаны двойные бревенчатые стены, промежутки между которыми заполнены известью (Немиров, 1903: 239). Следующий ремонт происходил в 1825 г., после катастрофического наводнения 1824 г. В те же годы была изменена церковная ограда, в результате чего в церковную территория

Рис. 5. План Троицкой площади. Атлас Санкт-Петербурга 1798 г.,
Архив КГИОП Санкт-Петербурга.

расширилась от ул. Большая Дворянская на севере до ул. Петровская на юге и Магазинного переулка на востоке. Эта ситуация нашла отражение на плане из атласа Шуберта 1828 г.

В 1875–1876 гг., Троицкий собор подвергнут новому капитальному ремонту. Все здание, за исключением стен, оказавшихся весьма крепкими, было исправлено. Под него подведен новый фундамент, облицованный цокольной плиткой. В соборе заменены полы, балки, двери и окна, построена новая колокольня, покрыта железная крыша. Снаружи он был обшит тесом, а изнутри оштукатурен. Для обогрева поставлены новые круглые печи. Печей было шесть. Они располагались по две в алтаре, притворе и в средней части храма (Платонович, 1881: 32–34).

Известно, что в это время Троицкая церковь имела следующие размеры: центральное помещение 6 саж. длины и 7 саж. ширины, алтарь соответственно — 3 саж. 1 арш. и 5 саж., притвор с колокольной — 4,5 и 4 саж. (рис. 6) (ИСССПЕ, 1883: 111). Помимо этого с западной, южной и северной сторон к храму примыкали крыльца — в три ступени*. На плане начала XX в. размеры церкви составляли примерно 30,2 м в длину и 17,3 м в ширину, а с крыльцами — 34 м в длину и 18 м в ширину (Фото-архив ИИМК РАН: 15038). Эти параметры можно считать наиболее достоверными.

Во время последней перестройки вокруг храма, вместо деревянной, была устроена железная ограда на цокольном фундаменте. В ее юго-западном и северо-западном углах были обновлены, существовавшие ранее, деревянные часовни. В северо-восточном углу ограды находился двухэтажный деревянный дом для причта, а в юго-восточном — сторожка. В ограде собора погребения не совершались. Здесь было известно лишь одно захоронение священника Н. Федорова, совершенное в 1756 г. (ИСССПЕ, 1883: 118).

Собор сильно пострадал от пожара 1913 г., случившегося от неисправности дымовых труб. Сгорели купол, крыша, чердак, притвор и колокольня, сохранилась лишь алтарная часть (Новое время, 1913) В сильном огне оплавилась колокола. Мне-

* Таким образом, по данным ИСССПЕ общая длина его, без крылец, составляла около 30 метров, ширина — 9 метров в притворе и 15 метров в центральном помещении.

ния о состоянии собора после пожара разделились. В биржевых ведомостях от 8 февраля, по результатам осмотра собора, священниками выражалась надежда, что он может быть отремонтирован, и чин малого освящения предполагалось совершить уже 16 февраля. Другое мнение, высказанное епархиальным архитектором А. П. Аплаксыным, было диаметрально противоположным. Он считал, что пожар распространился благодаря пустотам в стенах. В процессе тушения они оказались заполнены водой, которая вскоре замерзла, и именно благодаря этому стены не рухнули. Возглавляемая им комиссия пришла к заключению, что, исключая фундамент храма, все остальное должно быть признано безвозвратно утраченным (Петербургская газета, 1913). Первоначально погоревший собор был покрыт крышей. Службы проходили во временном деревянном двухпрестольном храме. Этот храм по своим размерам и планиграфии был сопоставим со сгоревшим. Он был построен в 1914 г. в 40 м к юго-востоку от Троицкого собора и простоял до 1927 г., когда после завершения его реставрации был разобран.

Рис. 6. Троицкий собор, 1903 г., Фото-архив ИИМК РАН.

№	Наименование	Единица	Количество	Стоимость
1	Кирпич	тыс. шт.	100	10000
2	Цемент	тыс. п.	50	5000
3	Песок	тыс. м ³	100	10000
4	Гравий	тыс. м ³	100	10000
5	Дерево	тыс. м ³	50	5000
6	Железо	тыс. кг	100	10000
7	Сталь	тыс. кг	100	10000
8	Медь	тыс. кг	100	10000
9	Серебро	тыс. кг	100	10000
10	Золото	тыс. кг	100	10000

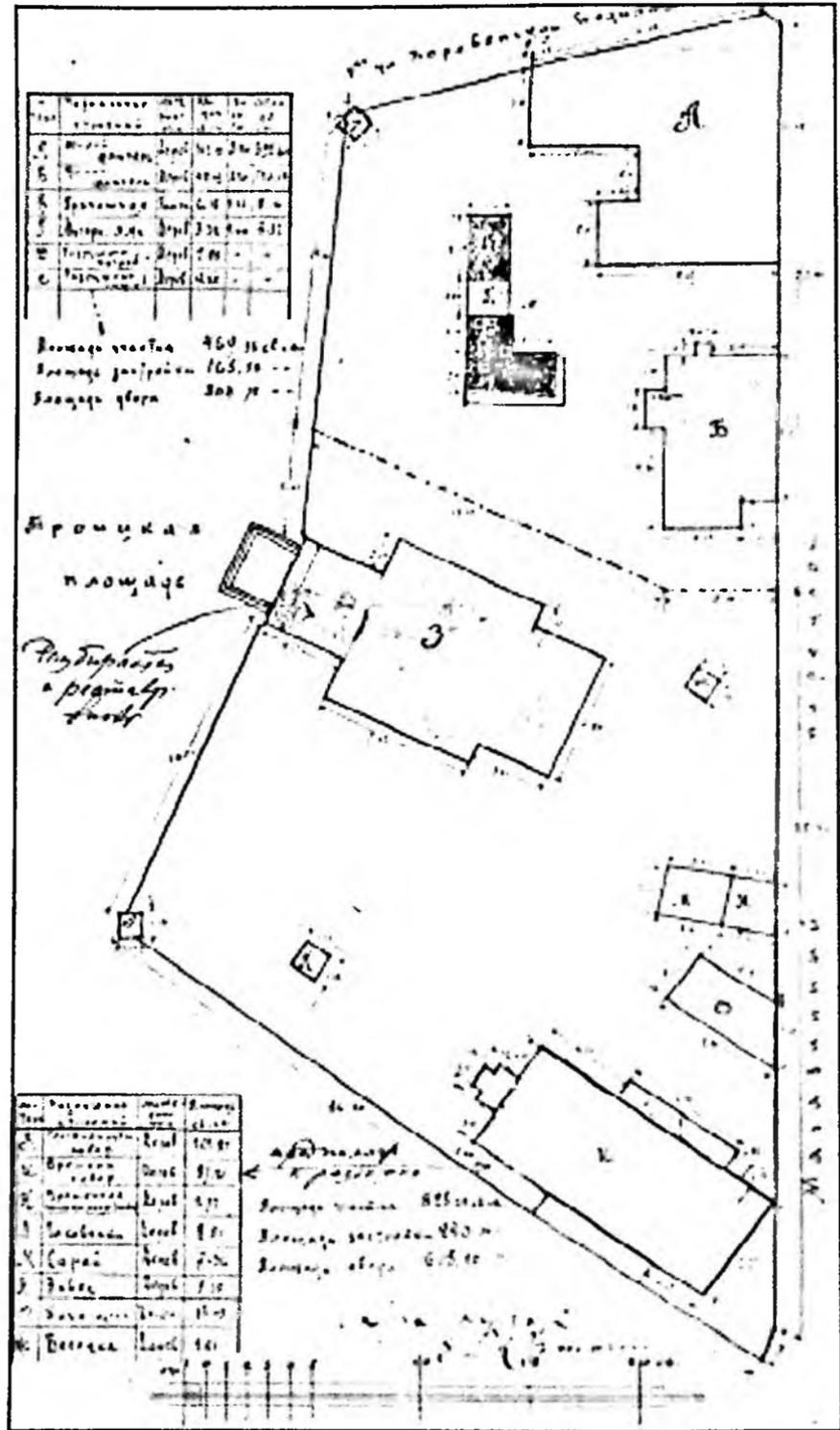
Высота этажа 450 мм
 Высота потолка 165 см
 Высота пола 200 мм

Броника
площадь

*Подготовка
в проекте
фунда*

№	Наименование	Единица	Количество	Стоимость
1	Кирпич	тыс. шт.	100	10000
2	Цемент	тыс. п.	50	5000
3	Песок	тыс. м ³	100	10000
4	Гравий	тыс. м ³	100	10000
5	Дерево	тыс. м ³	50	5000
6	Железо	тыс. кг	100	10000
7	Сталь	тыс. кг	100	10000
8	Медь	тыс. кг	100	10000
9	Серебро	тыс. кг	100	10000
10	Золото	тыс. кг	100	10000

Высота этажа 850 мм
 Высота потолка 480 см
 Высота пола 650 мм

Длительное время продолжалась дискуссия о том, в каком виде должен быть восстановлен Троицкий собор. Наконец, было принято решение восстановить церковь в том виде, какой она была до последнего пожара.

Однако из-за революции и гражданской войны реставрация церкви затягивалась. В 1922 г. на Всероссийской музейной конференции, проходившей в Москве, было принято постановление о производстве «реставрационных работ по воссозданию полусгоревшего... Троицкого собора... являющегося ценным памятником древнего зодчества середины XVIII в.». После этого, в 1923 г., были начаты восстановительные работы, завершившиеся в 1926 г. Эти работы велись на средства прихода под наблюдением Реставрационной мастерской Ленинградского отделения Главнауки. Проект реставрации был выполнен на основе исторических документов архитектором Е. И. Катониным. Проводившиеся работы, почти, не затрагивали подземного пространства, так как фундаменты храма, в основном, были признаны сохранившимися. Некоторой модернизации подверглись лишь фундаменты колокольни — были усилены основания колонн, стоявших по внешнему периметру паперти (Архив НТД. Ф. 192. Оп. 3—1. Д. 60. Л. 4359).

Сохранилось несколько планов того времени составленных архитектором Е.И. Катониным и датирующихся 1923 и 1926 гг. Они содержат подробную информацию о постройках на участке Троицкой церкви того времени. К северу и северо-востоку от нее располагались жилые дома причта, сарай, прачечная. С восточной и юго-восточной сторон находились временные колокольня и церковь, кочегарка и сарай. В церковной ограде на углах улиц Большая Дворянская и Петровская имелись часовни (рис. 7).

Несмотря на то, что Троицкий собор был признан единственным памятником деревянного зодчества XVIII в. в Ленинграде и находился на государственной охране, спустя всего несколько лет после его восстановления, в 1933 г., он был закрыт и разобран по решению Облисполкома. В 30–50-е гг. площадь была перепланирована, а на месте разобранного собора в 1956 г. построено новое здание (дом 3–5 по Троицкой пл.) и разбит газон.

Рис. 7. Генеральный план участка, принадлежащего Троицкому собору, 1923 г. Архив НТД, Санкт-Петербург.

2.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ ТРОИЦКОГО СОБОРА

Архивные и библиографические исследования по истории Троицкой церкви проводились параллельно с ее археологическими раскопками. Было установлено, что специальные исследования по определению ее местоположения до этого не проводились, хотя мнения на этот счет высказывались. Известный историк Санкт-Петербурга П. Н. Петров полагал, что первоначальный Троицкий Петровский собор стоял не на том месте, где располагалась последняя Троицкая церковь, а ближе к ул. Малая Дворянская (Мичуринская).

В процессе работ обрабатывались различные варианты местоположения остатков храма. Согласно сложившейся традиционной версии и по мнению большинства специалистов храм располагался в самом центре сквера на Троицкой площади. Причиной такой локализации считались воспоминания старожилов и выступающие на поверхности в этом месте известковые плиты.

К началу работ имелась лишь незначительная часть картографических материалов, использовавшихся в последствии для определения местоположения храма. Поэтому, в первый год раскопок, такое определение носило ориентировочный характер. Для уточнения этого вопроса требовалось проведение специальных исследований, включающих сбор и изучение архивных материалов, а также совмещение исторических планов и карт с современными. Для этого, в первую очередь, использовались наиболее подробные картографические материалы, такие, как, план Петербургского острова 1714 г., план Петербурга 1738 г. — наиболее точный из планов зафиксировавший местоположение первого храма, Атласы Санкт-Петербурга 1798 г. и 1828 г., а также План Санкт-Петербурга 1909 г.

Казалось бы, определение местоположения третьего — Елизаветинского храма не представляло значительной трудности, так как он находился на одном и том же месте вплоть до его разборки в 1933 г., а для времени сер. XVIII — XX вв. сохранились уже достаточно подробные планы. Однако, в 30-е—50-е гг. территория площади была полностью перепланирована — на

ней исчезли прежние сооружения и построены новые дома: здание с 12 колоннами и дом политкаторжан. В результате исчезли Магазинный переулок, ограничивавший территорию, обнесенную церковной оградой с востока и Петровский проезд, связывавший Троицкую пл. с набережной в районе домика Петра и служивший южной границей церковной территории. Изменилась и конфигурация самой Троицкой площади, занятой в настоящее время большим сквером. Ближайшими, сохранившимися до настоящего времени, градостроительными осями здесь являются улицы Большая Дворянская (Куйбышева) и Малая Дворянская (Мичуринская), а также Кронверкский проспект.

При определении местоположения первой Троицкой церкви учитывалось то, что с начала XVIII столетия здесь произошли значительные топографические изменения — берег Невы в результате подсыпок переместился на несколько десятков метров к югу и юго-западу. Улицы Большая и Малая Дворянские к тому времени еще не сформировались и не имели четких границ. Ближайшими сооружениями современными раннему храму, которые могли бы быть использованы для определения местоположения его на местности в качестве опорных точек, были лишь значительно удаленные от него — домик Петра и Петропавловская крепость. Поэтому, при совмещениях исторических планов с современной топоосновой за определяющий был выбран комбинированный метод с использованием засечек и промеров. На историческом плане Санкт-Петербурга 1738 г. осевые линии были проведены через характерные места укреплений Петропавловской крепости, Кронверка и домика Петра. Точка их пересечения, оказавшаяся вблизи Троицкого собора и была выбрана в качестве опорной при его нанесении на современный план.

Изучение исторических планов показало, что храм первой половины XVIII в. располагался в северо-восточном углу современного Троицкого сквера, примерно в 100 метрах от места его традиционной локализации к северо-востоку. Именно здесь и были начаты археологические исследования. Однако впоследствии, в процессе раскопок, постоянно производилась корректировка первоначального определения на основании их результатов и привлечения новых архивных материалов.

3.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТРОИЦКОЙ ПЛОЩАДИ

В результате археологических раскопок 1996, 1998 и 1999 гг. на Троицкой площади был изучен культурный слой на площади около 100 м кв. (рис. 8, 9) (Сорокин, 1996а, 1996б, 1998, 1999). В первый год было заложено 10 разведочных шурфов, общей площадью около 20 м кв., которые дали возможность получить общее представление о состоянии археологического культурного слоя на исследуемой территории и обнаружить разновременные

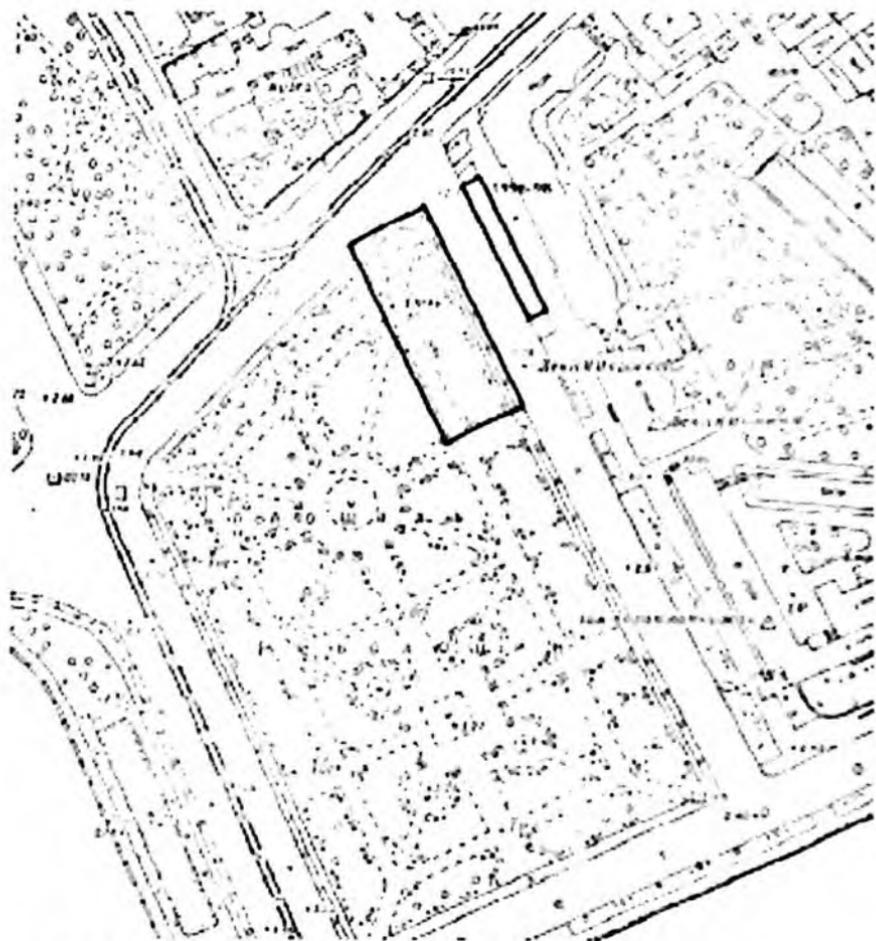

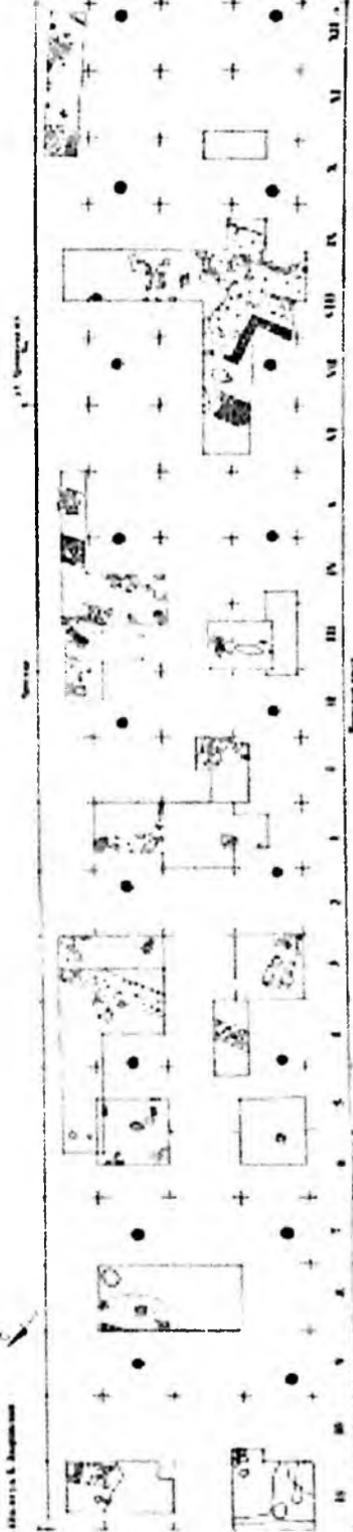
Рис. 8. Общий план археологических исследований на Троицкой площади.

остатки Троицкой церкви. Первоначально, по результатам предварительных работ с картографическими материалами XVIII — начала XX в., разведочные раскопки были проведены в северо-восточной части сквера на Троицкой площади, ограниченной ул. Большой Дворянской (Куйбышева) и безымянным проездом. После того, как в указанном месте следов храма выявлено не было, работы были продолжены на противоположной стороне безымянного проезда — на газоне перед д. 3 по Троицкой площади, где были обнаружены руинированные остатки фундаментов и следы пожара середины XVIII в.

В 1998 г. на месте обнаружения остатков храма, предполагалась закладка раскопа для более детального их изучения. Однако сделать это, в полной мере, не позволили современные градостроительные условия этой территории. Ширина газона, на которой были сделаны интересные находки, достигает 8.5 м. С восточной стороны он ограничен тротуаром, а с западной — проезжей частью. На нем имеется аллея лип, расстояния между которыми составляют — 4–5 м. При этом в центральной части газона был прослежен сплошной перекоп в виде траншеи шириной около 1.5 м, проложенной вдоль всего газона. Подобная же траншея, шириной около 1 м, имеется и на границе газона с проезжей частью.

В данной ситуации закладка раскопа не представлялась целесообразной, и было решено сделать серию шурфов. Места их

Рис. 9. План раскопок на месте Троице-Петровского собора.

заложения выбиралось с таким расчетом, чтобы можно было получить полное представление о культурном слое и остатках сооружений на обследуемой территории и при этом не нанести ущерба зеленым насаждениям. Перед началом работ в 34,5 м от ул. Куйбышева к югу была разбита сетка квадратов (2×2 м), общей площадью 12×22 м.* В восьми шурфах, общей площадью около 45 кв. метров, были вновь выявлены и изучены слой пожара середины XVIII в. и отдельные остатки полуразобранных фундаментов XVIII–XIX столетий.

По результатам работ 1998 г. принято решение о продолжении исследований в кв. 1–5, где были обнаружены остатки фундаментов, а также расширению зоны исследований в южном направлении. В процессе археологических работ 1999 г. было заложено восемь новых шурфов, общей площадью около 35 м кв. Сделаны прирезки к шурфам: 7 — 1996 г. и 1,3,5 — 1998 г., а также заложены новые шурфы с целью более полного изучения культурного слоя и руинированных сооружений**. В них прослежены полуразобранные фундаменты храма из кирпича и известковой плиты, отдельные части которых сохранились, а также участки, кладки из булыжников, залитых известковым раствором.

Археологический культурный слой на месте Троицкого собора в среднем достигает мощности около 1–1.2 м (рис. 10). Такая мощность для центра Санкт-Петербурга может считаться незначительной. Это связано с тем, что здесь на протяжении XVIII–XX вв. не было интенсивной строительной и хозяйственной деятельности, которая могла бы способствовать

* Квадраты были обозначены арабскими цифрами в меридиональном направлении — от 1 до 11 с юга на север и буквами а, б, в, г, — в широтном, с запада на восток. Для высотной фиксации находок и сооружений был выбран репер — возвышенная точка в центре исследуемой площади, обозначенная металлической трубой. Для удобства приведения сооружений к единой высотной системе, в случае продолжения работ в будущем, была определена ее отметка относительно верхней поверхности цоколя, расположенного рядом здания (Троицкая пл., д. 3). Она составляет 162 см.

** Учитывая, что исследования распространились на зону, расположенную южнее квадратов линии 1 1998 г. для разбитой здесь сетки квадратов была принята нумерация латинскими цифрами в обратном направлении. Соответственно за квадратами линии 1, располагаются квадраты линии I, и далее по мере удаления к югу их нумерация увеличивается до XII.

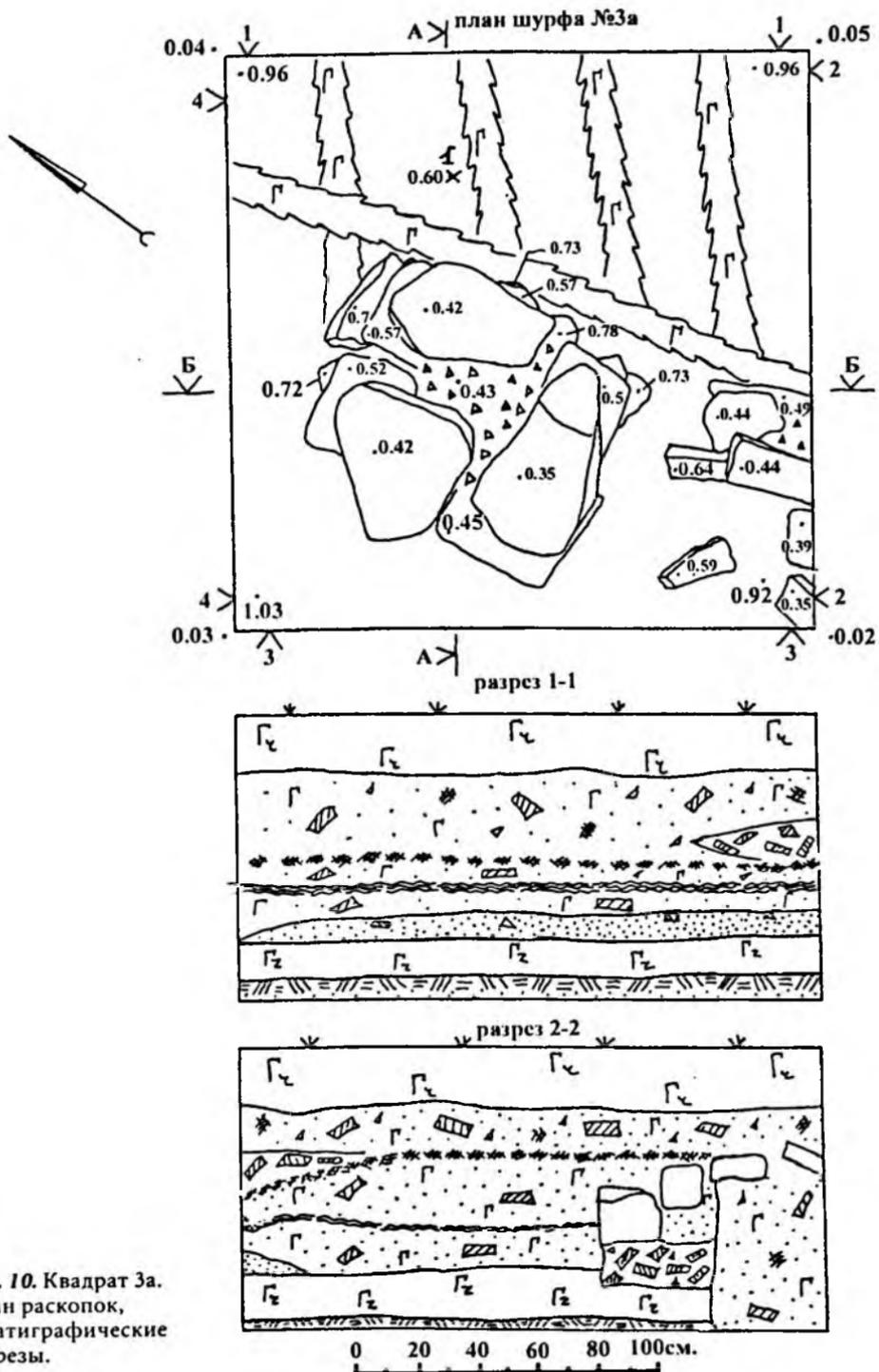

Рис. 10. Квадрат 3а.
План раскопок,
стратиграфические
разрезы.

интенсивному накоплению культурного слоя, за исключением строительства и ремонтов самого храма. Значительное увеличение его мощности было прослежено только в северной части исследованной территории, где в ямах он опускается до отметок — 1.8–1.9 м (кв. 8в — до 1.88; кв. 11в — до 1.9 м; кв. 11а — до 1.81 м). Кроме того, мощность культурного слоя несколько возрастает и к югу из-за понижения уровня древней дневной поверхности в этом направлении.

Слой почвенного гумуса (отметки +0.05–0.25 м — здесь и далее минимальные и максимальные отметки залегания слоев) образовался при устройстве сквера в середине — второй половине XX столетия. Вероятно, он является привозным, хотя в него и попали, в результате перекопов, отдельные предметы из более ранних культурных отложений.

За ним следует верхний слой гумусированного песка со строительными остатками в виде осколков кирпича, камня и гравия (0.20–0.60 м). Судя по вещевым материалам, он сформировался в XIX — начале XX столетий. Явное попадание в этот слой предметов из более ранних напластований объясняется поздними перекопами на этой территории, в том числе образовавшимися при разборке фундаментов последнего храма в 1930-е гг.

Ниже лежащая свита слоев гумусированного песка (0.45–1.20 м) относится к XVIII — началу XIX столетия. В ее составе выделяется песчаный слой со строительным мусором (0.45–0.65 м), относящийся к середине — второй половине XVIII в. Этот слой маркирует время строительства Елизаветинской Троицкой церкви. Под ним на отметках 0.60–0.70 м четко выделяется прослойка древесного угля соотносимая с пожаром храма в 1750 г.

В нижележащем слое гумусированного песка, на отметках 0.70–1.0 м, отчетливо прослеживаются две прослойки древесного тлена, связанные, вероятно, со строительными работами по сооружению и перестройке Троицкой церкви в первой половине XVIII в. В основании культурного слоя залегает погребенная почва (0.90–1.2 м). В ее верхней части имеются некоторые включения — обломки кирпича, керамика, которые связаны с самым началом XVIII в., то есть со временем, предшествовавшим строительству храма.

Слои этой свиты датируются по фрагментам белоглиняных и красноглиняных курительных трубок, бытующих в XVIII в. и монетам 1704–1720 гг. В этих же слоях обнаружена основная часть фрагментов грубой кухонной посуды и бутылочного стекла, изразцов с синей (кобальтовой) росписью по белому фону, черепица, разноформатные кирпичи без клейм, толщиной 5–6 см.

На примере изменения уровня залегания прослоек древесного тлена и угля прослеживаются понижения уровня дневной поверхности в первой половине XVIII столетия.

Прослойки древесного тлена понижаются в северном направлении с отметок 0.5–0.65 м (кв. 3 а), до 0.75–0.85 м (кв. 5а, 5в), 1.10–1.25 м (кв. 11а, 11в). В южном направлении прослойка древесного тлена так же падает до отметок 0.9–1.0 (кв. VI–IX а, б, в, г), 0.8–0.85 (IX–XI а). Прослойка древесного угля так же понижается в тех же направлениях от центра к краям исследованной территории с 0.5–0.8 м (кв. 3а, 3в) на север до 1.15 (кв. 11в) и на юг до 0.8–0.9 (кв. VI–IX а, б, в, г). Местами прослеживается две прослойки угля на разных уровнях, но, судя по всему, обе они относятся к одному и тому же пожару 1750 г.

Последний пожар храма в 1913 г. не оставил после себя столь явных следов в культурном слое. Вероятно, это объясняется тем, что он не был тотальным, и вскоре после него территория была благоустроена, а затем и перепланирована.

Анализ трех фрагментов обгоревшей древесины из заполнения ямы в кв. 11в (слой пожара 1750 г.) показал, что два из них являются остатками сосны и один — березы. Два других фрагмента из слоя XVIII в. (кв. 8в) и слоя пожара (кв. 3а) так же оказались березовым и сосновым. Учитывая, что береза не использовалась в качестве строительных материалов можно предполагать, что обнаруженные фрагменты этого вида древесины связаны с отоплением храма*.

Погребенная почва и материковая поверхность также имеют незначительный уклон в северном и южном направлениях по отношению к центру площади обследованного участка. Отметки уровня погребенной почвы составляют: в кв. 5а — 0.7–0.9 м; 1а — 0.8–1.05 м; 8в, 11в — 0.9–1.1 м; III–IV в, г, — 0.9–1.05;

* Анализ пород древесины производился в лаборатории Гос. Эрмитажа к.б.н. М. И. Колосовой.

VI–IX а, б, в, г — 1.1–1.20 м; X–XII а, г — 1.30–1.46 м. Из этих отметок явно прослеживается падение уровня дневной поверхности в сторону русла реки Невы. Учитывая, что современное местоположение Троицкого собора имеет абсолютные отметки около 2.8 м, а урез воды составляет около +0.3 м, можно констатировать, что уровень дневной поверхности начала XVIII в. в районе Троицкой церкви возвышается над современной водной поверхностью всего на 1–1.5 м.

Погребенная почва, прослеженная на раскопанном участке, содержит вещевые материалы начала XVIII в. только в верхней части. При зачистке по уровню материкового песка удалось зафиксировать следы, предположительно связанные с распашкой, относящейся к допетровскому периоду. Они представляют собой полосы шириной 10–15 см, с интервалами около 40 см. Снизу слой первоначальной почвы подстиляется песком, обеспечивающим хорошее дренирование грунта (рис. 9).

Палинологический анализ образцов погребенной почвы показал, что основными видами деревьев, произраставших в этом районе в допетровское время, были сосна и ольха, в меньших масштабах представлена береза. Из культурных растений выделяются злаковые, среди которых преобладает рожь. В то же время в образцах зафиксированы споры растений, произрастающих на прибрежных и заболоченных территориях*.

С западной и юго-западной стороны от места расположения Троицкого собора мощность культурного слоя в разных местах составляла от 0.8 до 1.35 м (шурфы 1–6, 1996 г.). Здесь также отчетливо прослеживается понижение уровня дневной поверхности начала XVIII в. в сторону Невы (в южном направлении). В основании культурного слоя, был прослежен слой заиленного песка зеленоватого цвета, свидетельствующий о увлажненности этой местности в допетровское время. Над ним на отметках 0.8–1.35 прослеживался слой погребенной почвы, относящийся, судя по всему, к тому же периоду. На отметках 1.05–1.2 (шурф 3) был прослежен слой древесной щепы, вероятно, связанный с началом строительной деятельности на этой территории.

* Подробнее о результатах анализа смотрите статью О. Ф. Дзюба, П. Е. Сорокина в этом сборнике.

В центральной части газона, по линии квадратов Б, культурные слои до самого материка оказались переотложены. Здесь в середине XX столетия была проложена траншея шириной около 1.5 метра. В ее заполнении, на разных уровнях, встречаются находки XVIII–XX вв.

Планиграфия ям, выявленных в кв. 8 в и 11 а, в, г, и в шурфе 9 1996 г. не исключает, что все эти углубления могли быть связаны между собой и имели определенное назначение. Все они находились с северной стороны храма. Однако, невозможность полного вскрытия их на сопредельной территории, занятой деревьями и асфальтно-бетонным покрытием, затрудняет их интерпретацию. Тот факт, что все эти ямы врезаются в материковый песок через слой погребенной почвы, свидетельствует о том, что они не могут быть естественными углублениями на земной поверхности начала XVIII столетия.

В настоящее время возможны различные варианты объяснения этого явления. 1. Ямы представляют собой углубления в земной поверхности, вырытые до сооружения храма (дренажные канавы? Места добычи песка для более раннего строительства?), засыпанные с включением дренирующих материалов перед началом строительства храма или вероятнее при его расширении вследствие пристроек трапезной и приделов. 2. Углубления были сделаны специально для отвода воды в процессе строительства и, следовательно, должны соответствовать планиграфии храма.

Сооружения. Сохранившиеся после разборки храмов фрагменты кладки фундаментов различаются по своему устройству. Кладка, прослеженная в кв. 1в и 3в представляет собой полуразобранную комбинированную выкладку из бутового камня и разновременного кирпича. В квадрате 1в она сохранилась на отметках 0.32–1.02 м, в квадрате 3в — 0.60–0.98 м. Подобная же забутовка и полуразобранная кладка из кирпича была прослежена в кв. II, III в, г (шурф 7, 1996 г.). Однако, в этом случае ее отметки несколько отличаются от предыдущих и составляют — 0.29–1.12 м. Эти фундаменты могут быть связаны с третьей Троицкой церковью, сооружение которой было окончено в 1756 г., на месте сгоревшей. Наличие в кладке

клеяного кирпича с надписью «Захаров» может объясняться тем, что фундамент под этим храмом менялся в 70-е гг. XIX в.

Остатки разобранной кладки в кв. 1 а, б прослежены на отметках — 0.83–1.05 м, столбовая конструкция в кв. 3в — 0.60–0.98. В располагавшемся поблизости кв. III а, б (шурф 7, 1996 г.), также была прослежена разобранная ленточная кладка на отметках 0.86–1.2 м.

Примечательно, что во всех случаях основание фундаментов было заглублено в погребенную почву, иногда до материкового песка, и лежало на прослойке кирпичной крошки и известкового раствора. Таким образом, глубина их заложения по отношению к древней дневной поверхности была очень незначительна.

Почти полностью разобранная линия фундаментов церкви, ориентированная в широтном направлении, была прослежена в кв. 3в, 3г, 4б (рис. 11). Она фиксировалась по скоплению: обломков кирпича, камня, раствора. Остатки фундамента представляли собой развал шириной 65–70 см, мощностью — 15–25 см, находившийся на отметках — 0.80–1.05 м. В нем были встречены: медная монета — копейка 1717 г., а также фрагменты изразцов с синей росписью по белому полю начала XVIII в.

Прослойка древесного угля, прослеженная на всей площади шурфа, оказалась нарушена над развалом кладки, однако в верхней ее части имелись значительные включения древесного угля. На основании стратиграфических наблюдений можно полагать, что разборка фундамента в этой части происходила около середины XVIII в. Это подтверждается и отсутствием в разобранном фундаменте поздних вещей, которые непременно должны были бы попасть туда при разборке. Следовательно, вероятно, это произошло после пожара 1750 г. и до сооружения нового храма в 1756 г.

Наличие в слое древесного угля значительных включений оконного стекла, свидетельствует о том, что обнаруженный фундамент был основанием одной из внешних стен храма. Судя по ее местоположению, это, видимо, была северная стена. При этом в соседнем квадрате 3 в был прослежен участок кладки, смыкающийся с описываемым развалом под углом близким к прямому и представляющим собой остатки фундамента одной из внутренних стен церкви.

Следующий участок разобранного фундамента, аналогичного по составу и ориентированного в том же направлении, был прослежен в квадратах 1 а, 1 а. Здесь остатки фундамента также представляли собой скопление обломков кирпича, камня и раствора и имели ширину около 50 см. В его верхней части было встречено значительное количество древесного угля. Данный участок может быть определен как фундамент внутренней стены церкви, отделявшей ее основную часть (трапеznую) от придела Харитона Исповедника.

С храмом Петровского времени, вероятно, связаны и фундаментные конструкции обнаруженные в квадратах VI-IX а, б

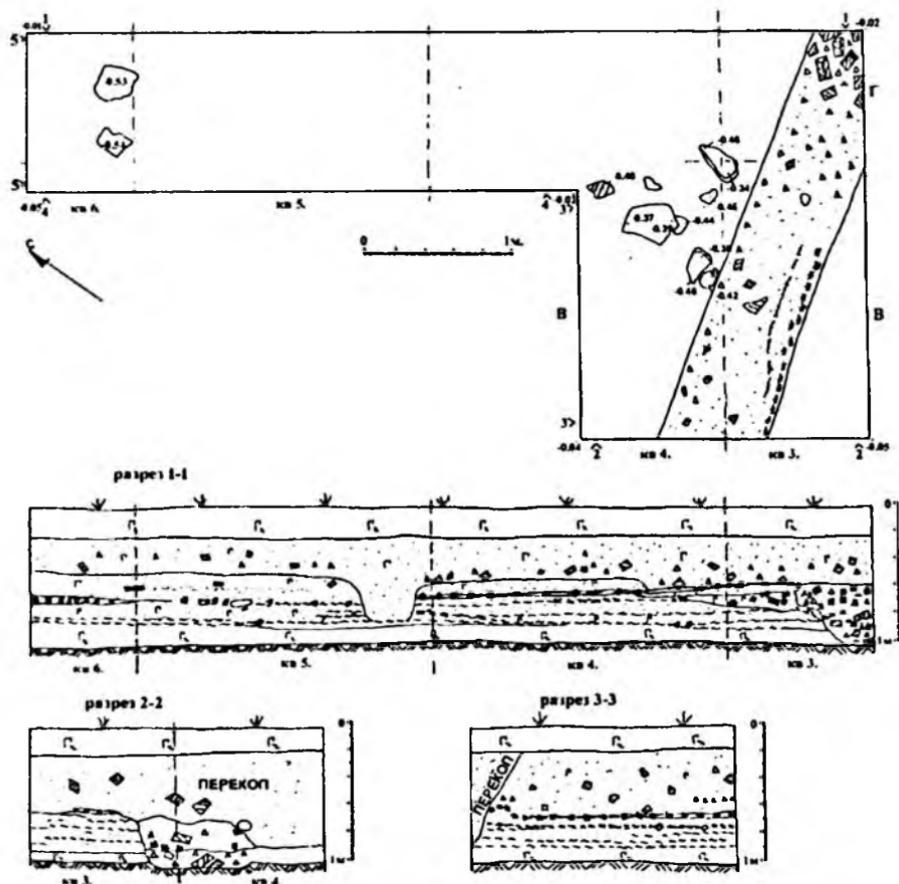

Рис. 11. Следы разобранного фундамента в квадратах 3в, 3г, 4б.
План, стратиграфические разрезы.

(рис. 12). Практически всю площадь квадратов VIII а, IX а, на отметках 0.30–0.45 м занимала кладка из залитых известковым раствором валунов. В восточной части прослеживаются следы ее разрушения, связанные с вышеупомянутой траншеей по линии б, в заполнении которой встречались аналогичные валуны и включения известкового раствора. Естественную южную границу кладки удалось проследить в прирезке (кв. IX а), где был зафиксирован ее выступ.

С северной оконечности (кв. VIII а) в кладку из валунов прямым углом врзается конструкция, выложенная в два кирпича, от которой сохранилось пять рядов кладки. Ее верхние отметки — 0.32–0.43 м, нижние 0.90 м. Ее основание лежит в слое гумусированного песка с древесным тленом, перекрывающего погребенную почву.

Внутри угла, стороны которого ориентированны на север и запад было прослежено скопление битого кирпича. Кирпичная кладка в три ряда прослежена и под булыжной вымосткой на ее северном окончании, однако, ее основание находится на отметке 0.85 м и представляет собой незначительную по толщине (5 см) проливку известковым раствором.

Еще одна кладка из кирпича, на валунном основании, шириной 0.90 м прослежена в кв. VII, с незначительным выходом в VI кв. на отметках 0.58–0.92 м (рис.13). Основание ее лежит на уровне погребенной почвы. Она ориентирована в широтном направлении. Здесь сохранилось два ряда кирпичей, лежащих на залитых известковым раствором валунах. С восточной стороны верхняя часть кладки оказалась разобрана и сохранились лишь валуны в ее основании. С западной стороны она уходит в стенку шурфа.

В центре, между двумя описанными кладками, на отметке 0.84 м зафиксирован большой валун, залитый раствором, вероятно, свидетельствующий о том, что эти кладки каким-то образом соединялись между собой. Об этом же могут свидетельствовать внешнее сходство, использованного в них, кирпича светло-красного цвета без клейм. При этом размеры кирпича сильно варьируются, что может свидетельствовать об отсутствии их стандартизации. В первой кладке были прослежены кирпичи со следующими параметрами: 26.5 x 13, 26.5 x 13.5, 27.5 x 13, имеются также отдельные экземпляры шириной 14 см. Во второй: 30 x 13.5 x 5.5 см, 30 x 14 x 5.5 см, 30 x 15 x 5.5 см.

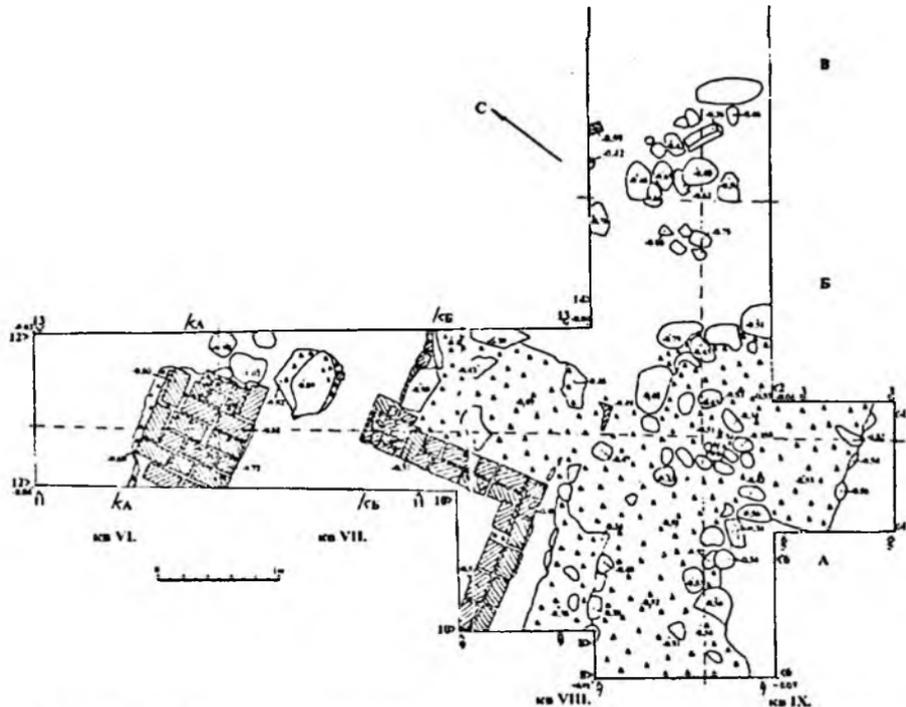

Рис. 12. План фундаментной кладки в квадратах VI а,б, VII а,б, VIII а,б, IX а,б.

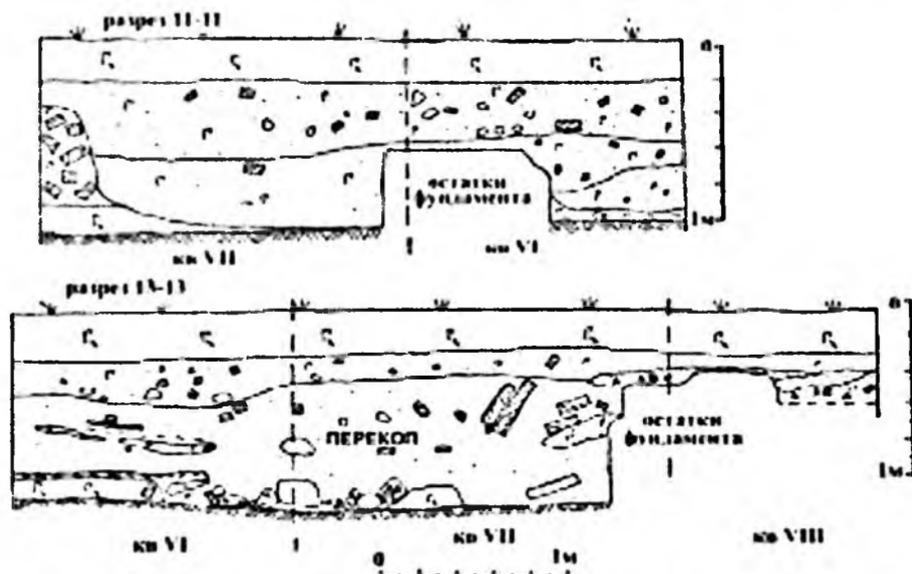

Рис. 13. Разрезы фундаментной кладки в квадратах VI а,б, VII а,б, VIII а,б.

На данном этапе возможно следующее определение выявленных сооружений. Фундамент из валунов, залитых известковым раствором, судя по всему, представляет собой усиленное основание колокольни храма. Кладка из кирпича (кв. VI–VII а) на валунах, шириной 80 см, представляет собой основание одной из внутренних стен. Г-образная выкладка в кв. VII–VIII а, б, вероятно, является остатками одной из печей церкви. Судя по всему, во время существования храма большая часть выявленных кирпичных кладок возвышалась над земной поверхностью.

Подобная интерпретация выявленных остатков позволяет полагать, что в процессе раскопок была вскрыта центральная часть храма. Западная (притвор) находится под проезжей частью, а восточная (алтарь) попадает под дом 3–5 по Троицкой пл.

Новый собор, построенный в 1756 г., по размерам, внутреннему устройству и внешнему виду не был схож с предшествующим сооружением. В этой связи интересен вопрос о преемственности местоположения второго храма по отношению к первому. Перестройка на прежнем месте давала возможность использовать для новой постройки прежние фундаменты. Судя по всему, это и произошло в процессе перестройки храма в 1743–1746 гг., когда был сохранен его первоначальный облик. Третий — Елизаветинский храм по своему плану отличался от предшествующих, поэтому более ранние фундаменты для него не подходили. При этом наиболее экономичным вариантом была разборка прежних фундаментов для строительства нового храма, что вероятно и было сделано. Хотя имеются сведения о том, что еще раньше камни фундаментов сгоревшего Троицкого собора использовались для укрепления берега Невы в районе домика Петра. Однако какая-то часть прежних фундаментов могла быть укреплена и использована при новом строительстве. Сооружение новых фундаментов в 1870-х гг., также предполагало возможность частичного использования предшествующего основания.

Основное отличие фундаментов первоначального храма от фундаментов Третьего — Елизаветинского заключается в том, что в последних, которые как известно, перестраивались в 1870-е гг. широко использовался клейменный кирпич, не характерный для XVIII столетия. В фундаментах первой церкви использовался разноформатный кирпич, преимущественно

малой толщины (5–7 см). Такие особенности были характерны для кирпича начала — первой половины XVIII в.

На этом основании с остатками второго храма может быть соотнесена полуразобранная линия фундаментов в кв. IV, V в, г, а также сплошная забутовка в соседних квадратах III в, г (рис. 14). Впрочем, булыжное основание последней могло быть связано и с первой церковью. К последнему же храму могут быть отнесены два столбовых фундамента в кв. 3 а, V г.

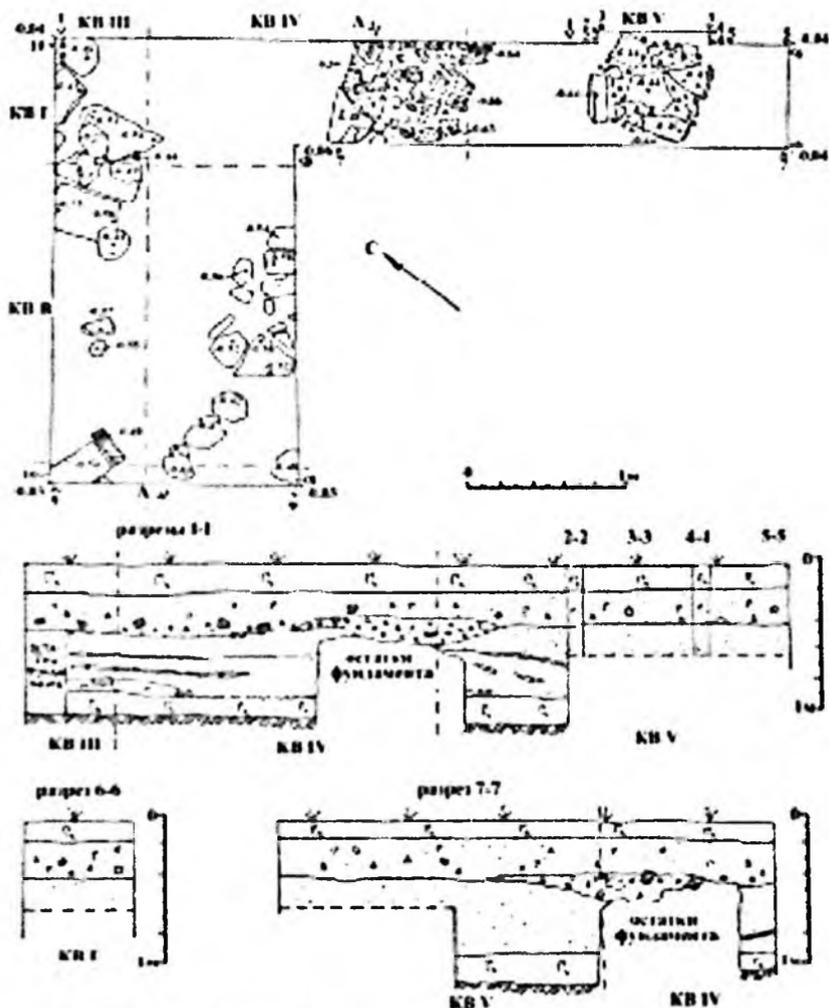

Рис. 14. План и разрезы фундаментной кладки в квадратах IV в, г, V в, г.

Подобная интерпретация совпадает с данными карты 1909 г. и целой серии планов, составленных при реставрации церкви в 20-е гг. XX в. архитектором Е. И. Катониным (Архив НТД. Ф. 192, Оп. 3–1. Д. 60; Д. 4359). Таким образом, исследованная часть последней церкви, вероятно, представляет собой притвор, являвшийся одновременно и основанием колокольни.

В северной и южной части исследованной территории были прослежены фрагменты булыжного мощения участка. В квадратах II а, б кладка из валунов залегала на отметках 0.8–0.9 м. В кв. X на отметках — 0.60–0.78 м, и в кв. XII на отметках — 0.47–0.50 м были прослежены вымостки из булыжника (рис. 15). Первая из них понижается с востока на запад под углом около 10 градусов. Во всех случаях мощение было сделано на специальной песчаной подсыпке.

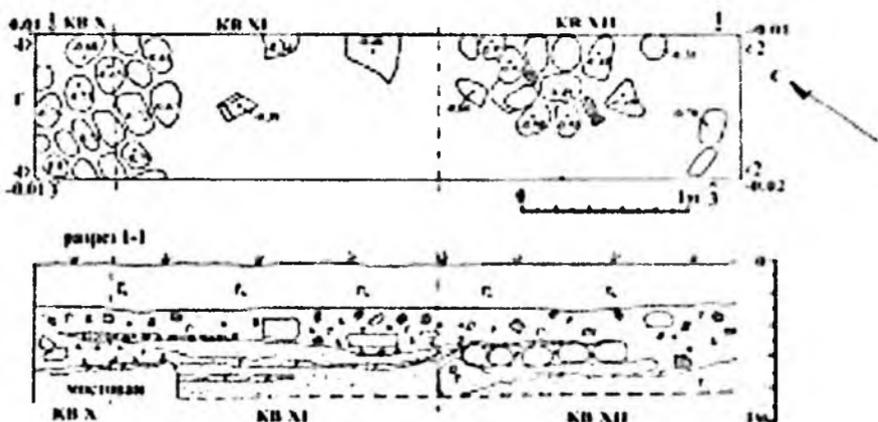

Рис. 15. Квадраты X г, XI г, XII г. План, разрез. Булыжное мощение.

Коллекция археологических находок из раскопок на Троицкой площади включает: металлические предметы, фрагменты керамической и стеклянной посуды, печные изразцы, кровельную черепицу, а также изделия из кости и камня.

Железные предметы представлены, в основном, четырехгранными кованными гвоздями, длиной от 4 до 10 см (рис. 16). Большинство из них связано со слоем пожара. Гвозди, вероятно, использовались для крепления деревянной кровли и могут нести некоторую информацию о ее толщине. Кроме этого встречались массивные строительные костыли и судовые ско-

бочки с расширенной округлой центральной частью (16/2, 11в/ 5). Такие скобки использовались на баржах XVIII–XIX вв. для прижима планки с конопаткой между двумя досками обшивки, соединявшимися встык. Это может свидетельствовать о том, что в строительстве храма применялся барочный брус, находившийся во вторичном использовании. Среди находок несколько фрагментированных подков и железная деталь, напоминающая фрагмент светца.

Массивная железная болванка была найдена в кв. IX 6/3. Она была прямоугольная в сечении и напоминала петлю для крепления колокола. В траншее кв. 11а были обнаружены части сильно корродированных железных полос не совсем ясного назначения. Были найдены: железный нож (11 в/3. мусорная яма), чугунное навершие копьевидной формы, принадлежавшее ограде последнего храма, со следами краски желтого цвета (16/1), решетка округлой формы (рис. 17).

К деталям дверей относится фрагмент накладки — жиковины с тремя четырёхугольными отверстиями

Рис. 16. Железные предметы из раскопок Троицкой церкви: 1 — скобки, 2 — деталь с отверстием, 3 — подковы, 4 — фрагмент светца, 5 — гвозди.

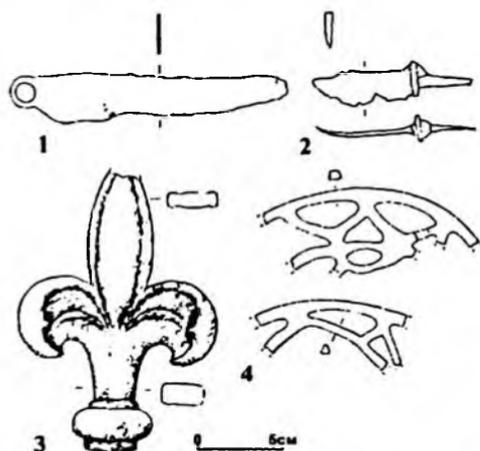

Рис. 17. Железные предметы из раскопок Троицкой церкви: 1 — бритва, 2 — нож, 3 — навершие ограды, 4 — фрагмент решетки.

для гвоздей, прямоугольной формы (3 а/4) и массивная петля для навешивания церковных дверей (I а/2). Железная ручка овальной формы могла относиться к сундуку или к гробу (III а /4). Обнаружен также строительный инструмент: мастерок вытянутой трапециевидной формы (1а/4), а также молоток каменщика с обычным обушком с одной стороны и клинообразной оконечностью, служившей для раскалывания камня и кирпича с другой (IIIа/5, шурф 7/1996) (рис. 18). Примечательно, что оба инструмента были найдены поблизости друг от друга в одинаковых стратиграфических условиях вблизи фундаментов. Судя по всему, они непосредственно связаны со строительством или ремонтом первого Троицкого храма.

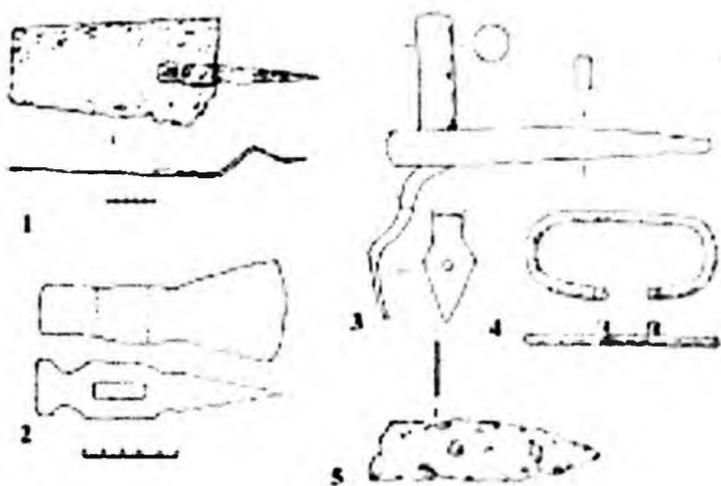

Рис. 18. Железные предметы из раскопок Троицкой церкви: 1 — мастерок, 2 — молоток строительный, 3 — дверная петля, 4 — ручка от сундука, 5 — жиковины фрагмент.

Находки из цветных металлов. В ходе раскопок было найдено несколько медных монет. Из них четыре петровского времени. Три медные монеты: копейка 1717 г., (3 в/3), денга 1704 г. (VII а/4) полушка — 1720 г. (5 г/3). Серебряный алтын 1704 г. является достаточно редкой монетой. Она имеет сквозное отверстие в верхней части, что свидетельствует о его включении в ожерелье (3 а/4). Интересна также находка половины копейки 1923 г., обнаруженной на полуразобранном фундаменте (IV г/2), которая, вероятно, связана со временем разборки храма.

К наградам относится нашивка, изготовленная в виде ленточки с надписью — «За горный Дубняк». Она вручалась солдатам, отличившимся в бою 12 октября 1877 г., в этом местечке под Плевной, во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (5 а/2). Круглая бронзовая накладка, с позолотой, диаметром 5,6 см, и высотой 1 см имела округлое отверстие в центре диаметром 2,2 см, куда могла вставляться ручка (рис. 19). Судя по орнаменту в виде пальметок по ее бортику, она не утапливалась в деревянную деталь — дверь или крышку сундука, а выступала из нее (11 в/3). По характеру орнаментального украшения она может быть связана со стилем ампир конца XVIII — начала XIX вв. Бронзовая петля с разведенными и загнутыми концами могла использоваться для закрывания дверей или крышки сундука на крючок (3 а/3).

К предметам церковной утвари относятся части деформированной церковной свечи* из меди (VI а/4). Аналогичные фрагменты были найдены и в другом месте (1 а, 6/2). Возможно, к фрагментам свечи принадлежат: две медные втулки

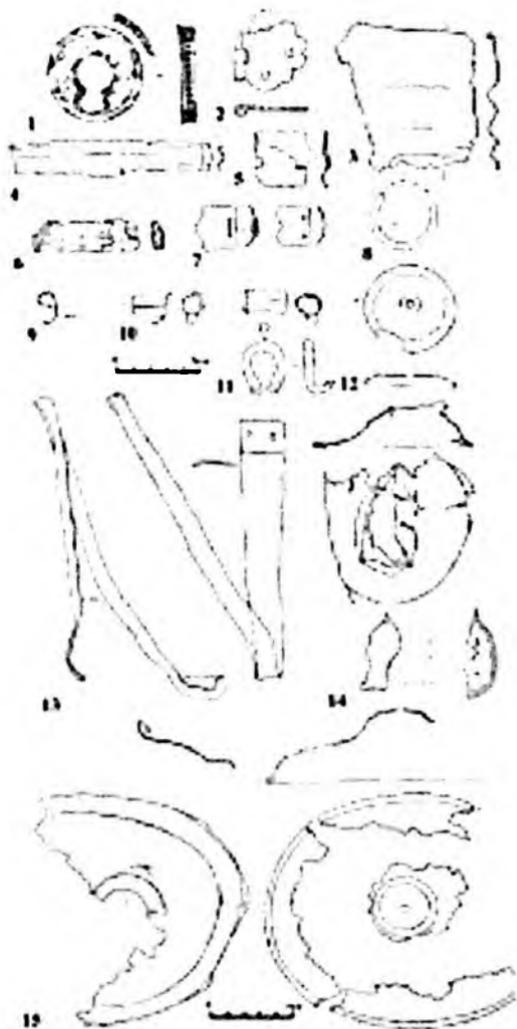

Рис. 19. Предметы из цветных металлов: 1 — бронзовая накладка на замок с позолотой; 2 — петля от шкафчика (ларца?); 3 — фрагмент листового свинца; 4, 5 — полоски из бронзовой фольги; 6 — деревянная поделка обтянутая фольгой; 7 — накладки; 8 — кольцо; 9 — полоска; 10 — втулки; 11 — кольцо для крючка; 12 — круглая деталь с отверстием; 13 — крюки для лампад; 14—15 — детали церковной свечи.

* Большой подсвечник для установки свечей перед иконами.

диаметром около 0.5 см (1 а/5, 11 а/3), две медные втулки, длиной 2 и 2.4 см и диаметром около 1 см (11 а/3, 11 а/3), две медные накладки с отверстиями (III а/4, XII г/4), а также круглая деталь с отверстием. Две изогнутых медных полоски, завершающиеся крюками, могли служить для подвешивания лампад перед иконами (8 б/4, 5 в/3). Рифленные полоски из тонкой листовой бронзы возможно были связаны с отделкой церковных киотов или иконостаса храма. Бронзовое кольцо, диаметром 4 см, ромбическое в сечении, и деревянные поделки покрытые орнаментированной бронзовой фольгой, вероятно, представляют собой детали церковной утвари.

В квадрате 5в, пласт 2 был найден фрагмент листового свинца (5 а/2). Подобный свинец мог использоваться в кровле первоначального храма, вместе с черепичным покрытием, для заделки желобов и окантовки отверстий для печных труб.

В слоях пожара было встречено значительное количество оплавленной бронзы, вероятно остатков колоколов и церковной утвари. Ошлакованные куски бронзы, причем иногда достаточно массивные концентрируются в слоях древесного угля квадратов 8в, 11а, в. По результатам эмиссионно-спектрального анализа металла*, осколки принадлежат к высокооловянной бронзе с умеренным содержанием свинца и низким содержанием всех остальных элементов. Содержание олова в сплаве составляет 15–18%, что подтверждает принадлежность осколков различным частям одного колокола или разным колоколам.

Керамика представлена многочисленными фрагментами сосудов разнообразных по форме и назначению (рис. 20). Причем наибольшее число их происходило из 8, 11 квадратов. Здесь были обнаружены остатки: горшков, кувшинов, мисок, тарелок. Среди них выделяются грубые кухонные сосуды черного и бурого цвета происходившие, в основном, из двух нижних (4–5) пластов. Преимущественно в трех верхних пластах находились фрагменты поливных керамических сосудов. Окраска поливы была самая разнообразная. Преобладали желтые и оранжевые тона. Керамика с поливой желтого цвета встречается уже со второго пласта. Фрагменты керамических сосудов фиолетового, красного, бордового и зеленого цвета,

* Анализ был выполнен в лаборатории ИИМК РАН А. Н. Егорьковым.

а также белых тарелок с коричневым или синим рисунком найдены в меньшем количестве. Чернолощенная керамика встречалась также преимущественно в нижних — 3-м — 4-м пластах. Интересными находками являются фрагментированная аптекарская (помадная) баночка синего цвета снаружи, белого изнутри (8 в/3), сосудик с низкими стенками (8 в/3) и фрагмент красноглиняного блюда на ножках с канелюрами снаружи и бордовой поливой изнутри (11 б/3).

Коллекция фрагментов керамической посуды из южной части исследованной площади (I—XII квадраты) составляет всего около двух десятков экземпляров. Большая ее часть была обнаружена в слоях начала XVIII в. Это преимущественно грубая кухонная посуда (IX в/4), однако встречены и фрагменты сосудов с желтой и бордовой поливой, относящиеся к XIX в.

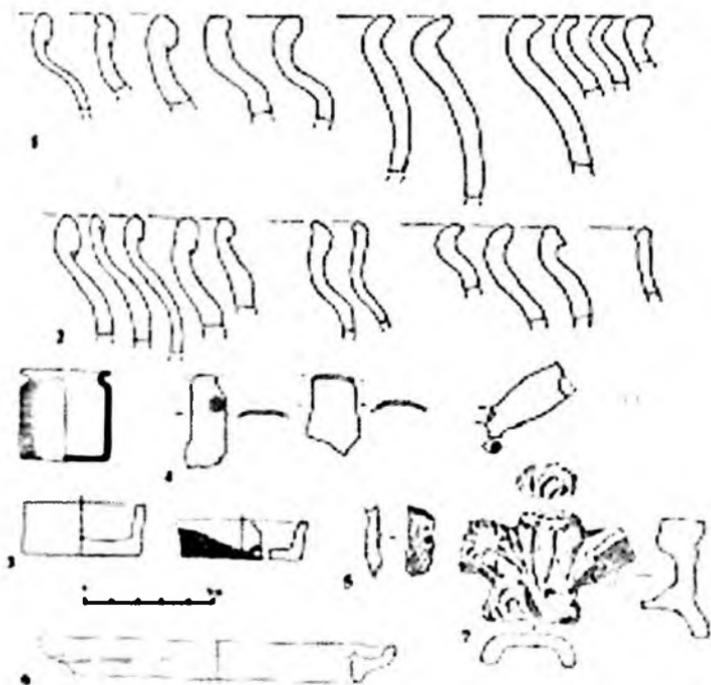

Рис. 20. Керамические изделия: 1 — венчики керамических сосудов (3–5 пласты); 2 — венчики керамических сосудов (2–3 пласты); 3 — аптекарские баночки (солонки?); 4 — фрагменты красноглиняных курительных трубок; 5 — фрагменты белоглиняных курительных трубок; 6 — деталь керамического кольца (печного?); 7 — фрагмент керамического блюда на ножках.

Среди найденных фрагментов белоглиняных (голландских) курительных трубок — 11 обломков рукояток (IX в/2), а также одна целая чашечка с клеймом в виде виноградной грозди (5 г/4) и фрагмент чашечки с рельефным орнаментом по внешней поверхности. Основная часть этих находок была связана с отметками 0.4–0.8 м, что соответствует датировке этих слоев до XIX в. Отдельные фрагменты белоглиняных и красноглиняных курительных трубок происходят из одного места — (11 а/3). Они были зафиксированы в слое пожара и являются датирующим материалом. Известно, что белоглиняные — голландские трубки в Петербурге использовались преимущественно до середины XVIII в., когда их начинают сменять красноглиняные — турецкие.

Керамические строительные материалы включают: печные изразцы, кровельную черепицу и кирпичи. Среди печных изразцов преобладают образцы начала XVIII в. с кобальтовой росписью (рис. 21–22). В процессе раскопок в квадратах 1а, б, в, 3а, в, 4в, 5в, г, 8б, в, 11а, б, в, I а, III г, VI–IX а, XII а были встречены разнообразные изразцы. Большая их часть имела синюю и голубую (кобальтовую) роспись по белому полю. Наибольшая концентрация этих находок наблюдалась в квадратах: III г — 16 шт., VIII а — 12 шт., XII а — 8 шт., VI а, IX а — по 6 шт., Iа — 4 шт., 1б — 12 шт., 1в — 22 шт., 3а — 12 шт., 3, 4в — 15 шт., 5в, г — 9 шт., 8б — 12 шт., 8в — 6 шт., 11а — 8 шт., 11б — 13 шт.,

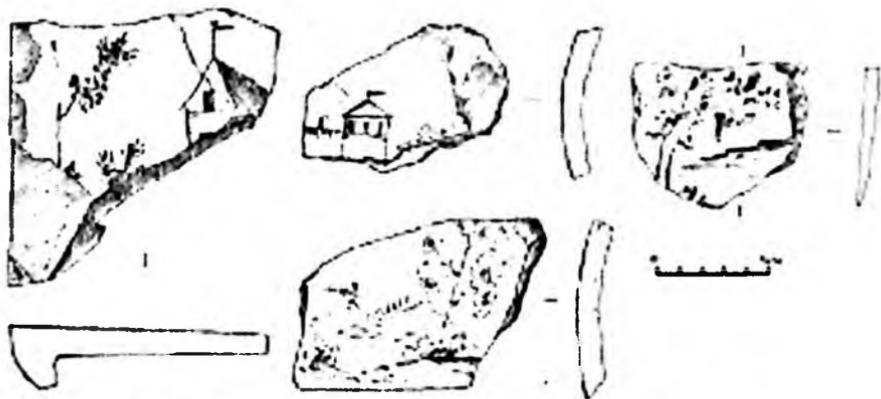

Рис. 21. Печные изразцы с синей росписью по белому полю.

11в — 25 шт. Примечательно, что в этих же квадратах встречено и наибольшее количество ранних тонкомерных кирпичей (толщина около 5 см). Большой матовый изразец белого цвета был обнаружен в кв. VIII а у Г-образной кирпичной выкладки,

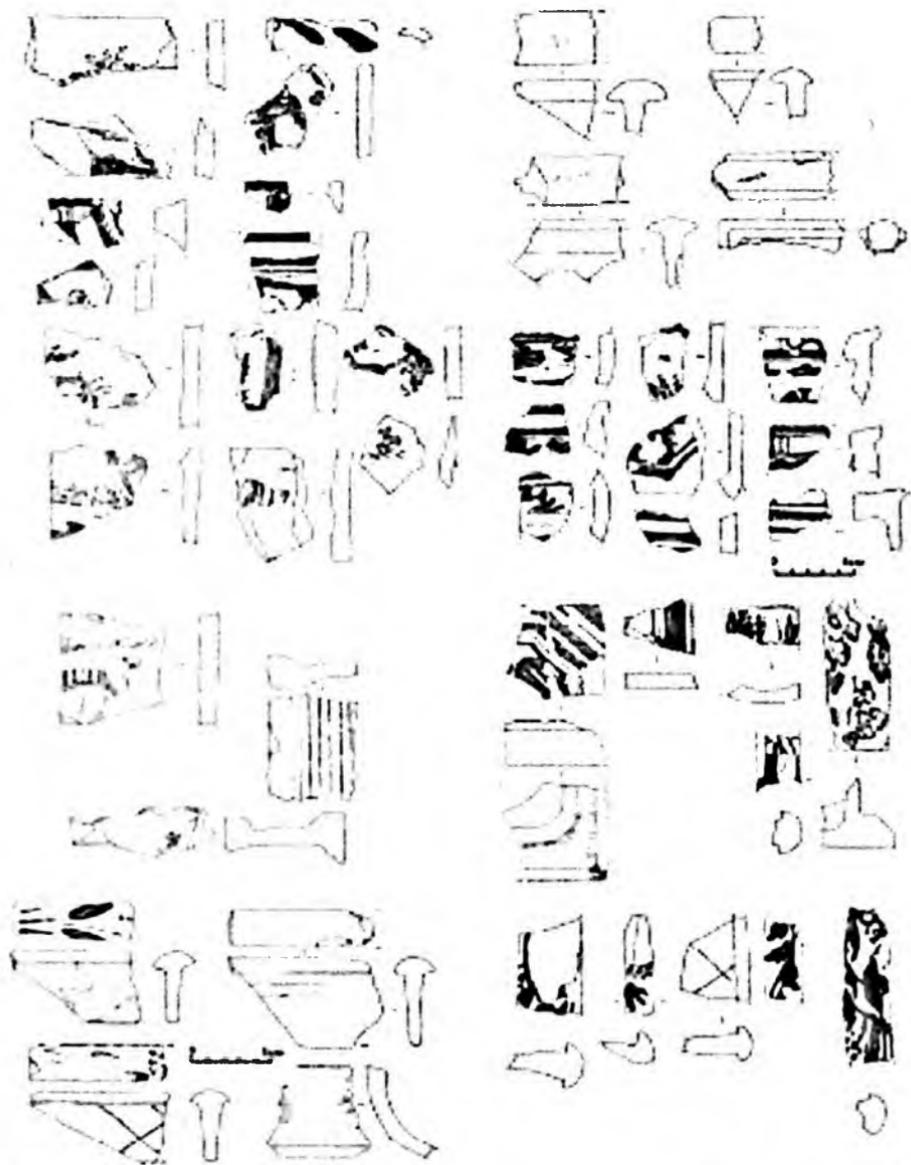

Рис. 22. Печные изразцы с синей и зелено-коричневой росписью по белому полю.

которая могла быть основанием церковной печи. Наибольшее количество изразцов происходит из квадратов 1в, 3в, г и 8б, в, 11а, в, г.

Эти наблюдения могут в какой-то мере свидетельствовать о местоположении изразцовых печей в Троицком храме первой половины XVIII в. Хотя обнаружение их в ямах кв. 8б, в, 11а, в, г, наряду с другими строительными материалами более напоминает свалку строительных материалов, зарытых после пожара храма.

Попадание изразцов в культурный слой в окрестностях церкви могло происходить и ранее. Известно, что при перестройке 1720 г. предполагалось «...пять печей в этой церкви переделать снова...», что означало замену изразцов на них.

Выделяется несколько вариантов изразцов с синей росписью по белому фону, по изобразительной манере и технологии производства. Качественные различия изразцов: цвета и глянцевого покрытия могут свидетельствовать о различной технологии их изготовления. Выделяются темно-синие и голубые краски, иногда появляются и зеленоватые тона, что вероятно, определялось способом их обжига. Технологические же методы изготовления отразились и в покрытии изображений. На обнаруженных изразцах они варьируют от матовых, напоминающих обычную штукатурку до глянцевых, как у поливных сосудов.

В коллекции присутствуют экземпляры, расписанные разными мастерами, каждый из которых имел свою индивидуальную изобразительную манеру. Можно выделить классическую, романтическую и абстрактную манеры изображения сюжетов. Первая, представленная наиболее широко, имеет аналогии в голландских изразцах и расписных керамических плитках домика Петра и Меншиковского дворца. Это изображения построек, деревьев, растительного орнамента с четкими контурами. Вторая и третья не имеют такого широкого распространения. Романтический стиль характеризуется изображением природных сюжетов с размытыми очертаниями. Абстрактная манера представленная единичной находкой, напоминает условные иконографические изображения памятников архитектуры древнерусского времени.

Следует отметить, что все сюжетные изразцы имели матовое покрытие. Глянцевое покрытие прослежено лишь у изразцов

с изображением орнамента — фигур, цветов, которые были найдены в незначительном количестве. Находки белых изразцов, без росписи и глянцевого покрытия зафиксированы в тех же местах и слоях, что и расписных. Это может свидетельствовать о их одновременном бытовании. Учитывая что значительная часть белых матовых изразцов и изразцов с синей росписью оказалась деформирована и даже оплавлена под воздействием высокой температуры, что вероятно, произошло в пожаре 1750 г., можно связывать эти типы с первой половиной XVIII в. Такая датировка подтверждается как многочисленными аналогиями так и приуроченностью подавляющей части этих находок к слоям пожара и разборки второй Троицкой церкви.

Несколько экземпляров белых глянцевых изразцов с рельефными изображениями цветов, происходящие из верхних пластов, относятся, вероятно, к концу XIX — началу XX вв.

Удалось проследить определенную топографическую приуроченность в размещении изразцов в пределах раскопанной площади. Экземпляры с матовым покрытием встречались преимущественно в квадратах 1в и 3в. Орнаментальный вариант росписи с хорошим глянцевым покрытием преобладает среди изразцов в квадратах 8в и 11в. Сюжеты, прослеженные на ранних изразцах, следующие: домик с деревьями (1в/3), дерево на фоне морского пейзажа (3в/3), архитектурное сооружение в иконографической манере (8в/4), растительный мотив с цветами (16/3), крепостная стена с башней и флажком над ним, с пейзажами и растительным орнаментом (XI а/4), (3 г/4), (VI а/4), 3 (2) — (3 г/4).

Изразцы с зеленой и коричневой орнаментальной росписью были обнаружены в шурфе 3 1996 г., на значительном удалении от храма, и, судя по всему, не связаны с ним. По стратиграфическим наблюдениям и имеющимся аналогиям они могут быть датированы серединой XVIII в (Маслих, 1976).

Керамические кольца в виде поддона с подставкой, которые могли относиться к конструкции внутренних печных труб, обнаружены в нескольких экземплярах, в слоях XVIII в.

Черепица из глины красного цвета, представлена тремя типами: 1 — плоская черепица с закругленным окончанием и желобками по верхней поверхности, с массивной пяткой;

2 — плоская черепица с небольшой пяткой; 3 — изогнутая, так называемая голландская пазовая черепица (рис. 23). Среди находок преобладает первый тип. Скопление такой черепицы было обнаружено в яме строительного мусора в шурфе 9 1996 г. Ко второму типу могут быть отнесены только два фрагмента,

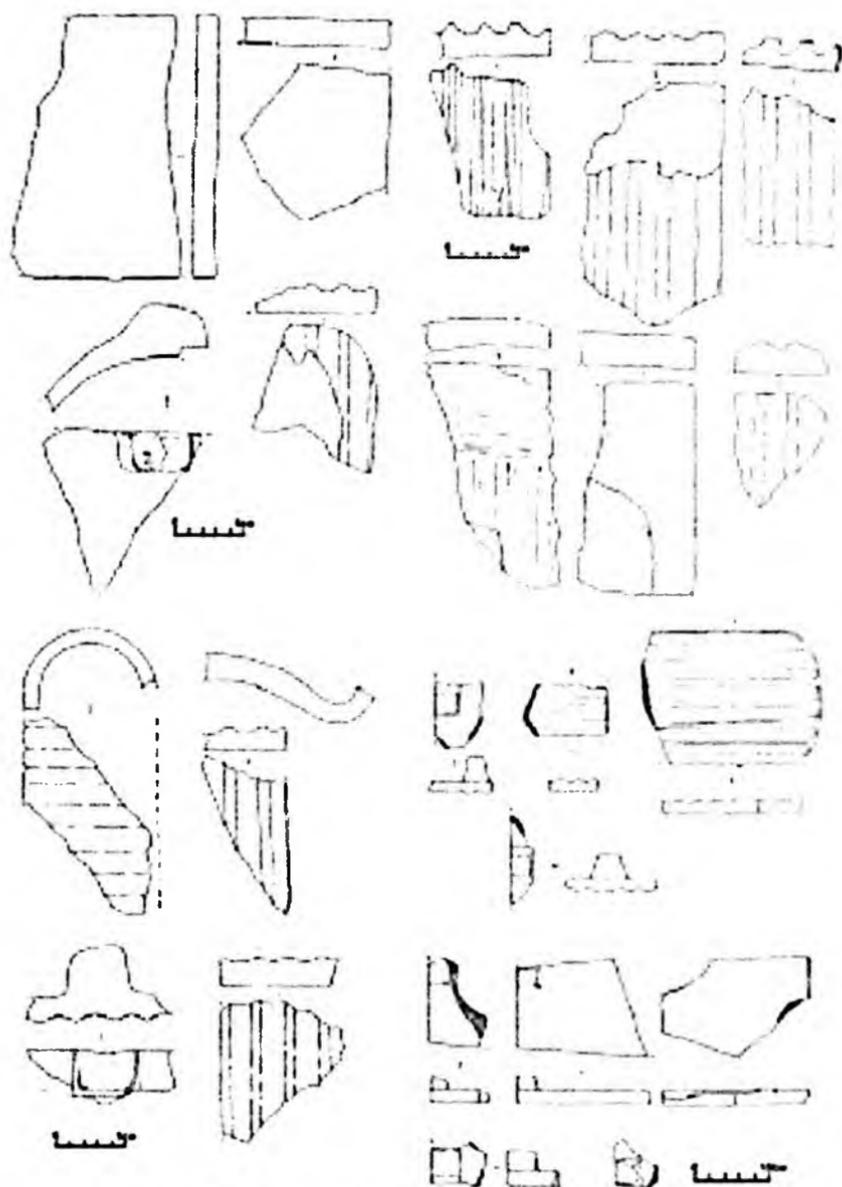

Рис. 23. Кровельная черепица, труба керамическая.

к третьему — один. Оба фрагмента черепицы второго типа были обнаружены в заполнении траншеи в квадрате 11а, вместе с многочисленными фрагментами черепицы первого типа. Отдельные фрагменты черепицы были встречены в других квадратах: 11в/3, 1в/3, 8б/яма. В той же траншее кв. 11а был обнаружен фрагмент округлого керамического желоба, возможно трубы, диаметром в верхней части около 9 см (11а/3). Толщина черепицы, независимо от типа, варьирует от 1.5 до 2 см.

В процессе раскопок было встречено и несколько фрагментов керамической плитки, реконструируемая форма которой была восьмиугольной (3а/2), а толщина составляла около 1.5 см. Такая плитка могла применяться как в составе черепичной кровли, так и для напольного покрытия.

Кирпич встречался как в кладке фундамента, так и в отдельных экземплярах. В кладке кв. 1в и в слое кв. 8в был встречен кирпич с клеймом-надписью «Петровъ». Аналогичные экземпляры кирпича были обнаружены в квадрате 8в. Еще один кирпич имел клеймо «Д 367». В кладке шурфа 10 1996 г. зафиксирован кирпич с клеймом «Захаров». Все эти находки датируются не ранее середины XIX в. и могут быть связаны с фундаментами последней церкви, после их реконструкции в 1870-е гг.

Ранний кирпич был обнаружен в нижних пластах и в кладках кв. VI, VII, VIII а, б. Экземпляр из кв. 8в (пл. 5) имел толщину 5.5–6,5 см, при ширине 11.5–13 см. Параметры кирпича в заполнении ямы кв. 11в со сгоревшими деревянными конструкциями варьировали в таких пределах — 25×12.5×5 или 5.5 см (здесь и далее длина×ширина×толщина). Фрагментированные архаичные кирпичи толщиной 5 см встречались и в нижних слоях квадрата 5а. Однако, отдельные экземпляры кирпичей встреченных в слое пожара 1750 г. имели толщину 7 см (5в). При этом, как по стратиграфическому положению, так и по качеству эти кирпичи могут быть отнесены к одной партии. Особенно хорошо разноформатность кирпича прослеживается в кладках кв. VI, VII, VIII а, б, где они имели следующие параметры: 25.5–29 × 11.5–14 × 5–8 см. Однако, наряду с такими значительными вариациями большинство экземпляров имели следующие размеры — 27–27.5 × 12.5–13.5 × 5.5–7.5 см. Судя по всему, в первоначальном кирпичном производстве Петербурга

не было строгой стандартизации, как в более позднее время. Возможно, это было связано с примитивной технологией этого производства*.

Находки из *стекла* представлены, в основном, фрагментированными бутылками, пузырьками и рюмками (рис. 24). Бутылки были преимущественно из стекла зеленого и темно-коричневого цветов, с доньшками округлой формы, с сильно выступающей внутрь центральной частью, образывавшей специальную канавку для отстоя вина, а также со следами от дутья на внешней поверхности. Однако имелись и прямоугольные донца штофов, а также прозрачное стекло. Характерными признаками горлышка ранних бутылок (XVIII в.) может служить их вытянутая форма и два ободка в верхней его части.

К дорогим стеклянным изделиям может быть причислен фрагментированный графин с крышкой (8 в/3), который, на основании стратиграфических наблюдений относится к концу XVIII — началу XIX вв. (рис. 25). В слое пожара середины XVIII в. встречались также фрагменты оконного стекла с характерными расширенными краинами, для вставки их в оконные

Рис. 24. Стеклянные изделия: 1 — горлышки и доньшки винных бутылок; 2 — пузырек парфюмерный; 3 — фрагменты рюмок; 4 — горлышки пузырьков и бутылочек.

* Подробнее о кирпичном производстве в Санкт-Петербурге смотрите статью А. Ф. Векслера и Д. Д. Елшина в настоящем сборнике.

переплеты (3в/2). Значительное скопление фрагментов обгоревшего оконного стекла, обнаруженных среди развала фундаментальной кладки в кв. 4 г, судя по всему, фиксирует расположение окон, которые, несомненно, располагались во внешней стене храма.

В верхних пластах и перекопах присутствовали фрагменты цветного стекла, использовавшегося, вероятно, для украшения дверей и окон храма в позднее время. К позднему времени относится и шестигранная стеклянная чернильница, заполненная чернилами и запечатанная сургучом (11 в/3). К культовым предметам могут быть отнесены фрагменты лампад, происшедшие преимущественно из верхних слоев (1 б/2). Один крупный осколок стеклянной лампы, однако, был обнаружен в яме, датируемой серединой XVIII в. (11 а/5).

Изделия из камня ограничиваются, в основном, строительными деталями (рис. 25). В фундаменте использовалась известняковая плита и гранитные валуны и булыжники. В верхних пластах были найдены некоторые элементы интерьера храма —

фрагмент мраморной плиты с обработанной волнообразной поверхностью (5в/2). Вероятно, обломок происходит из основания округлой в плане печи. Помимо этого были встречены другие фрагменты мраморных плиток и обломок некой архитектурной детали с профилированной поверхностью, изготовленной из известняка (VIа/4).

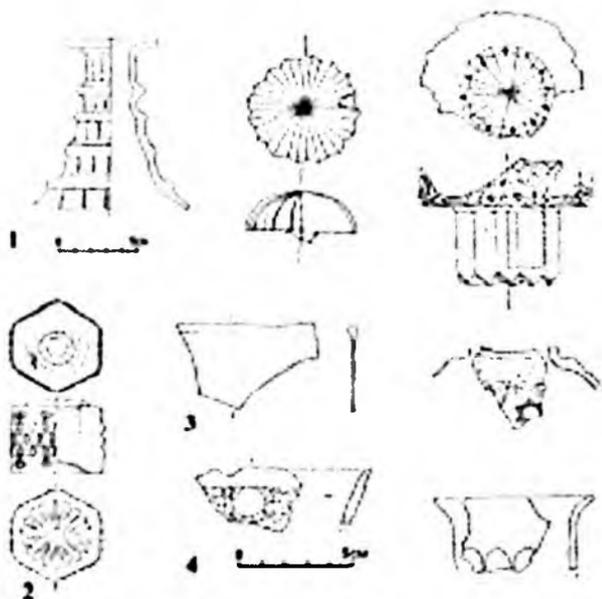

Рис. 25. Стеклянные изделия: 1 — горлышко и пробка графина; 2 — чернильница; 3 — фрагмент оконного стекла; 4, 5 — фрагменты лампадок.

К другим предметам из камня относятся пять кремневых отщепов (1 в/3, 8 в/3). Три из них прямоугольной и пятиугольной формы имеют ретушированные и забитые края, что делает их схожими с ружейными кремнями (XII а/2, 8 б).

Изделия из кости (рис. 26). В шурфах в значительном количестве были представлены кости животных, особенно в квадратах 8, 11. Помимо того найдены одна раковина устрицы и клык кабана. Среди индивидуальных находок интересны кусочки кости со спилом (1а/3), напоминающий заготовку для рукояти ножа, косточка домино 6×3, а также счетная косточка (11а/4).

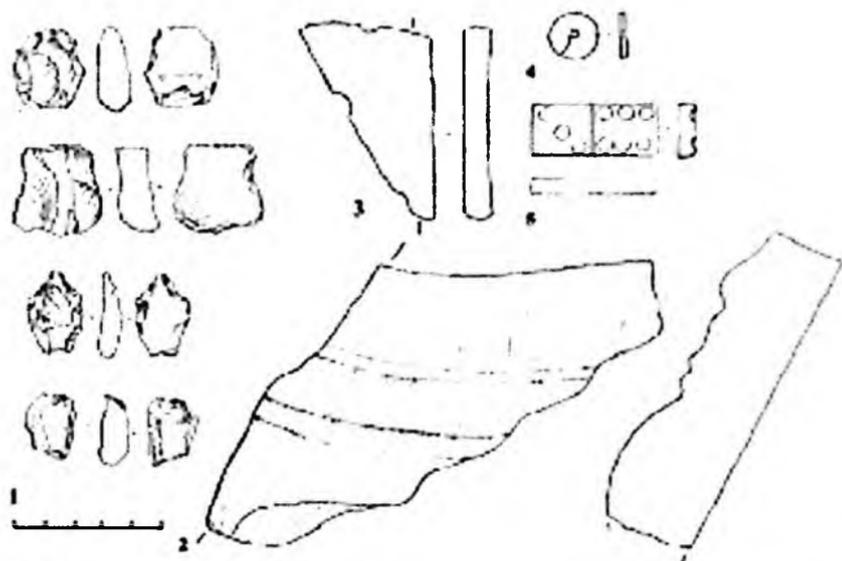

Рис. 26. Изделия из камня и кости: 1 — кремневые отщепы; 2 — мраморная деталь; 3 — обработанный камень; 4 — счетная косточка; 5 — косточка домино.

Археологические находки могут служить косвенными признаками, указывающими на части храма исследованные в процессе раскопок. Наличие среди них дверной накладки — жиковины (3а/2) и петли для навешивания церковных дверей (1а/2) могут указывать на местоположение входа в храм. Об этом же, вероятно, могут свидетельствовать и утерянные вещи, такие как алтын из ожерелья, наградная лента «За горный Дубняк», а также обувные подковы и их обломки.

Остатки церковной утвари: фрагменты бронзовых подставок под свечи и стеклянных лампад концентрируются, преимущественно в квадратах 1 б — VI а, ближе к южной части исследованного участка. Исходя из совмещения исторических планов с планом раскопанных фундаментальных остатков и учитывая то, что основная часть церковной утвари размещается, обычно, в центральной и алтарной частях храма, можно полагать, что центральная часть и находилась в этом месте. Алтарная же, вероятно, осталась за пределами обследованной территории.

Массивные куски бронзы были обнаружены в слое пожара в кв. 8в, 11в. Возможно, это свидетельствует о том, что сгоревшая колокольня рухнула вблизи от этого места.

Прослеживается приуроченность скопления фрагментов керамических и стеклянных сосудов XIX–XX столетий к той же северной части исследованной территории. Здесь же располагались ямы, заполненные различного рода бытовым и строительным мусором. Все это также может свидетельствовать о том, что северная граница Троицкой церкви, обоих периодов ее существования, проходила южнее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1996–1999 гг. Санкт-Петербургской археологической экспедицией были проведены раскопки на месте Троице-Петровского собора. В результате проведенных археологических и архивных исследований была получена новая информация о местоположении, строительной истории и устройстве этого храма. Удалось выявить полуразобранные фундаменты различных строительных периодов и следы сгоревшей в 1750 г. церкви. В процессе работ были изучены остатки центральной части храма петровского времени. Его алтарная часть оказалась перекрыта домом 3 по Троицкой площади. Территория, которую занимала паперть, судя по всему, выходит на проезжую часть. Третья — Елизаветинская церковь, судя по всему, попадает на территорию сквера своей западной частью, а ее центральная и восточная части находятся под тротуаром и вышеназванным домом (рис. 27). Представленная в настоящей работе реконструкция местоположения Троицкой церкви на

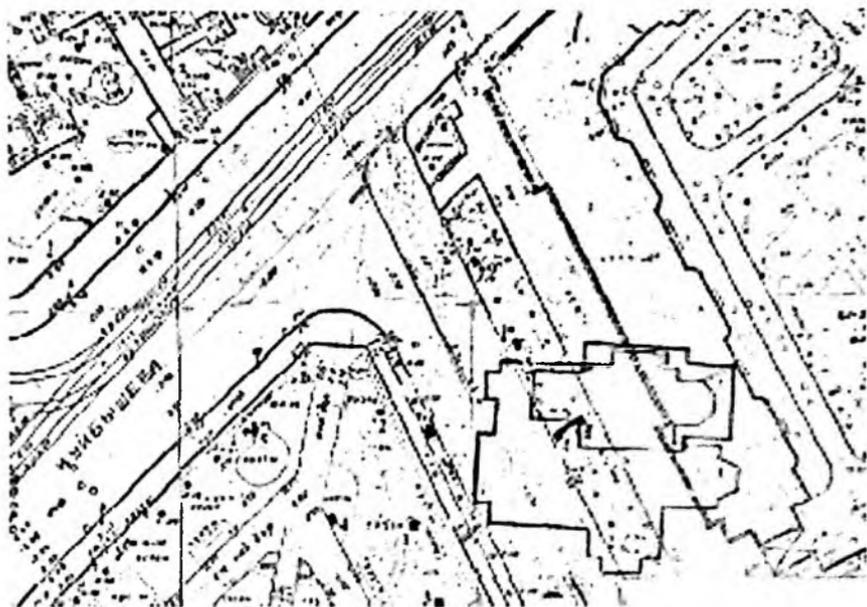

Рис. 27. Реконструируемое местоположение Троицкой церкви в различные периоды существования на местности. I — Троицкая церковь 1711–50 гг. II — Троицкая церковь 1756–1933 гг. 1-9 — шурфы 1996 года.

различных этапах ее существования может расцениваться как предварительная и уточняться в процессе последующего археологического изучения этой территории. Оставшиеся неисследованные участки культурного слоя могут содержать дополнительную информацию по этому вопросу.

В 1998 г. остатки Троицкого собора были поставлены на Государственную охрану в качестве памятника археологии. Было бы целесообразно обозначение плана Троицкого Петровского собора на поверхности земли, плиточным или булыжным мощением по трассе его стен. Возможна также установка памятного знака — макета храма и мемориальной доски на том месте, где он находился, а также экспонирование одного из участков руинированных фундаментов, после их специальной консервации. Эскизный проект мемориализации памятника археологии Троице-Петровский собор, разработанный в 2000 г. Северо-западным институтом Наследия, ждет своего осуществления. Его реализация позволила бы органично включить этот утраченный памятник в историко-культурную среду Санкт-Петербурга.

P. E. Sorokin

Archaeological studies of the Troitse-Petrovsky Cathedral

In 1996–1999, the St.-Petersburg Archaeological Expedition conducted excavations at the site of the Troitse-Petrovsky (Trinity and Peter's) Cathedral. This temple is one of the historical relics of St.-Petersburg. It was built in 1709 according to a decree of Peter I in the centre of the first main square of the city. During the Peter's times it remained the Cathedral of the city of St.-Petersburg, where the church-offices connected with the most important historical events were conducted. In 1750, the Trinity Church was burnt. In 1756, according to an order of Yelizaveta Petrovna, on its site a new Trinity Church was built, which had been existing till 1933.

Our archaeological and archive studies yielded some new information on the location, building history and construction of this temple. It proved to be possible to uncover the half-dismantled foundations of different building periods and some traces of the church burnt in 1750. Investigated during the excavations were the remains of the central part of the temple of the Peter's period. Its altar area proved to be covered over by house 3 in the Troitskaya Square. The collection of various archaeological finds from the excavation in the Troitskaya Square includes various building materials, appliances and tools, namely: bricks, painted stove tiles, roof tiles, iron parts of doors, window glass, and a mason's trowel. Some of the finds were related with the Church culture: fragments of bronze bells, church candles, glass icon-lamps and other church plate.

The objects of everyday life included numerous fragments of ceramic and glass ware, and other glass and stone articles. The collection comprises also four coins of the Peter's period including one altyn of 1704 used in a necklace, and a bronze service stripe of 1878.

In 1998, the remains of the Trinity Cathedral were registered as an archaeological site in the State List of Preserved Memorials. It is advisable to mark the site of the location of the Troitse-Petrovsky Cathedral with a memorial and informational sign on the surface, as well as to conduct a partial museum registration of its ruins.

Антонов, Кобак, 1997 — *Антонов В.В., Кобак А.В.* Святые Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия в трех томах. СПб. Т. 3.

Беспярых, 1991 — *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.

Богданов, 1997 — *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. СПб.

Берхгольц, 1902 — *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца. М. Ч. 1.

Зязева, 1983 — *Зязева Л.К.* Домик Петра I. Л.

ИСССPE, 1883 — Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб. Т. VII.

Петербургская газета, 1913 — К пожару исторического собора Святой Троицы // *Петербургская газета*. 10.02.1913. № 40.

Маслих, 1976 — *Маслих С.А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.

Немиров, 1903 — *Немиров Г.А.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне: Историческая справка. СПб. 1903.

Платонович, 1881 — *Платонович В.Н.* Троице-Петровский собор в Санкт-Петербурге. СПб.

Новое время, 1913 — Пожар собора Св. Троицы // *Новое время*. 21.02.1913. № 13259

Кепсу, 2000 — *Кепсу С.* Петербург до Петербурга. СПб.

Сорокин, 1996а — *Сорокин П.Е.* Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // *Археология Петербурга*. СПб., 1996. Вып. 1. С. 20–47.

Сорокин, 1996б — *Сорокин П.Е.* Отчет об археологических исследованиях на территории Санкт-Петербурга. СПб., 1996. Архив КГИОП Санкт-Петербурга.

Сорокин, 1998 — *Сорокин П.Е.* Отчет об археологических исследованиях на территории Санкт-Петербурга. СПб., 1998. Архив КГИОП Санкт-Петербурга.

Сорокин, 1999 — *Сорокин П.Е.* Отчет об археологических исследованиях на территории Санкт-Петербурга. СПб., 1999. Архив КГИОП Санкт-Петербурга.

Фото-архив ИИМК РАН. Отпечатки: 15038, 18353, 18355.

Архив НТД — Центральный Государственный архив научно-технической документации. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 60; Д. 4359.

Археологические исследования в Государевом бастионе Петропавловской крепости

ВВЕДЕНИЕ

300 лет городу — много это или мало?

С точки зрения археологии, время, прошедшее с момента основания Петербурга, ничтожно мало, и, казалось бы, его памятники должны быть изучены нами досконально. Но, между тем, даже самые ранние из них остаются практически не исследованы специалистами. Зачастую, реконструкция и реставрация объектов государственного значения ведется без привлечения археологов. Долгие годы и Петропавловская крепость не являлась исключением из этого правила.

Наша публикация посвящена всего лишь двум помещениям одного из шести бастионов крепости, и большая их часть по-прежнему остается не обследована. Но так как каземат — наиболее характерное помещение крепости, а потерна — уникальна в своем роде, мы сочли необходимым максимально осветить ход работ и подробно изложить результаты, чтобы архитекторы, археологи и историки могли воспользоваться ими при дальнейших работах. И возможно, то, что сейчас нам кажется несущественным, они найдут достойным внимания.

В 2001–2002 гг. Северо-западным институтом культурного и природного наследия были проведены охранные археологические

* Авторы выражают благодарность сотрудникам Архитектурной мастерской «Вега» Ю. О. Скоревой, А. В. Холоденко, В. А. Барсуковой, Е. А. Боголюбовой за поддержку и помощь в проведении фиксационных работ, а также сотруднику ГМИ СПб С. Д. Степанову за консультации и предоставленную историческую справку.

исследования в потерне и первом каземате правого фаса Государева бастиона Петропавловской крепости (рис. 1). Наблюдения велись в ходе проведения земляных работ, конечная цель которых — реставрация с последующим приспособлением помещений потерны и каземата для размещения экспозиционного комплекса. На первом этапе земляные работы, проводимые

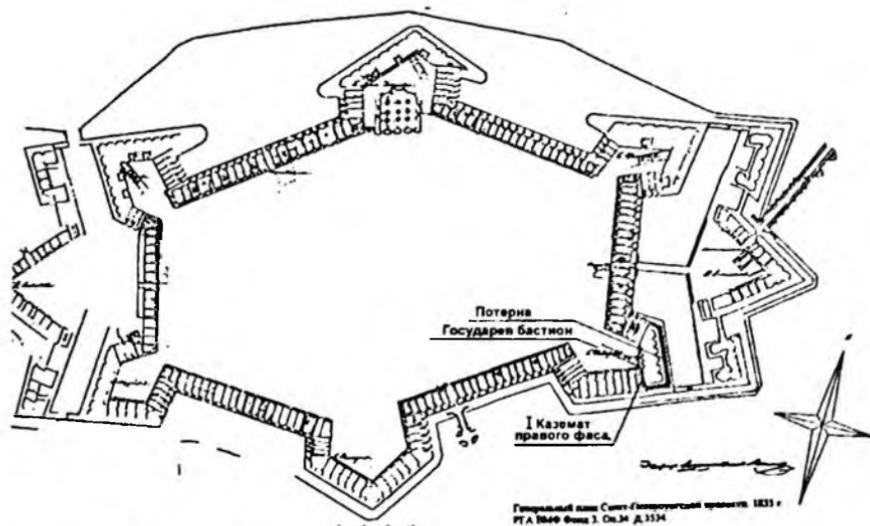

Рис. 1. РГА ВМФ. Ф.3. Оп.34. Д.3534. 1835г. Генеральный план крепости.

в потерне, включали в себя заложение четырех шурфов и четырех зондажей небольшого размера (1×0,5 м) с целью обнаружения исторических полов, их отметок и характера, а также исследования их гидроизоляции, прочностных и влажностных характеристик. Кроме того, было заложено два шурфа размерами 1,5×2 м в каземате, в частности с целью исследования гидроизоляции. Производилось изучение напластований под современными полами, поиск фундаментов с целью исследования их состояния, глубины залегания и характера устройства. Для дальнейшей интерпретации объектов, слоев и находок привлекались архивные и библиографические материалы*.

* Отчет об археологических исследованиях в государевом бастионе Петропавловской крепости. 2001 г. Часть I.

Максимальная толщина напластований в потерне составила 2,05 м, дальнейшие исследования оказались невозможны из-за высокого уровня грунтовых вод. Все слои за исключением бетонного пола и подстилающих слоев строительного мусора, представляют собой, по-видимому, разновременную систему гидроизоляции — это чередующиеся слои битого кирпича и глины без находок. Наиболее интересным и неожиданным моментом в ходе работ на данном участке оказалось отсутствие под эскарповой (наружной) стеной бастиона сплошного кирпичного ростверка (искусственного основания под фундамент) и наличие, по-видимому, только ленточного фундамента под стенами потерны, что не зафиксировано ни на одном архивном чертеже. В шурфах в полу каземата были исследованы слои засыпки первого этажа и подстилающие слои гидроизоляции до уровня грунтовых вод. Максимальная глубина фиксируемых напластований в каземате составила 2,88 м. Удалось выяснить, что вопреки сведениям, содержащимся в архивных материалах, засыпка первого этажа помещения велась в несколько этапов, и характер ее неоднороден в южном и северном углах каземата.

На втором этапе работ было осуществлено снятие существующих в потерне бетонных полов до отметки обнаруженного пола из уложенного плашмя кирпича. В каземате произведено удаление засыпки нижнего яруса до верхней отметки глиняного замка, что составляет 1.870 В.С. Эта отметка оказалась выше уровня, на котором на сегодняшний день залегают остатки настила первоначального пола. Удаление глиняного замка повлекло бы за собой нарушение гидроизоляции, что нецелесообразно с точки зрения дальнейших реставрационных работ. В процессе выборки грунта также были проведены архитектурно-археологические исследования, что позволило более детально рассмотреть систему и принцип засыпки первого этажа каземата и подтвердить выводы, сделанные на первом этапе работ.

В результате работ были обнаружены фундаменты трех разновременных печей, опорные столбики для поднятия уровня перекрытия первого этажа на двух этапах ремонтов и основание лестницы (в дальнейшем в проекте реконструкции помещения предполагается снос расчищенных конструкций).

После снятия со стен каземата слоев современной штукатурки стало возможным их натурное обследование с целью выявления первоначального облика. В ходе реставрационных работ будет разобрана закладка обнаруженных гнезд междуэтажных перекрытий, дверных и оконных проемов, ниш и дымоходов.

Большой интерес с точки зрения датировки всевозможных не зафиксированных в архивных источниках данных ремонтов и вычинок стен представляют проведенные промеры форматов кирпичей в кладках. При более детальном анализе полученных результатов и сравнении их с подобным материалом других памятников уже можно будет говорить об определенной относительной хронологии форматов неклеяемого кирпича XVIII–XIX вв. В отношении кирпичей с клеймами из засыпки каземата также были проведены замеры и прорисовки, отраженные в таблице (рис. 11).

2. ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПАМЯТНИКЕ

2.1. *Краткая история и описание потерны и первого каземата правого фаса Государева бастиона*

Краткая историческая справка для интерпретации материалов составлена научным сотрудником Государственного музея истории Санкт-Петербурга С. Д. Степановым в 2000 г. Согласно этой работе Государев бастион был построен в камне в 1717–1724 гг. по проекту архитектора Д. Трезини (Степанов, 2000). В подошвенной части кирпичной эскарповой стены левого фаса бастиона была устроена потерна, служившая тайным ходом. Она соединяла охранительные казематы правого фаса с оборонительными казематами левого фланка и имела выход (сортю) на территорию Иоанновского рavelина. Где-то в 1740 г., после прорытия подошедшего вплотную к стенам Государева бастиона канала, закладывается сортя; в 1829 г. при переоблицовке стен закладка сортии утолщается. В конце XIX в. канал засыпается, и в начале XX в. производится попытка раскрытия сортии. Вероятно, окончательно проем был раскрыт в 1960-е гг.

Помещение потерны разделено арочными проемами на 28 самостоятельных отсеков, перекрытых цилиндрическими

сводами; арки опираются пятами на выступающие из стен лопатки. В шпице (исходящий угол) бастиона на участке сгиба потерны была устроена пороховая камера. В потерне был сделан кирпичный пол. Первоначально стены и своды потерны были обмазаны серой известью, а во второй половине XIX в. оштукатурены и побелены. Современный пол — бетонный, стены имеют следы перелицовки и многочисленных вычинок.

С западной стороны потерна имела вход в каземат № 1 правого фаса. Как и все охранительные казематы, он имел два яруса и был перекрыт цилиндрическим сводом. Междуетажное перекрытие состояло из деревянных балок, полы в обоих этажах были дощатыми, стены и свод обмазаны серой известью.

В 1797 г. в каземате, предположительно на втором этаже хранились «изготовленные издавна курительные трубки». В 1840-е гг. нижнее помещение, ставшее полуподвальным, отвели под кладовую Артиллерийской крепостной роты. В 1855 г. каземат был переоборудован. В 1858 г. — отдан в ведение военно-рабочей роты № 1. В это время пол в его нижнем этаже зафиксирован как земляной, а стены и свод окрашены клеевой краской в желтый тон. В 1867 г. все подвальные помещения правого фаса, включая и каземат № 1, были отведены под овощные кладовые. В 1887 г. каземат был перестроен в один этаж с переделкой проемов на валгангом (обращенном внутрь крепости) фасаде в один ярус и настилкой асфальтового пола. Междуетажные перекрытия разобраны, подвалы засыпаны строительным мусором. В 1919 г. в валганговом фасаде пробиты воротные проемы с целью приспособления помещения под гаражи ЛенВО для броневых автомобилей. С 1990-х гг. каземат использовался под фонды ГМИ СПб (Степанов, 2000).

2.2. Описание архивных чертежей, использовавшихся в работе

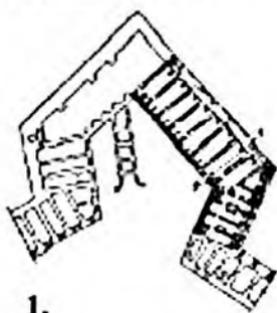
РГА ВМФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 3534. 1835 г. Генеральный план крепости (рис. 1).

Лестницы и печи в казематах правого фаса не показаны; первый и второй казематы дверной проем не соединяет.

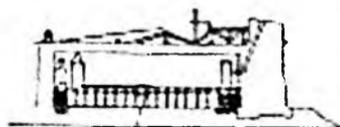
РГА ВМФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 3695. 1841 г. Государев бастион. Показание работ 1841 г. (рис. 2.1).

На плане в первом каземате показана лестница (к сер. XIX в. некоторые казематы были переоборудованы в сени с каменными двухмаршевыми лестницами) и отстоящая от середины эскарповой стены круглая в плане печь.

Государев бастион

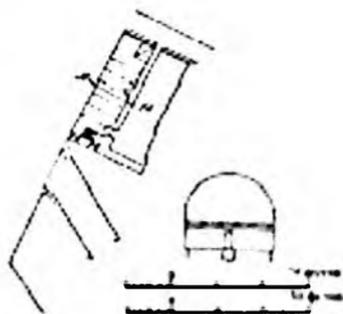
1.

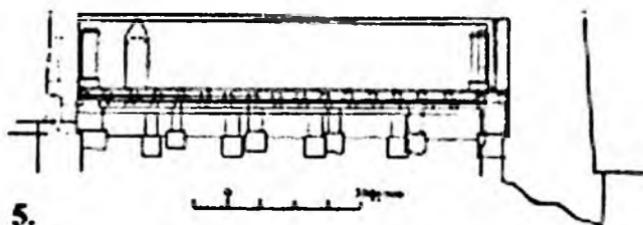
2.

3.

4.

5.

Рис. 2. 1 — РГА ВМФ. Ф.3. Оп.34. Д.3695. 1841г. Государев бастион. Показание работ 1841года. 2 — РГА ВМФ. Ф.3. Оп.34. Д.3695. 1841г. Государев бастион. Показание работ 1841года.Профиль I. 3 — РГА ВМФ. Ф.3. Оп.35. Д.4911. 1856г. План казематов правой части бастиона Петра Первого, покрытых земляной насыпью в 1855-56 годах. 4 — РГА ВМФ. Ф.3. Оп.35. Д.4917. 1860г. План и профиль казематов правого фаса бастиона Петра Первого, в котором проведены опыты над осушкой каземата. 5 — РГА ВМФ Ф.3 Оп.35. Д.4573. 1859г. Продольный профиль каземата в правом фаса бастиона Петра Первого.

На разрезе, данном по седьмому каземату, мы видим основание этой печи, сложенное из отесанных блоков в первом этаже и ее фундамент, опускающийся ниже обреза фундамента эскарповой стены (рис. 2.2). Вероятно, таким образом отапливался и первый этаж. Междуэтажное перекрытие выполнено из четырехугольных в сечении балок, уложенных на конструкцию из вертикально стоящих балок или кирпичных столбиков, как в Васильевской куртине (Степанов, 2000: 125).

РГА ВМФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 4911. 1856 г. План казематов правой части бастиона Петра Первого, покрытых земляной насыпью в 1855–1856 гг. (рис. 2.3).

Дан разрез третьего каземата, на нем видны опоры, поддерживающие междуэтажное перекрытие, состоящие из двух частей и расположенные по продольной оси каземата.

РГА ВМФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 4917. 1860 г. План и профиль казематов правого фаса бастиона Петра Первого, в котором проведены опыты над осушкой каземата (рис. 2.4).

Дан разрез по первому каземату, полностью повторяющий чертеж 1856 г., нижняя более широкая часть опор показана не целиком, что говорит о том, что уже в 1856 г. они частично были засыпаны. Уровень пола показан проходящим по основанию опоры в одну линию с уступами кладки продольных стен.

На плане показана четырехугольная печь в южном углу каземата. В середине юго-западной продольной стены показан заложенный арочный проем, возможно, соединявший первый и второй казематы.

РГА ВМФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 4573. 1859 г. Продольный профиль каземата в правом фаса бастиона Петра Первого (рис. 2.5).

Профиль дан по пятому каземату. На профиле видны четыре пары опор, состоящих из двух частей. Основания четырех более поздних опор имеют определенную нижнюю границу и, по-видимому, поддерживают прогоны, вновь подведенные под балки пола верхнего яруса, как это было сделано в 1855 г. в казематах Невской куртины (Степанов, 2000: 124).

2.3. Археологические исследования

При проведении сравнительного анализа уровня стратиграфических напластований в потерне и каземате наиболее удобным оказалось использование отметок, переведенных в Балтийскую систему.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОТЕРНЕ. До сегодняшнего дня было принято считать, что эскарповая стена бастиона покоится на сплошном кирпичном ростверке. Это довольно существенное заблуждение возникает при создании самых первых чертежей и разрезов помещений и стен крепости еще в XVIII в. (самый ранний из чертежей, на котором показан сплошной ростверк, относится к 1746 г. (Степанов, 2000: 86). Вероятно за двадцать лет, прошедшие с момента окончания строительства бастиона в камне уже были забыты все примененные системы устройства фундаментов и утрачены какие бы то ни было проектные чертежи, а новые инженеры-архитекторы использовали тот вариант, который казался им наиболее возможным или уже встречался в других бастионах. В ходе работ в потерне для определения отметки залегания ростверка во всех шурфах было произведено неоднократное зондирование грунта на глубину более 3,5 м от существовавшего бетонного пола (до отметки минус 1,440 В.С.). Твердого основания под полом обнаружено не было, как не были найдены и деревянные свайные конструкции — квадратные в плане ячейки, заполненные щебнем и залитые известью (Степанов, 2000: 83–84). Исключение составляет шпигель бастиона, где в шурфе на глубине 2,35–2,55 м от бетонного пола (на отметке минус 0,125 (0.325) В.С.) было зафиксировано твердое основание, подтверждающее предположение В.А. Бутми о том, что ростверки устраивались только в шпицах бастионов (со слов С.Д. Степанова; Бутми, 1959).

По-видимому, под толщей эскарповой стены было устроено ряжее основание по типу того, что было обнаружено Г. С. Лебедевым в 1976 г. в основании Нарышкина бастиона дерево-земляной крепости (Лебедев, 1997: 3–8). Его заполнение представляло собой не сплошную твердую субстанцию, а дренажный утрамбованный слой кирпичного щебня (половинок кирпича), пересыпанного землей, который в данном случае позволял влаге при сезонном изменении уровня грунтовых вод беспрепятственно подниматься до определенного уровня (например, глиняного замка земляного пола потерны), и затем опускаться при спаде воды, не разрушая и не подмывая при этом фундамент стен потерны.

При расчистке сортии и части потерны (левого фланка бастиона) до уровня глиняного замка на отметке 1,660–1,740 В.С.

был обнаружен обрез фундамента эскарповой стены, выступающий из толщи кладки на 0,65 м (рис. 3.1,2). Поверх него и был уложен так называемый пол из плашмя уложенного кирпича — кладка из большемерного кирпича (300×150×55, реже — 280×130×55 мм) на цемяночном растворе (отметка пола — 1,860–1,750 В.С.). Кирпичи уложены перпендикулярно стене, в два ряда, со стеной не перевязаны, верхний ряд покрыт слоем цемяночного раствора мощностью до 1,5 см. Отдельные кирпичи второго ряда заменены терракотовыми плитками 390×175×18 мм, два угла по узкой стороне скошены (рис. 9.7). Назначение плиток неясно, по размеру они более всего напоминают кровельную черепицу. Кладка обрывается на том же расстоянии от стены, что и обрез фундамента, отдельные кирпичи и терракотовые плитки уложены параллельно ему. Следовательно, этот пол покрывал только обрез фундамента; как был устроен пол за границей обреза фундамента, по-прежнему

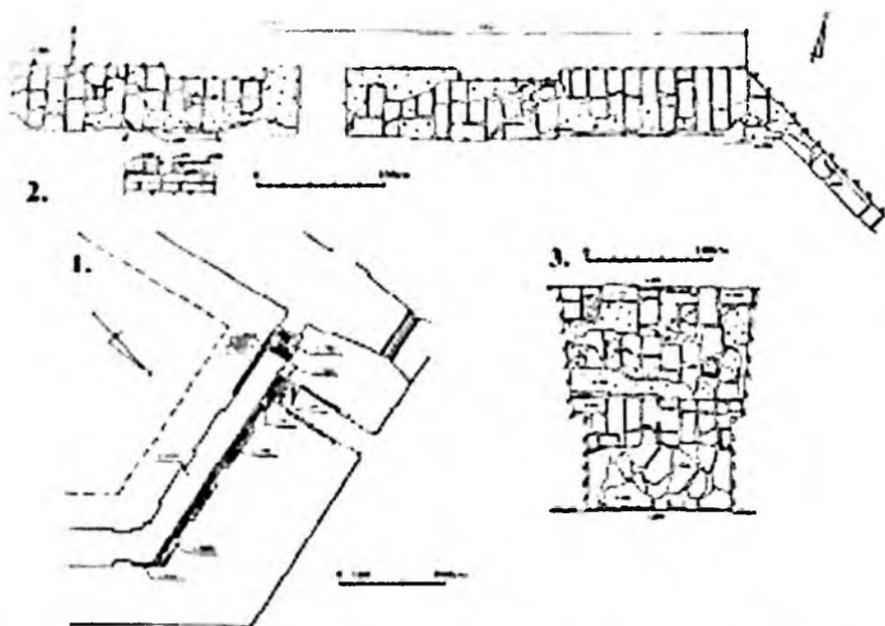

Рис. 3. 1 — Потерна и сортия Государева бастиона, фрагмент плана. 2 — Потерна. Обрез фундамента. Фрагмент плана. 3 — Участок перехода, потерна — первый каземат правого фаса. План.

можно только предполагать. На всем остальном протяжении потерны подобный обрез фундамента обнаружен не был.

У стены на стыке левого фланка и левого фаса кладка пола перевязана с уступом стены левого фаса. На проходе из потерны в казематы левого фланка обрез фундамента поворачивает параллельно входу, образуя широкую площадку-порог (1,785 В.С.), также покрытую двумя рядами кирпича в обмазке. Выше уровня площадки валганговая стена имеет три уступа кладки (1,845; 1,900; 1,950 В.С.), срезанные для удобства открывания находившейся здесь двери. В противоположную стену вмонтирован кованый подпятник.

В месте примыкания сортии к потерне был обнаружен первоначальный (?) порог, этот порог на шесть рядов кирпича выше кирпичного пола, его отметка — 2,200 В.С. Пол в сортии обнаружить не удалось, так как он полностью разрушен. Слой глиняного замка потерны уложен после устройства пола на обресе фундамента, так как зеленая глина частично перекрывает кирпичи в обмазке.

В месте соединения потерны и каземата в ходе выборки грунта и разборки современной лестницы был обнаружен порог, аналогичный полу из кирпичей в обмазке в потерне: два ряда кирпичей, уложенных перпендикулярно кладке и обмазанных цемянкой (рис. 3.3). Его отметка — 2,220 В.С. Порог (порожная площадка) был уложен на обрез фундамента поперечной стены потерны и состоял из двух частей. Его вторая часть была сложена из известняковых плит, обмазанных цемянкой и уложенных на обрез фундамента поперечной стены каземата (отметка пола — 2,220 В.С., отметка обреза фундамента — 2,140 В.С.). На стыке двух частей порога позднее была устроена перемычка шириной в полтора кирпича из двух рядов кирпича размером 270×120×60 мм (2,330 В.С.)

Таким образом, мы получили порог сортии, порог потерны и порог каземата, выполненные в одной технике и лежащие практически в одном уровне, на отметке 2,220 В.С., что позволяет сделать вывод об их одновременности, а также связать их с первоначальным полом каземата, отметка которого ориентировочно определена как 2,000 В.С.

ПЕРВЫЙ КАЗЕМАТ ПРАВОГО ФАСА ГОСУДАРЕВА БАСТИОНА (рис. 1). Перед началом археологического обследования были проведены натурные исследования. Так, размеры каземата составили 6 × 20 м, высота от современного бетонного пола в шельге свода 4,30 м. Бетонный пол каземата имел отметки 3,840 В.С. у валганговой стены и 3,935 В.С. у эскарповой стены; отметка потолка — 8,140 В.С. На момент обследования пол каземата был примерно на 1,7 м выше пола в потерне и соединялся с ней поздней кирпичной лестницей в семь ступеней (нижняя ступень утрачена, верхняя имела отметку 3,71 В.С.), устроенной, как нами было установлено, одновременно с предпоследним (асфальтовым) полом 1887 г. Датировать время устройства бетонного пола не удалось, но известно, что в 1963–1965 и 1967 гг. под руководством И.Н. Бенуа производилась полная реконструкция валганговой стены фасада каземата, и на этот момент пол уже существовал, так как в ходе работ частично разбирался (в полу остался шов).

Реконструкция фасада проходила в соответствии с архивными чертежами 1777 г. с сохранением закладок оконных проемов нижнего этажа 1837 г. Найденный при работах первоначальный порог имел отметку 2,080 В.С., отмостка того же времени — 2,000 В.С., а мощность культурных напластований составила около 1,6 м при современной дневной поверхности перед фасадом 3,600 В.С. (расчеты проведены по «Проекту реставрации правого фасада», лист 16, разрез II-II, архитектор И. Н. Бенуа).

При этих работах не велась археологическая фиксация стратиграфии засыпки каземата, хотя граница выборки грунта отстоит от внутренней поверхности валганговой стены на 1,4 м.

По архивным данным длина охранительных (жилых) казематов колебалась от 12 до 16 м, ширина от 3 до 6 м; высота помещений, расположенных в первом этаже, составляла от 2,1 до 2,85 м, а на втором этаже — от 3 до 3,9 м (Степанов, 2000: 95).

После снятия штукатурки со стен каземата появилась возможность определить с высотой помещений первого и второго этажей. Учитывая тот факт, что междуэтажные перекрытия в охранительных казематах представляли собой деревянные балочные конструкции (Степанов, 2000: 95), мы надеялись

обнаружить штрабы для крепления балок перекрытия. В результате были расчищены гнезда со следами поздней закладки кирпичом разного размера (270×125×70 мм; 250×120×80 мм; 250×115×70 мм), помеченным различными заводскими клеймами — зафиксировано минимум семь клейм — данные приведены в таблице (рис. 11). Глубина гнезд около 0,32 м. Гнезда при закладке в один ряд оставлены полыми внутри, в них обнаружена в большом количестве пакля со следами древесины, кости курицы и рыбы, земля и угли. В гнездах хорошо прослеживается переоблицовка стены. Обнаруженные отверстия имеют полукруглую форму, их высота 0,29 м, ширина 0,36 м, расстояние между ближайшими гнездами 0,75 м. Таким образом, шаг между осями балок перекрытия равен 1,1 м. Зная длину каземата — 20 м, путем несложных расчетов мы получаем количество балок, равное 18. На продольном профиле казематов 1859 г. изображены 18 полукруглых гнезд, что подтверждает наши расчеты (рис. 2.5). После расчистки гнезд мы получили возможность произвести расчеты высоты помещений первого и второго ярусов на время существования перекрытия из балок. Так отметка дощатого настила по балкам должна была равняться 4,58 В.С. + 0,1 м (максимальная толщина досок настила). Отметка потолка в шельге свода 8,14 В.С. — таким образом, высота помещения второго этажа составляла 3,46 м (около 3,5 м).

В процессе работ в шурфах каземата было обнаружено несколько уступов кирпичной кладки в разных уровнях, но только один из них с большей степенью вероятности может быть уступом, на который укладывался первоначальный деревянный пол в первом этаже. Отметка этого уступа 1,740 В.С., если прибавить к этой цифре толщину балок (около 0,3 м) и досок настила (около 0,1 м), то отметка первоначального пола составит 2,000 В.С., что согласуется с отметкой порога 2,080 В.С. (по И.Н. Бенуа). Отметка нижней точки гнезда 4,290 В.С., следовательно, высота первого этажа составляла 2,2–2,3 м, что вполне приемлемо для помещения, использовавшегося в основном для хранения имущества гарнизона. Полученные результаты не противоречат данным, сообщаемым С. Д. Степановым (первый этаж — от 2,1 до 2,85 м; второй этаж — от 3,0 до 3,9 м).

Устройство же дощатых полов первого каземата, видимо, аналогично устройству полов в казематах Невской куртине, где во время реконструкции в 1993 г. были обнаружены деревянные балки, уложенные на обрез фундаментов поперек казематов и остатки дощатых настилов (Степанов 2000: 96–97; экспозиция в «Печатне»). В «Печатне», так же как и в первом каземате, был обнаружен фундамент прямоугольной печи из доломитовых плит, аналогичный печи III (рис. 5.1), а послонная стратиграфия засыпки первого яруса обоих казематов практически идентична (рис. 8).

В процессе разборки засыпки первого яруса каземата на поперечной стене между первым и вторым казематами на отметке 2,115 был обнаружен полуразрушенный уступ кладки шириной 0,24 м, сложенный из большемерного кирпича 300×60×140 мм. Стена выше уступа сложена из кирпича 270×50×135(140) мм. На внутренней плоскости эскарповой стены был обнаружен выступ кладки, сложенный ступенчато в три уступа.

Первый верхний уступ шириной 0,07 м имеет отметку 1,965 В.С.; второй шириной 0,09 м (0,16 м от стены) сложен из кирпича 285×60×140(130) мм и имеет отметку 1,890 В.С.; третий уступ шириной 0,05 м (0,21 м от стены) сложен из большемерного кирпича 300×65(60)×140(130) мм и имеет отметку 1,815 В.С. Стена над уступами сложена из кирпича 260×65; 255×70×120 мм, при этом она не имеет перевязки с поперечной стеной каземата, так как в кладке не совпадают ряды и швы. Между стенами (продольная стена примыкает к поперечной) заметен шов.

При расчистке эскарповой стены удалось установить, что кирпичная кладка стены в верхней части выложена из кирпича форматом 260×65, 255×70, 250×65×120 мм; на отметке 2.740 В.С. обнаружен уступ шириной 0,04 м, стена под ним сложена из кирпича 280×55×140, 290×60×140 мм. На отметке 1.740 В.С. обнаружен еще один уступ шириной в полкирпича (0,14 м). Кирпичи в уступе имеют формат 290×50×140 мм.

В ходе работ была произведена фиксация части поперечно-го стратиграфического разреза у северо-восточной стены каземата по линии поперечной оси (рис. 4,8).

Описание стратиграфии засыпки каземата (В.С.):

3,840–3,640 — подготовка под бетонный пол, раствор, штукатурка, заливка цементом, кирпич плашмя;

3,640–3,600 — слой штукатурки;

3,600–3,380 — битый кирпич, кирпичная крошка в слое гумусе;

3,380–3,340 — слой штукатурки;

3,340–3,040/3,140 — голубая штукатурка, раствор, и белые изразцы в слое гумуса;

3,040/3,140–2,740/2,840 — битый кирпич, раствор;

2,740/2,840–2,700/2,800 — древесный тлен, пакля;

2,700/2,800–2,420/2,600 — битый кирпич, раствор;

2,420/2,570–2,320/2,540 — слой раствора;

2,320/2,540–2,220/2,490 — слой пожара — угли;

2,220/2,490–2,070 — слой черепицы;

2,070–1,840 — слой серо-зеленой глины;

1,840 — уровень выборки грунта в каземате.

Зондаж:

2,070–1,740 — серо-зеленая глина;

1,740–1,690 — кирпичная крошка, цемяночный раствор;

1,690–1,390 — слой серо-зеленой глины — глиняный замок первоначального пола;

1,390–1,240 — супесь с мелкой кирпичной крошкой;

1,240–0,960 — утрамбованный битый кирпич;

0,960 — максимальная глубина зондажа.

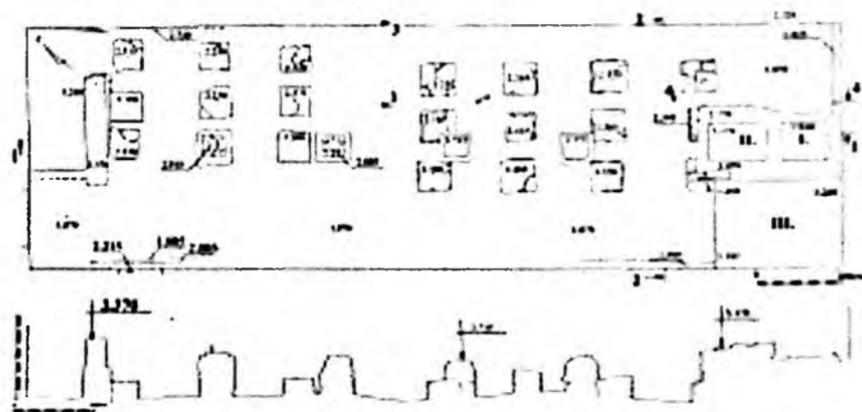

Рис. 4. Первый каземат правого фаса. План и продольный разрез 1-1.

Под слоем засыпки каземата после извлечения грунта были обнаружены две одновременные системы опорных столбов, поддерживавших перекрытие из деревянных балок (рис. 4).

Первая, более ранняя система, представляла собой семь поперечных рядов квадратных столбиков из известняковых плит, по три столбика в каждом ряду. В южной и средней частях каземата (первые четыре ряда) они отстоят от северо-восточной стены на 0,90–0,96 м, от юго-западной стены — на 1,88–1,95 м, от юго-восточной стены (в этой части находятся фундаменты печей и выход в потерну) — на 2,90 м. Расстояние между рядами варьируется от 1,50 до 1,20 м, расстояние между столбиками в ряду — 0,40–0,50 м. Вторая группа из трех рядов столбиков отстоит от первой на 2,76 м к северо-западу и имеет сильное смещение относительно центральной продольной оси — столбики отстоят от северо-восточной стены на 0,51–0,43 м. При этом расстояние между рядами — 1,30 м, между столбиками — 0,34–0,28 м.

Столбики сложены из трех–четырёх рядов крупных известняковых блоков 0,50×0,20 м, 0,40×0,25 м неправильной формы с подтеской по фасу кладки; раствор — цемяночный. Размеры столбиков — 0,80×0,80 м, высота — 0,65 м. Максимальная зафиксированная верхняя отметка столбиков — 2,455 В.С., при этом на верхней плите видны следы раствора, вероятно, этот ряд не был последним. Нижние плиты столбиков находятся на отметке 1,740 В.С. Под крайним восточным столбиком при его разборке были обнаружены истлевшие доски деревянного настила в сильно фрагментированном состоянии. Это подтверждает выводы первого этапа работ об уровне залегания первоначального пола каземата на нижнем уступе кладки северо-восточной стены каземата (отметка 1,740 В.С.) и соответственно уровне дощатого настила — около 2,000 В.С. (рис. 7.2). Настил просел под тяжестью засыпки и установленных на него в более позднее время столбиков. Вероятно, их установка связана с необходимостью повысить уровень помещений первого яруса, периодически затоплявшегося грунтовыми водами. Поверх столбиков был устроен новый дощатый настил, его уровень отмечает слой пожара, зафиксированный в северном углу каземата на отметке 2,640–2,500 В.С., в южном углу каземата на

отметке 2,435–2,285 В.С., на стратиграфическом разрезе засыпки на отметке 2,540 В.С. (отметки взяты у стен, где перекрытие просело минимально) при уровне верхних плит столбиков 2,455 В.С. Следы пожара обнаружены и на самих столбиках, и на их боковых гранях. У юго-западной стены, от которой столбики отдалены максимально, перекрытие просело до уровня зеленой глины — 1,940 В.С. Видимо, на момент пожара пространство под настилом не было заполнено грунтом. Следует также отметить, что слой гидроизоляционной зеленой глины был уложен уже в процессе использования полуподвала, так как столбики стоят не на нем, а в нем. Затем на слой глины была уложена черепица — возможно, на хранение. Есть сведения, по которым крыша Инженерного дома постройки 1749 г., перекрытая изначально плоской черепицей к 1797 г. обветшала и была перекрыта «желобчатую голандской», а значит, укладка

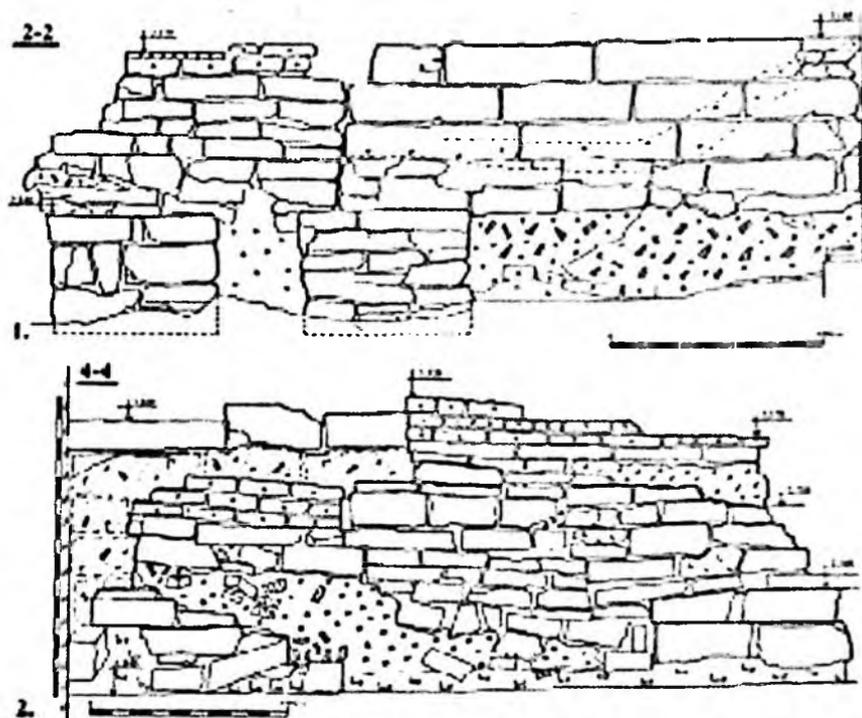

Рис. 5. 1 — Первый каземат правого фаса. Вид 2-2. Фасы II–III печей. 2 — Первый каземат правого фаса. Вид 4-4. Печи I–II.

черепицы и слой пожара над ней относятся либо к самому концу XVIII в., если это остатки неиспользованной черепицы, либо, что более вероятно, к началу XIX в., когда черепичные кровли в крепости повсеместно заменялись на железные (Степанов, 2000: 155–157). Черепица того же типа с клеймом W была обнаружена при работах Г. С. Лебедева в Нарышкином бастионе в 1976 г. (Лебедев, 1997: 5). Ее происхождение предположительно связано с одной из построек Монетного двора.

Максимальный слой черепицы находился у валганговой стены и в центральной части каземата, у печей черепица встречается уже фрагментарно, у выхода в потерну ее нет совсем.

Путем несложных расчетов при нижней отметке гнезд междуэтажного перекрытия 4,260 В.С. и слое пожара 2,640 В.С. мы получаем высоту первого яруса второго этапа — около 1,62 м. К этому же периоду ремонта относится и развал известняковых плит, примыкающий к эскарповой стене в средней ее части и перекрытый слоем пожара и битого кирпича. Вероятно, это остатки фундамента первоначальной печи (рис. 4, 5.2); выше по стене после снятия штукатурки был обнаружен

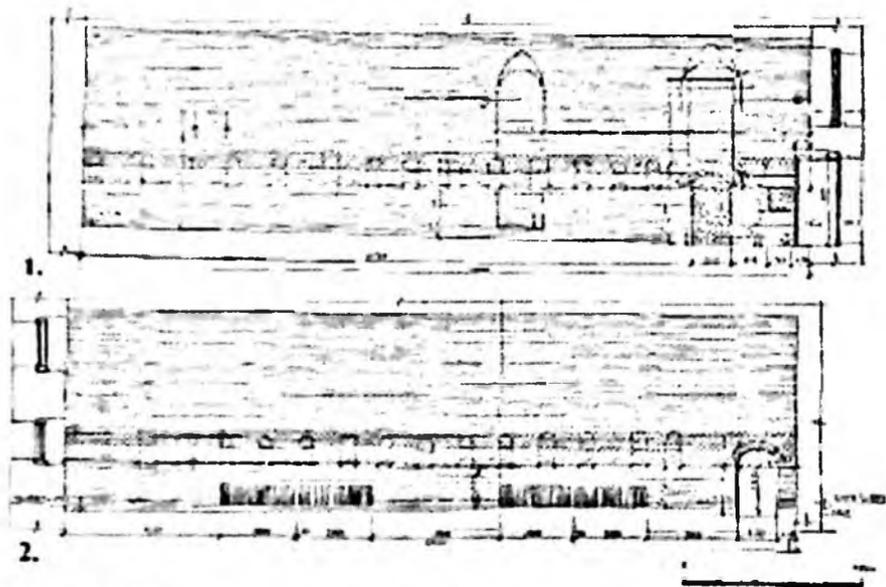

Рис. 6. 1 — Первый каземат правого фаса. Продольная стена между первым и вторым казематами. 2 — Первый каземат правого фаса. Продольная северо-восточная стена.

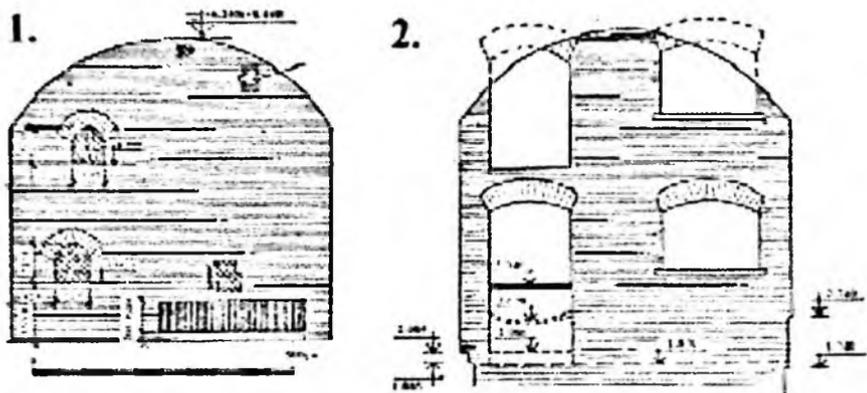
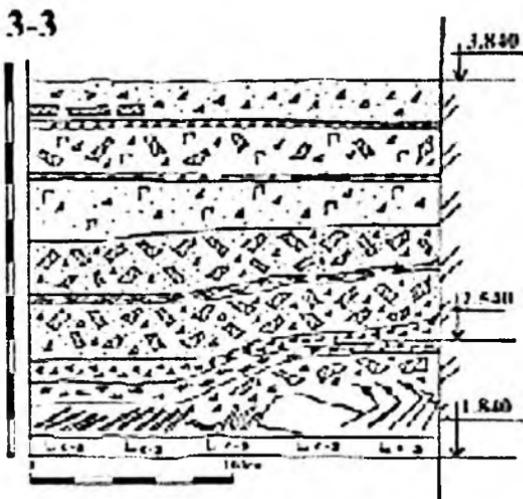

Рис. 7. 1 — Первый каземат правого фаса. Эскарповая поперечная стена. 2 — Первый каземат правого фаса. Валганговая поперечная стена.

заложенный дымоход (рис. 7.1). В последующее время на ее месте с небольшим отступом от стены была установлена новая круглая печь, показанная на плане 1841 г. (рис. 2.1) (печь II-? Рис. 4,5). Ее основание, прямоугольное в плане, как и показано на разрезе того же года (рис. 2.2), было уложено на снивелированный слой пожара, точками опоры для ее фундамента послужили два столбика первого юго-восточного ряда, для большей устойчивости верхний ряд плит которых был разобран. Фундамент печи (2,20×1,55 м) выполнен из подработанных известняковых плит иррегулярной кладки. Его общая мощность — около 0,80 м. На фундаменте сохранилось несколько рядов кирпичного цоколя — видимой части печи (0,95×1,35 м), верхняя его отметка — 3,320 В.С. (кирпич 28×13×7 см). Со стеной и дымоходом (сохранился в стене) печь была связана кирпичной перемычкой (0,95×1,05 м), уложенной на остатки фундамента первой печи. Сохранилось три ряда кладки, кирпич 26×12×6 см, перемычка и печь не перевязаны между собой (рис. 4,5). В какой момент и почему была разобрана вторая печь — неясно, но к 1860 г. (рис. 2.4) между ее фундаментом и юго-западной стеной уже сложена новая печь (печь III).

После пожара, в котором сгорел новый пол первого яруса, происходит следующее поднятие его уровня. Появляется новый ряд опор, располагающихся по продольной оси каземата. Это четыре столбика 0,8×0,8 м, их основание мощностью 0,65 м сложено из необработанного известняка и строительного мусо-

Рис. 8. Первый каземат правого фаса. Стратиграфический разрез 3-3.

ра, (два из них опираются на предыдущие столбики, два — на кучу строительного мусора, пролитого раствором). Верхняя часть столбиков (0,55×0,54 м) сложена из двух или более рядов клейменого кирпича (рис. 4). Максимальная зафиксированная верхняя

отметка столбиков — 2,775 В.С. Расстояние между столбиками в ряду около 2,20 м. Подобная система устройства перекрытия показана на чертеже 1856 г. (рис. 2.3). В это же время, видимо, происходит закладка гнезд междуэтажного перекрытия второго яруса — на чертеже 1859 г. они показаны перечеркнутыми (рис. 2.5). В 1858 г. пол в первом ярусе зафиксирован как земляной, что говорит о том, что была проведена частичная засыпка первого яруса. Из слоя этой засыпки — выше уровня пожара — происходит большинство находок, исключение составляют лепные детали и фрагменты изразцов, происходящие из самых верхних слоев засыпки (рис. 10), а также фрагмент человеческого черепа и берцовая кость — части скелета, обнаруженные в слое пожара в северном углу каземата.

Ко времени второго ремонта относится и возведение опорной стенки лестницы — кирпичная стена на основании из необработанных плит; нижняя отметка — 1,960 В.С., верхняя — 3,370 В.С. Стенка вытянута вдоль средней части валганговой стены каземата, на расстоянии 1,35 м от нее и соединена с ней пристроенной позднее кирпичной перемычкой без основания (рис. 4). Лестница показана на чертеже 1860 г. (рис. 2.4).

К этому же времени относится и устройство новой прямоугольной в плане печи (печь III) в южном углу каземата, она показана на плане 1860 г. Ее размеры — 3,120×2,150 м (рис. 4,5.1). Основание печи (3,385–2,435 В.С.) было сложено

из доломитовых плит, зеленовато-розовых в изломе, неправильной формы толщиной от 0,03 до 0,15 м и длиной до 0,5–0,7 м. Зафиксировано около 7 рядов иррегулярной кладки, между рядами — забутовка из битого кирпича, залитого раствором, бежевый песок и кирпичная крошка.

Среди кирпичей забутовки попадаетея и так называемый петровский плинфообразный кирпич 250×45×115 мм. В одном из рядов кладки встречен фрагмент известняковой лестничной ступени во вторичном использовании, возможно, эта ступень происходит из лестницы, когда-то соединявшей ярусы каземата. Общая мощность основания — 0,95 м. Такой же фундамент печи был обнаружен и расчищен под засыпкой 1-го яруса каземата в Невской куртине (экспозиция в «Печатне»).

Выше печи III под потолком в эскарповой стене сохранился незаложенный дымоход, на плоскости основания печи хорошо виден след второго пожара, уничтожившего перекрытие 1856–1859 гг., его верхняя отметка у стены — 3,2000 В.С. (рис. 5.1).

Вероятнее всего, второй пожар произошел около 1887 г., когда зафиксировано переоборудование каземата в один этаж, а полуподвал засыпан строительным мусором (в этом слое встречена лепнина и фрагменты белых изразцов — рис. 10.4–7).

Таким образом, уровень последнего деревянного перекрытия фиксируется на отметке около 3,300 В.С.

Подтверждает это и уровень верхнего порога дверного проема первого яруса, раскрытого в валганговой стене каземата — на отметке 3,340 В.С. фиксируется порожная известняковая плита и след пожара (рис. 7.2). На отметке 2,690 В.С. выявлен еще один порог, кирпичный (просевший), уложенный на слой строительного мусора. На стене на этой же отметке читается слой пожара — уровень предпоследнего деревянного перекрытия, вероятно уложенного на уступ с отметкой 2,740 В.С. Дверной проем опускается и ниже до слоя зеленой глины, но уровень первоначального порога, зафиксированного на внешней плоскости стены И.Н. Бенуа на отметке 2,080 В.С., обнаружить не удалось (рис. 7.2).

В продольной юго-западной стене каземата после выборки грунта и снятия штукатурки был обнаружен дверной проем первого яруса, арочное завершение которого оказалось прорезано более поздним дверным проемом второго яруса (рис. 6.1).

Проем первого яруса имел только один первоначальный порог, зафиксированный на отметке 2,215 В.С. и два уступа кладки под ним — 2,085 В.С. и 1,885 В.С. На последний, вероятно, был уложен первоначальный пол (рис. 4). Кроме того, в этой же стене на 4,13 м южнее был обнаружен заложённый дверной проем первого яруса, верхняя его граница неразличима, нижняя имеет отметку 2,760 В.С. (рис. 6.1). Очевидно, при повышении уровня пола от первого проема отказались и заложили, прорубив в нескольких метрах от него новый проем.

После полной расчистки стен каземата от штукатурки на обеих продольных стенах каземата были открыты все восемнадцать гнезд междуэтажного перекрытия, а на эскарповой стене, в восточной ее части, были обнаружены две небольшие заложённые сквозные амбразуры, расположенные асимметрично друг над другом (рис. 6,7.1). Предположительно ниши устроены на последнем этапе эксплуатации каземата с целью освещения лестницы, ведущей из потерны в каземат.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате работ нам удалось подтвердить и дополнить архивные данные, установить несколько этапов существования помещения:

I ЭТАП. Первый ярус — деревянный настил (2,000 В.С.) уложен на выступ фундамента на отметке 1,740 В.С.; порог перехода из потерны в каземат имеет отметку 2,220 В.С., порог перехода из первого каземата во второй — 2,215 В.С., нижняя отметка дверного проема в валганговой стене 2,080 В.С. Отметка деревянного настила второго яруса — около 4,700 В.С.

II ЭТАП. Не ранее 1797 г. (дата берется по черепице) устанавливаются столбики из плитняка, старый настил перекрыт новым глиняным замком, уровень дощатого настила первого яруса поднимается до отметки около 2,700 В.С. (уступ стены — 2,740 В.С.), порог перехода между казематами — до 2,760 В.С., верхняя отметка просевшего кирпичного порога в валганговой стене — 2,740 В.С. Незадолго до 1856 г. в каземате случается пожар, в результате чего видимо сгорает междуэтажное перекрытие.

III ЭТАП. Около 1856–1859 гг. закладываются гнезда междуэтажного перекрытия, уровень настила первого яруса при помощи кирпичных столбиков поднимается до отметки 3,300 В.С., порожняя плита дверного проема в валганговой стене имеет отметку 3,340 В.С., в южном углу каземата возводится печь III. Новое перекрытие горит в пожаре не позднее 1887 г.

IV ЭТАП. С 1887 г. каземат становится одноэтажным, подвалы засыпаются строительным мусором, проемы переделываются в один ярус, устроен асфальтовый пол (3,685 В.С.), из потерны в каземат ведет лестница — отметка верхней ступени 3,710 В.С.

V ЭТАП. Появляется бетонный пол в потерне и каземате (советский период) — разобран в 2002 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Находки (рис.9-11)

К первой наиболее многочисленной категории находок относятся фрагменты черепицы из слоя черепичного завала начала XIX в. После первичной обработки материала, можно предварительно по морфологическим признакам разделить всю черепицу на несколько типов. Так, наиболее часто встречаются типы № 1 и 2 (названы условно).

Тип № 1:

(рис. 9.1,2)

желобчатая, так называемая голландская черепица;

шип обычный, прямоугольной формы;

черепица в плане прямоугольная, два противоположных угла срезаны под углом 45°.

один длинный край плавно загибается вверх (поперечное сечение S-образной формы);

глина цвета охры;

максимальная длина 0,42 м;

максимальная ширина 0,26 м;

на рис. 9.2 виден способ формовки шипа двумя пальцами.

На шипе черепицы типа 1 встречено клеймо в виде вдавленного кольца и буквы W, в другом варианте — IFSв кольце.

Тип № 2:

(рис. 9.3)

желобчатая черепица;

шип пирамидообразный, трехгранный;

на противоположном конце сквозное отверстие для крепления к обрешетке;

черепица в плане прямоугольная, края без загибов, углы не срезаны; поперечное сечение полукруглое;

от шипа к отверстию идут четыре пальцевых бороздки, оставленные при формовке (на всех образцах); эта плоскость имеет ангоб охристого цвета;

глина темно-красная с большим количеством крупных включений известняка;

максимальная длина $>0,30$ м;

максимальная ширина $0,25$ м;

Тип № 3:

(рис. 9.4)

Встречено два фрагмента слабожелобчатой черепицы толщиной $0,026$ м (средняя толщина фрагментов 1-го и 2-го типов — от $0,01$ до $0,018$ м).

Тип № 4:

(рис. 9.5,6)

черепица плоская;

шип прямоугольный;

общая ширина не более $0,2$ м;

глина светлая;

(один фрагмент имеет срезанный угол, шип на прямоугольной площадке — рис. 9.5);

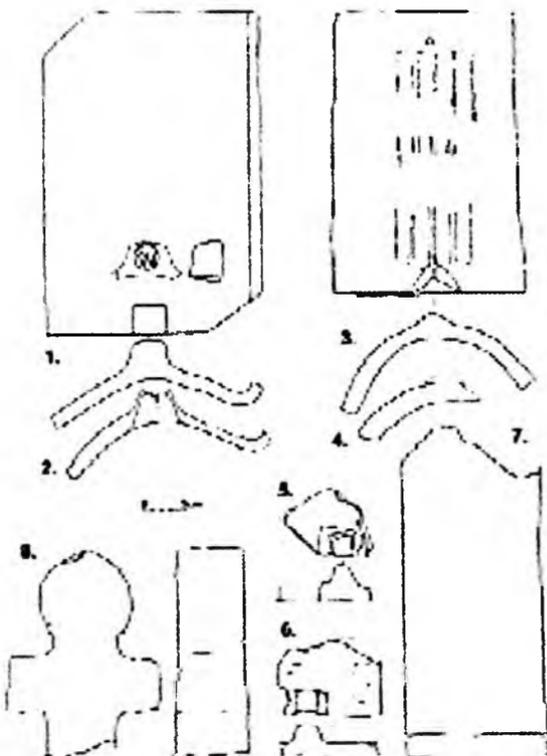

Рис. 9. Находки.

Рис. 10. Находки.

Следующая категория находок — печные изразцы. Из слоя кирпичной засыпки выше слоя черепицы и в уровне основания печи происходит большое количество фрагментов белых прямоугольных печных изразцов XIX в. (рис. 10.7), по цвету глины и форме румпы можно предположить, что они происходят из десяти разных печей. В слое пожара встречено множество фрагментов

тонкого 1,5 мм стекла со следами ржавчины по краю от крепления в металлическую раму, датируемое концом XVIII в.

Кроме того, в слое кирпичного боя над слоем пожара были обнаружены красноглиняные рифленные голосники (рис. 10.1,2), помадные (аптекарские) банки с белой и кобальтовой поливой (рис. 10.8,9), в слое пожара встречалась разнообразная керамика с поливой (рис. 10.12,13) и без (рис. 10.10), а также красноглиняные светильники (рис. 10.11). Из слоев засыпки каземата 1887 г. происходит большое количество шаблонов и фрагментов лепного декора (рис. 10.4–6). Среди индивидуальных находок представляет интерес четырехгранный сосуд из серого слоистого минерала, напоминающего графит, со следами извести внутри (рис. 10.3), а также фасонный кирпич в виде креста, найденный рядом с черепом в слое пожара (рис. 9.8).

Отдельную, очень многочисленную категорию находок представляют металлические предметы из слоя над глиняным

замком в потерне — это и топор с длинной полой металлической рукоятью, кирки, подковы, и самые разнообразные скобяные изделия общим числом около 40 предметов.

O. V. Andreeva and E. A. Sharova

Archaeological excavations in the Gosudarev Bastion of the Peter-Paul Fortress

In 2001–2003, the North-Western Scientific Research Institute of the Cultural and Natural Heritage carried out rescuing excavations in the postern and the first casemate within the right face of the Gosudarev Bastion of the Peter-Paul Fortress. The main objectives were to identify the historical floors and their levels and type, as well as to investigate their waterproofing construction and the layers beneath the modern floors, and to find the foundations in order to examine their state of preservation, and their depth and construction. The maximum thickness of the layers within the postern amounted to 2.05 m. During the excavation in the postern, the absence of any continuous brickwork grate under the scarp wall of the bastion was established. Excavated within the floor of the casemate were the layers of the filling of the lower storey, the remains of the original timbered floor and the underlying waterproofing layers down to the level of subsoil waters. The maximum thickness of the recorded layers amounted to 2.88 m. During the excavation, uncovered were the foundations of three stoves of different periods, several supporting posts for raising the ceiling of the first storey in the course of two stages of repairs and the base of a staircase. After

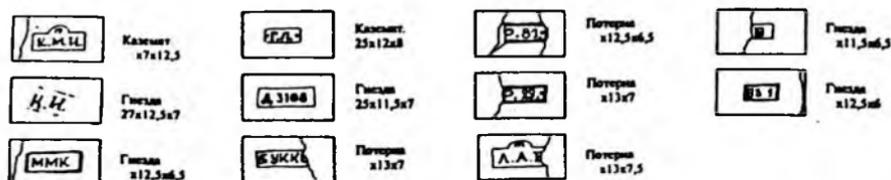

Рис. 11. Клейменные кирпичи из каземата.

the layers of the modern plaster had been removed from the walls of the casemate and the filling soil had been excavated, it became possible to carry out the on-location examination of the walls in order to identify the initial appearance of the room; as a result, uncovered were the blocked-up sockets of the level ceilings, doorways and window openings, and various niches and chimneys. The excavation of the fill of the lower storey of the casemate yielded a rich collection of complete examples of grooved tiles of several types, both stamped and unstamped.

Бенуа — *Бенуа И.Н.* «Проект реставрации правого фаса», лист 16, разрез II-II, архитектор И.Н. Бенуа — Рукописные материалы. Научный архив ГМИ СПб.

Бутми, 1959 — *Бутми В.А.* Начало строительства Петропавловской крепости // Научные сообщения ГИОП. Л.

Лебедев, 1997 — *Лебедев Г.С.* Дерево-земляная Петропавловская крепость 1703 г. // ПСКОВ. СПб. Т.2.

Степанов, 2000 — *Степанов С.Д.* Санкт-Петербургская Петропавловская крепость: История проектирования и строительства. СПб.

Архитектурно-археологические исследования Казанского собора в 2001 году

История строительства Казанского собора в Петербурге хорошо известна (Казанский собор, 2001: 29–80). Мысль императора Павла I создать православный храм, не уступающий собору апостола Павла в Риме, была воплощена в проекте А. Н. Воронихина, осуществленном в первое десятилетие правления Александра I. Решающий организационный вклад в строительство храма внес граф А. С. Строганов, покровитель А. Н. Воронихина.

Историко-архивные данные о строительстве обобщены в монографии А. П. Аплаксина, изданной к столетию освящения храма. Они подробно характеризуют нулевой цикл работ: от сноса строений на отведенном участке до завершения фундамента. (Аплаксин, 1911: 10-21, 16-25) В 2001 г. эти сведения удалось сопоставить с археологическими наблюдениями, полученными в ходе обследования собора специалистами НииИИ «Спецпроектреставрация» (главный архитектор проекта М. И. Коляда) и фирмы «Эркон» (архитектор Б. С. Лапшин). Чертежи выполнены архитектором Н. А. Демченко.

По архивным данным земляные работы начались в марте 1801 г. Объем выемки по смете составил 4036 кубических саж. Глубина рвов 4 аршина 10 вершков.

В мае начались сваебойные работы. Неожиданным осложнением оказалось появление большого количества воды во рвах, непрерывная борьба с которой продолжалась первые три года постройки с привлечением тридцати рабочих, шести лошадей и при использовании водолейных колес и архимедовых винтов. Сваи под стены и крыльца бились длиной 3 сажени,

толщиной 5-6 вершков; под разбутку и ступени крылец — длиной 2 сажени. За три года с помощью девяти ручных копров было забито 18072 сваи.

Ростверк был положен на сваи в два ряда, крест на крест. Нижний ряд был из брусьев толщиной в 7 вершков, а верхний в 6 вершков.

27 августа 1801 г. император Александр I заложил первый камень фундамента. В 1802 г. фундамент был доведен до отметки, превышающей уровень грунтовых вод.

Вдоль берега Екатерининского канала пришлось разобрать гранитную набережную и устроить перемышку, чтобы предотвратить проникновение воды в ров фундамента восточного крыла колоннады. Перемышка длиной 20 сажений представляла собой ящик с двойными стенками из шпунтованных свай, набитый глиной. 22 августа 1802 г. после дождей вода прорвала перемышку и залила все рвы. Откачка воды потребовала дополнительных усилий строителей.

В 1803 г. были окончены земляные работы, откачка воды, забивка свай, укладка ростверка, возведение фундамента. Высота фундамента составила 6 аршин. Тогда же были начаты гранитный цоколь и кирпичная кладка стен погребов.

Строительство и отделка, сооружение ограды, благоустройство продолжались до 1812 г. 15 сентября 1811 г. произошло торжественное освящение собора, приуроченное к годовщине коронавания императорской четы. Южный портик был достроен в 1818 г. С тех пор никакого нового строительства не велось.

По мнению А. Аплаксина, с учетом того, что в 1911 г. нижний ряд цоколя высотой в 1 аршин уже находился под землей, дневная поверхность площади у собора была выше, чем при начале строительства, на 2 аршина 6 вершков (почти 1,7 м). (Аплаксин, 1911: 13)

Археологические данные были получены при выполнении шурфа у южной стены западной части здания, у второго от западного крыльца окна (рис. 1). Первоначальные размеры шурфа 2,120×2,160 м. Максимальная глубина 2,700 м при уровне грунтовых вод 2,470 м. Работы велись с 26.07 по 2.08.2001 г.

Цель шурфа — выяснение вопроса о состоянии и гидроизоляции подземной части цоколя и наружной стены подвала

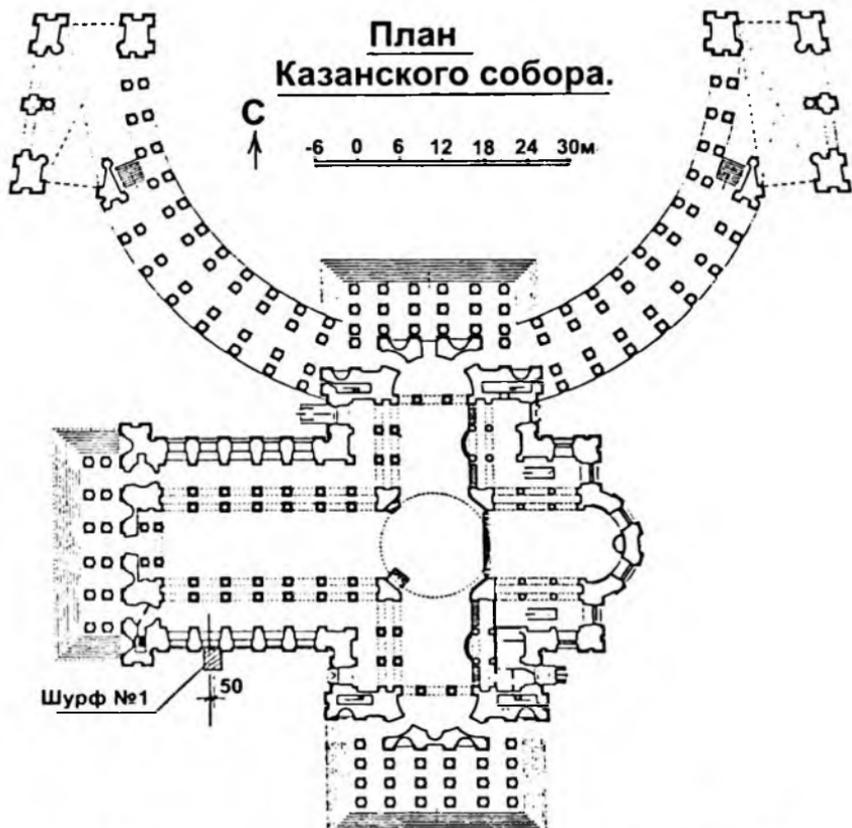

Рис. 1. План Казанского собора с обозначением места шурфа 2001 г.

собора, изучение стратиграфии насыпного слоя вокруг него. Разборка слоя велась горизонтальными пластами мощностью 0,2 м.

1 пласт (0-0,2 м) состоит из слоя асфальтобетона (5-6 см), слоя асфальта (4 см), подстилающего слоя угольного шлака. Общая мощность асфальта и шлака составляет 25 см. По северной стенке шурфа асфальт и подстилающие его слои закрывают половину нижнего блока гранитного цоколя собора.

2 пласт (0,2-0,4 м) состоит из продолжения слоя угольного шлака, песчаной подсыпки в его основании мощностью до 10 см, светлокоричневого насыпного слоя с включениями битого кирпича и булыжников. В северо-восточном углу шурфа встречены два валуна поперечником 0,3-0,5 м, углубляющиеся

в следующий пласт. Находки: кирпич (размер 260×125×70 мм, клеймо В362); фрагменты фарфора; фрагменты днища и стенок красноглиняной крынки с красной поливой внутри; днище толстостенной стеклянной бутылки.

3 пласт (0,4-0,6 м). Под светлокоричневым насыпным слоем на глубине 0,42-0,5 м встречены остатки булыжного замощения. Уровень замощения соответствует стыку гранитного цоколя со свинцовыми прокладками между блоками и известнякового фундамента на известковом растворе, верхняя плита которого шире цоколя на 5-6 см. Остатки замощения представлены небольшим участком в юго-восточном углу шурфа, но по всей его площади отчетливо прослеживается подстилающий замощение слой песка с включением кирпичной крошки мощностью до 10 см. В северо-восточном углу шурфа — перекоп до глубины 0,6 м, заполненный двумя валунами и мешаной засыпкой. Находки: роговой нож для разрезания бумаги; горлышко аптечного пузырька; фрагмент синей помадной банки; горло и 2 фрагмента ручки бутылки от сельтерской воды (рис. 4); фрагмент стенки чернолощеного сосуда; 8 фрагментов белого кафеля от печи «голландки»; обломки кирпичей толщиной 50-60 мм.

4 пласт (0,6-0,8 м) состоит из насыпного слоя битого кирпича, песка и глины. В северной части шурфа с глубины 0,62 м прослеживается слой известнякового щебня и известкового раствора, круто опускающийся в южном направлении. Его северный край примыкает к ступенчатому расширению фундамента на уровне третьей сверху плиты. Находки: фрагмент круглого оконного стекла; нож железный; фрагмент горла стеклянной бутылки; накладная железная пластина; кованый гвоздь; 3 обломка костей.

5 пласт (0,8-1,0 м) целиком состоит из слоя известнякового щебня, раствора и песка с включением кусочков известняковой обмазки. Мощность до 0,25 м. На глубине 1 м вдоль фундамента собора прослежена полоса белой сырой глины шириной 0,2 м — обмазка очередного ступенчатого расширения фундамента на уровне седьмой сверху плиты. Находки: фрагменты тарелок из белого фарфора и фаянса; фрагмент бутылки от сельтерской воды, фрагмент белого кафеля со следом румпы; кованый железный гвоздь; два обломка каменных плиток; 2 фрагмента оконного стекла; кусочек шлифованного розового

мрамора; обломки кирпичей (ширина 120-130 мм, толщина 50-55 мм); 21 кость КРС.

6 пласт (1-1,2 м). Продолжается слой известнякового раствора со щебнем и битым кирпичем. Его подстилает мешаный насыпной слой песка, глины, щебня. Находки: 4 фрагмента кафеля с зеленой росписью; фрагмент румпы кафеля; 2 фрагмента красноглиняной керамики с красной поливой; фрагмент керамики с нагаром (трехслойный обжиг, орнаментирован косыми насечками по плечу); 2 фрагмента белой фарфоровой тарелки; фрагмент фаянсовой ручки с синей росписью; железный кованый костыль; 3 фрагмента оконного стекла; кирпич (260×130×65 мм); 18 костей КРС.

7-13 пласты (1,2-2,6 м) состоят из однородного слоя влажного гумусированного песка, постепенно переходящего в суглинок, с обильными включениями щебня, камней, битого кирпича, линз и прослоек кирпичной крошки, песка, большого количества костей крупного рогатого скота. В 12-13 пластах встречены включения углей и древесного тлена.

Находки:

7 пласт (1,2-1,4 м) — фрагмент кафеля с зеленой росписью; 3 фрагмента кафеля с голубой росписью; наклепное фарфоровое украшение в виде розы; пластина железная; 2 фрагмента белой фарфоровой тарелки; венчик сосуда с красной поливой внутри; фрагмент стенки сосуда, орнаментированный одной волнистой линией; фрагмент дна сосуда.

8 пласт (1,2-1,6 м) — фрагмент кафеля с голубой росписью; 2 фрагмента фарфора; 2 фрагмента керамики с красной поливой; фрагмент керамики без поливы; фрагмент оконного стекла.

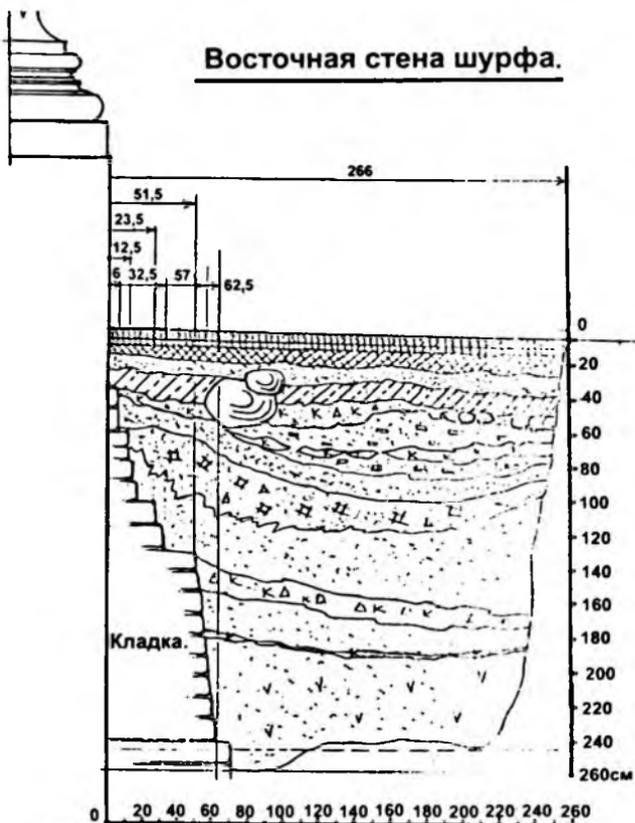
9 пласт (1,6-1,8 м) — лопата железная (рис. 4); фрагмент фарфора; фрагмент керамики без поливы; спил трубчатой кости.

10 пласт (1,8-2,0 м) — точильный камень; изогнутый железный инструмент (кочедык?); кованый железный костыль; два кованых железных гвоздя; фрагмент кафеля; фрагмент керамики без поливы; фрагмент оконного стекла.

11 пласт (2,0-2,2 м) — три кованых железных гвоздя; два фрагмента керамики без поливы.

12-13 пласты (2,2-2,6 м) — два фрагмента кафеля с зеленой росписью; три фрагмента керамики с красной поливой; два фрагмента керамики без поливы; горлышко аптечного пузырька; два кованых железных гвоздя.

Восточная стена шурфа.

1. Асфальт.
2. Шлак.
3. Песок.
4. Насыпной слой 1-й трети XXвека.
5. Булыжная отмостка с песчаной подсыпкой начало XIXвека.
6. Насыпной слой с кирпичной крошкой начало XIXвека.
7. Подсыпка грунта.
8. Песок с щебнем и битым кирпичем.
9. Строительная линза фундамента приблизительно 1801г.
10. Строительные линзы битого кирпича в слое песчаной подсыпки.
11. Насыпной гумусированный суглинок слой XVIIIвека.
12. Вода.
13. Валуны.

Рис. 2. Стратиграфия. Профиль восточной стенки шурфа.

Дальнейшее углубление шурфа было остановлено по требованию архитекторов, опасавшихся нарушения режима увлажнения кладки фундамента и контакта деревянных конструкций ростверка с атмосферным кислородом.

Стратиграфические наблюдения в ходе описания стенок шурфа позволяют выделить пять слоев (рис. 2):

Асфальтовое покрытие с подсыпками и подстилающий их светлокоричневый насыпной слой. Общая мощность 0,4-0,5 м.

Булыжная отмостка с подстилающей песчаной подсыпкой, насыпные слои с прослойками кирпичной крошки и строительного мусора. Общая мощность 0,5-0,6 м.

Слой раствора со щебнем, образовавшийся в результате разравнивания строительных остатков после завершения нулевого цикла строительных работ в 1803 г. Мощность 0,25-0,3 м. Уклон с севера на юг.

Слой песка мощностью 0,4-0,5 м; предположительно, выброс при копке фундаментного рва или подсыпка.

V. Однородный влажный слой песка, переходящего в суглинок. Включения линз и прослоек кирпичной крошки, камней, битого кирпича. По южной стенке прослежены локальные перекопы, заполненные раствором и щебнем.

Сопоставление стратиграфических наблюдений с историко-архивными данными позволяет выделить и датировать этапы нулевого строительного цикла:

Пласт, глубина	Археологические данные	Строительная летопись	Даты
1-2 0-0,4 м	Двухслойное асфальтовое покрытие с подсыпками шлака и песка; подстилающий их светлокоричневый насыпной слой. Общая мощность 0,4-0,5 м. Находки 2 пласта.	Асфальтирование центральных районов Ленинграда проводилось после наводнения 1924 г. Верхний слой асфальтобетона уложен, вероятно, после 1945 г.	После 1924 г.
3-4 0,4-0,8 м	Булыжная отмостка с подстилающей песчаной подсыпкой. Насыпной слой с прослойками кирпичной крошки и строительного мусора. Общая мощность 0,5-0,6 м. Подсыпка и замощение при благоустройстве после завершения строительства храма. Находки 3-4 пластов.	15 сентября 1811 г. произошло торжественное освящение собора, приуроченное к годовщине коронации императорской четы. Строительство и отделка, сооружение ограды, благоустройство продолжались до 1812 г.. Южный портик был достроен в 1818 г. С тех пор никакого нового строительства не велось.	1812-1818 гг.

Пласт, глубина	Археологические данные	Строительная летопись	Даты
5-6 1-1,2 м 7-8 1,4-1,6 м 9-13 1,8-2,7 м	<p>Слой раствора со щебнем, образовавшийся в результате разравнивания строительных остатков после завершения нулевого цикла строительных работ в 1803 г. Мощность 0,25-0,3 м. Уклон с севера на юг. Находки 5-6 пластов.</p> <p>Слой песка мощностью 0,4-0,5 м; предположительно, выброс при копке фундаментного рва или подсыпка. Находки 7-8 пластов. На границе 8-9 пластов найдена железная лопата, сломанная, вероятно, при копке фундаментного рва.</p> <p>Однородный влажный слой песка, переходящего в суглинок. Включения линз и прослоек кирпичной крошки, камней, битого кирпича. По южной стенке прослежены локальные перекопы, заполненные раствором и щебнем. Находки 9-13 пластов.</p>	<p>В 1803 г. были окончены земляные работы, откачка воды, забивка свай, укладка ростверка, возведение фундамента. Высота фундамента составила 6 аршин. Тогда же были начаты гранитный цоколь и кирпичная кладка стен погребов.</p> <p>Земляные работы начались в марте 1801 г. Объем выемки по смете составил 4036 кубических саж. Глубина рвов 4 аршина 10 вершков.</p>	<p>1803 г.</p> <p>1801-1802 гг.</p> <p>Слой XVIII в. до строительства храма</p>

Стратиграфические наблюдения были дополнены обследованием конструкций здания (Коляда, Лапшин и др., 2001: 15-18). Его основанием служит массивный цоколь, выполненный из сердобольского серого гранита, который добывался около Сердоболя ныне Сортавала на северном берегу Ладожского озера. Швы между гранитными элементами были заполнены свинцовыми прокладками.

Несущими конструкциями цокольной части являются массивные каменные стены и своды подвальных перекрытий. При осмотре подвалов установлено, что их стены сложены из полнотелого глиняного кирпича на известково-песчаном растворе, с прокладными рядами из пиленых плит плотного природного известняка (тосненская плита). Внешние ряды кладки наружных стен, расположенных ниже уровня земли, выполнены из известняковой плиты. Цилиндрические своды подвальных помещений выложены из отборного кирпича с включением шамота на

известково-кирпичном растворе (цемянка). Толщина кладки сводов в замковой части составляет около 40 см (1,5 кирпича).

По данным архивных источников и материалам обследования фундаменты под стенами — бутовые (рис. 3). Они уступами расширяются к основанию и сложены из тосненской известняковой

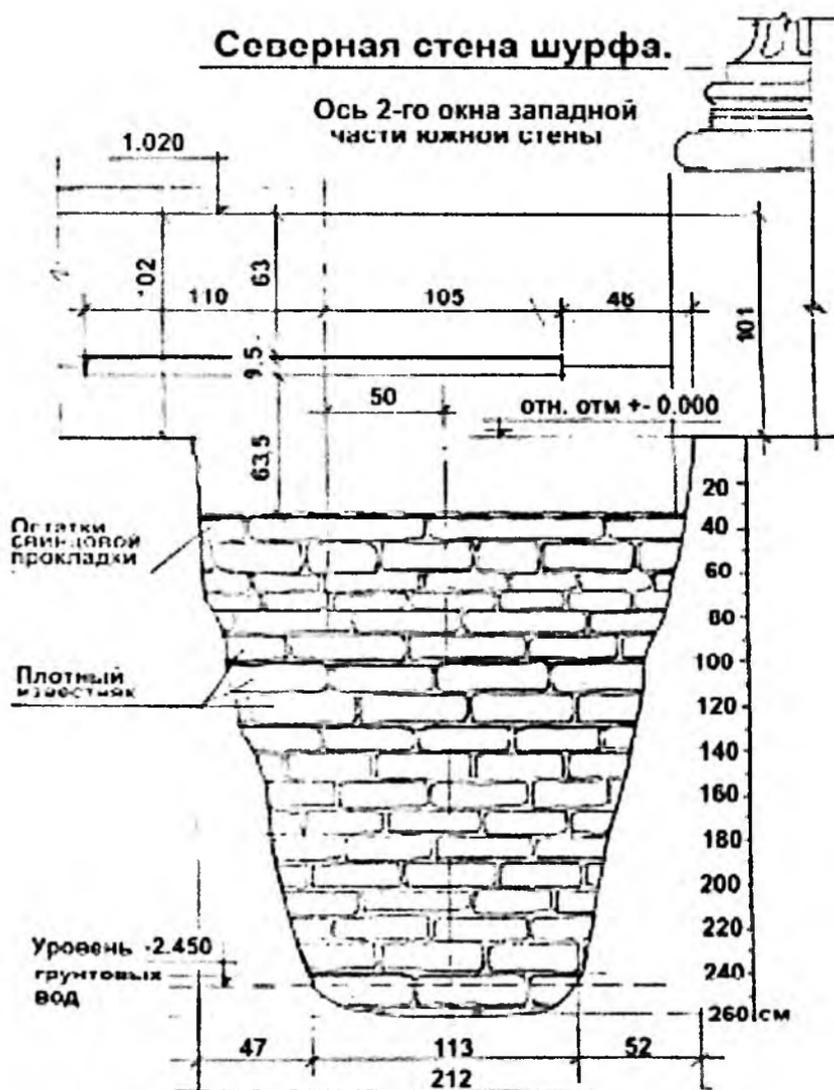

Рис. 3. Профиль кладки фундамента Казанского собора в шурфе.

плиты на известковом растворе. Эту разновидность плиточного известняка добывали в районе Тосно. Состояние известняковых плит и камней вполне удовлетворительное, но гидроизоляция в виде глиняного замка отсутствует. Вертикальные и горизонтальные поверхности кладки покрыты частично утраченной глиняной обмазкой толщиной до 10 мм. До глубины 630 мм обмазка утрачена полностью. В грунте засыпки встречаются небольшие комки глины.

При строительстве собора использовались также путиловская плита, добываемая на южном берегу Ладожского озера, в с. Путилово, и известняк из с. Пудость другое название — Пудов близ Гатчины, который применяли для облицовки стен и изготовления блоков наружных колонн. По сравнению с ними тосненская плита выделяется большей прочностью (Булах, Абакумова, 1993: 117-121).

Основания под фундаментами — деревянные сваи, объединенные деревянным двухрядным ростверком. Глубина заложения ростверка предположительно составляет около 4,5 м. Уровень грунтовых вод по данным исследований 1988–1990 гг. располагается на глубине около 3 м от поверхности земли, поэтому деревянные сваи и элементы ростверка постоянно находятся в толще водонасыщенного грунта, что защищает их от загнивания (Булах и др., 2002: 178-179, 189-198).

При освидетельствовании конструкций в шурфе было выявлено следующее:

а) Верхний слой асфальтобетона не подходит вплотную к цокольной плите. Величина зазора составляет 15-20 мм.

б) Нижняя цокольная гранитная плита продолжается ниже уровня асфальтобетона на 340 мм и опирается на горизонтальную тосненскую плиту толщиной 100 мм через частично утраченную свинцовую прокладку. Между цокольными плитами обнаружен вертикальный зазор шириной 12 мм на всю высоту плиты. Свинцовая прокладка в зазоре отсутствует.

в) Ниже идет кладка из известнякового камня на известковом растворе. Состояние известняковых плит и камней удовлетворительное. Кирпичные клинья потеряли прочность и частично выпали, раствор разрушился. Таким образом, кладка доступна для воздействия воды, проникающей сверху через вертикальные швы между цокольными плитами и щель между

асфальтобетоном и стеной. Вода просачивается в подвальные помещения, разрушая раствор и образуя высолы на стенах и сводах подвала. При замерзании воды происходит разрушение наружных слоев кладки.

г) Гидроизоляция в виде глиняного замка отсутствует. Вертикальные и горизонтальные поверхности кладки покрыты частично утраченной глиняной обмазкой толщиной до 10 мм. До глубины 630 мм обмазка утрачена полностью. В грунте засыпки встречаются небольшие фрагменты глины.

По результатам освидетельствования конструкций в шурфе даны рекомендации о необходимости ремонта наружных стен с заделкой зазоров, швов кладки и созданием гидроизоляции на глубину промерзания грунта до 1,5 м.

Казанский собор, 2001 — *Казанский собор*. Исторический очерк строительства и церковной жизни. СПб.: «Артдеко».

Аплаксин, 1911 — *Аплаксин А.П. Казанский собор*. Исторические исследования о соборе и его описание. СПб. Ч. I–III.

Булах и др., 2002 — *Булах А.Г., Гавриленко В.В., Борисов И.В., Панова Е.Г.* Каменное убранство Петербурга. СПб.

Коляда, Лапшин и др., 2001 — *Белый И.Г., Коляда М.И., Лапшин Б.С. и др.* Отчет о результатах технического обследования западного крыльца Казанского собора. СПб. Архив КГИОП.

Рис. 4. Находки II слоя 3 пласт и железная лопата из IV слоя 9 пласт.

Археологические работы на месте дома Джакомо Кваренги в Царском Селе

В июле–августе 1995 г. Санкт-Петербургская археологическая экспедиция Северо-западного филиала РНИИ культурного и природного наследия проводила археологические работы на месте дома архитектора Дж. Кваренги в Царском Селе (г. Пушкин). Работы велись по заказу и под наблюдением КГИОП. Участок, на котором некогда располагалось строение, после войны пустовал и в начале 1990-х г. был отдан под застройку. Прежде чем приступить к строительству, КГИОП обязал фирму-подрядчика провести изыскания с целью определить степень сохранности старых фундаментов и возможность их использования при новом строительстве. Так же КГИОП обязал подрядчика проводить застройку участка в соответствии со старым расположением построек и сохранением их первоначального внешнего вида для воссоздания исторического облика квартала.

Краткая информация о ходе работ была напечатана сразу после их окончания (Кашаев, Андреева, 1995: 138–146). По прошествии времени мы посчитали нужным еще раз вернуться к данной теме и более подробно остановиться именно на археологических результатах, поскольку архитектурный анализ был сделан в первой работе.

Цель археологических работ заключалась в поиске участков стен и фундамента дома, принадлежавшего Дж. Кваренги, выяснении степени их сохранности и нанесении на план. Так же необходимо было провести обследование всего участка усадьбы, и, в частности, определить место и степень сохранности «чайного домика», беседки и небольшого пруда.

В соответствии с поставленными целями и имеющимися средствами поиск стен велся без вскрытия больших площадей — с помощью шурфов-траншей.

Усадьба Дж. Кваренги располагалась при пересечении современных улиц Средней и Васенко, образующих тупой угол. Динамику развития и застройки исследуемого квартала можно проследить по довольно основательной исторической справке составленной Е. В. Гусаровой (Гусарова, 1996: 259–262). Приводя много исторических данных, фамилии владельцев, обнаруженные в архивах планы участка и построек, автор, к сожалению, дает всего лишь один рисунок — фасад дома В. И. Бярятинского на 1886 г. Его можно сравнить с имеющимся в нашем распоряжении планом этого строения (рис. 1). Большинство из упомянутых в исторической справке планов находится в РГИА,

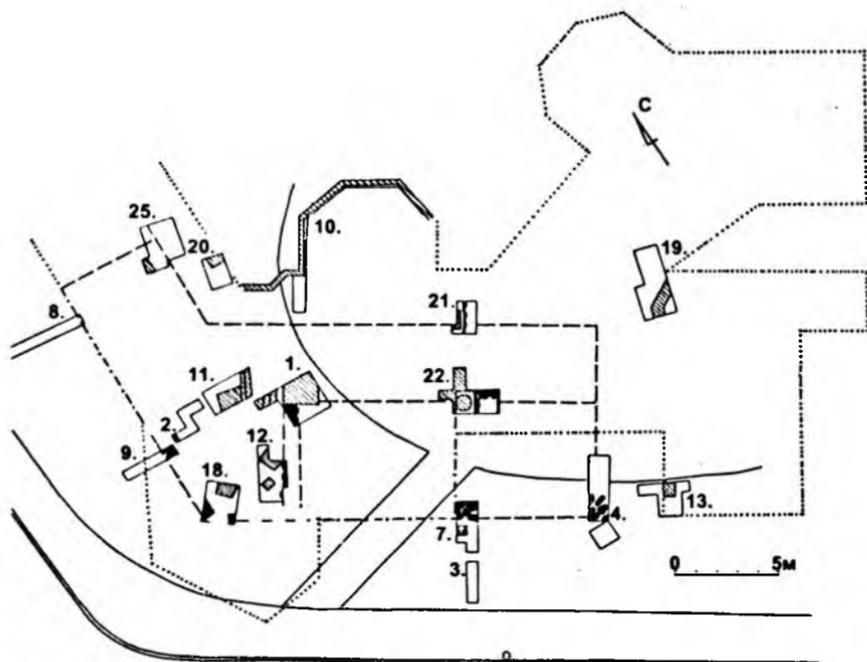

Рис. 1. Сквер на пересечении ул. Средней и ул. Васенко с разведочными шурфами и планами домов Дж. Кваренги и В. И. Бярятинского. Пунктирная линия — дом Кваренги 1783г. постройки; точечная линия — часть дома В. И. Бярятинского, выходящая на улицу Среднюю; сплошная линия — сквер, существовавший в 1994 г., и шурфы.

а часть — в Государственном музее заповеднике «Царское Село». Стоит упомянуть, что во время археологических работ сотрудники экспедиции пытались договориться с администрацией Заповедника (директор И. В. Саутов) о поиске в их архиве каких-либо планов или документов по исследуемому участку, но получили ни чем не обоснованный отказ. Администрация Заповедника проявила полную не заинтересованность в исследовании исторического центра Царского Села, вплотную прилегающего к территории заповедника. В тоже время, руководство и сотрудники Пушкинского краеведческого музея (директор Н. А. Давыдова) с пониманием отнеслись к уникальной возможности проведения раскопок и оказывали со своей стороны посильную помощь археологам, за что хочется выразить им благодарность. После окончания раскопок имеющиеся находки переданы на хранение в Пушкинский краеведческий музей.

Из всех построек квартала нас, в большей степени, интересуют два здания — дом Дж. Кваренги, построенный в 1783 г. и снесенный в 1851 г. А так же дом В. И. Барятинского построенный в 1851 г. по проекту архитектора И. А. Монигетти, просуществовавший с ремонтом и переделками почти столетие и сгоревший во время Великой Отечественной войны (Гусарова, Сорокин, 1996: 261). Именно ему принадлежат большинство обнаруженных в ходе работ архитектурных остатков — каменно-кирпичные основания стен высотой более 1,7 м, обгоревшие деревянные настилы и выложенные кафельной плиткой полы.

Нашей же целью было выявление конструкций, непосредственно относящихся к зданию, построенному Дж. Кваренги. На рис. 1 дано совмещение трех планов:

дом Кваренги 1783 г. постройки (пунктирная линия);

часть дома В.И. Барятинского, выходящая на улицу Среднюю, флигель по улице Васенко не приводится (точечная линия);

сквер, существовавший в 1994 г. с нанесенными на него шурфами (сплошная линия).

План дома Дж. Кваренги дан по книге В. Н. Талепоровского, а план дома В. И. Барятинского по данным аэрофотосъемки 1930-х гг. Так как имеющийся в нашем распоряжении план с аэрофотосъемки выполнен в масштабе 1:2000, то при сведе-

нии к единому масштабу могла возникнуть серьезная погрешность. Особенно существенной (до 1 м) она может быть в изображении флигеля, выходявшего во двор, и перехода в него. Для проверки погрешности было выполнено сравнение части плана (рис. 1) с изображением фасада дома (Гусарова, 1996: 475) по улице Средней. Оно показало почти полное совпадение размеров на обеих иллюстрациях.

На плане (рис. 1) видно, что общими, для обеих 1783 и 1851 гг. построек являются небольшие отрезки фасадных стен, выходявших на улицы Среднюю и Васенку (обозначены пунктирной линией). Логично предположить, что в разные годы застройку проводили с соблюдением красных линий по обеим улицам, что и влекло за собой использование старых фасадных фундаментов и совпадение стен разновременных построек. Внутренние планировки двух зданий совпадают, видимо, частично, а фасады, выходявшие во двор, не совпадают совсем. Дом В. И. Барятинского был много больше своего предшественника и полностью его перекрывал.

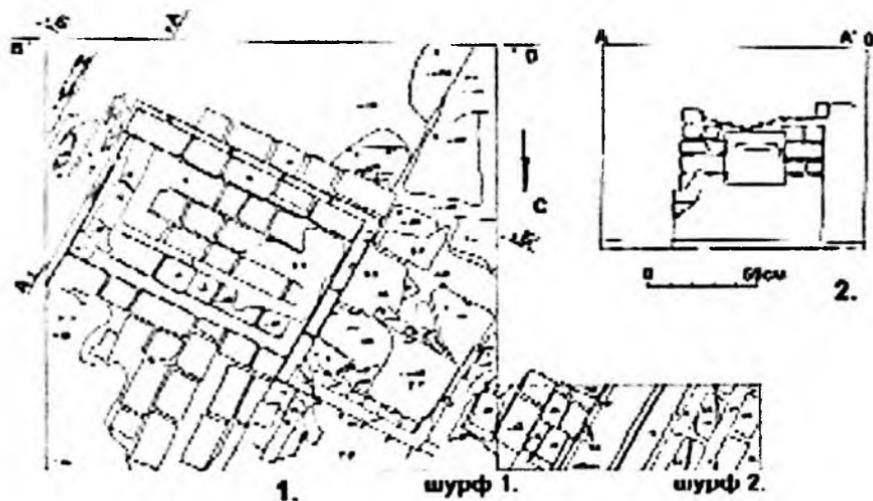

Рис. 2. 1 — Шурф №1, план. 2 — Шурф №1, вид печки (AA').

Как уже упоминалось в предыдущих работах (Кашаев, Андреева, 1995: 144; Гусарова, Сорокин, 1996: 264), на месте расположения двух печей, изображенных на плане дома Дж. Кваренги,

в ходе работ, были вскрыты две печи последнего строительного периода (рис. 1; 2; 3). Это наглядно показывает преимущество и использование строительных элементов, сохранившихся от дома Дж. Кваренги.

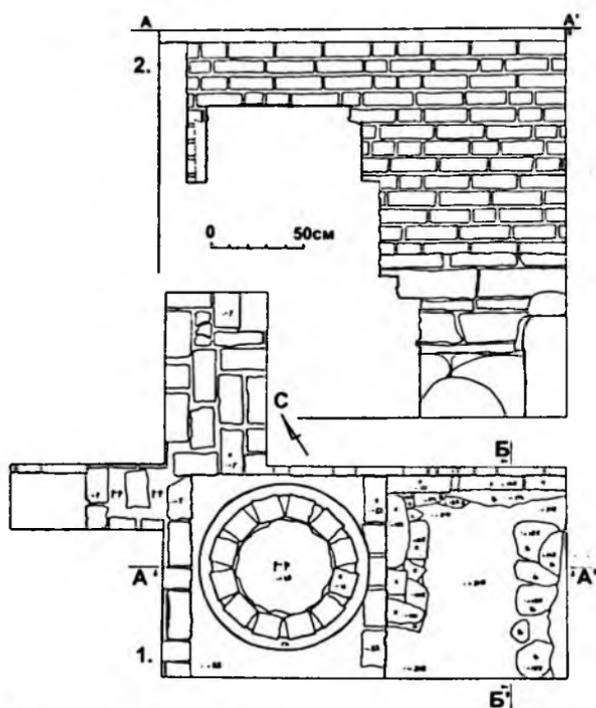

Рис. 3. 1 — Шурф №22, план. 2 — Шурф №22, стратиграфия AA'.

образовывали прямой угол. Часть второй стены прослежена в шурфе № 22. Они обе были уложены на один слой валунов, утопленных в материковую глину. Вокруг печки были обнаружены обгоревшие остатки деревянного пола. Вдоль ее боковой стенки, на полу, стояли стопки из нескольких фарфоровых тарелок. Все они сильно обгорели в пожаре и растрескались на множество мелких осколков. Судя по различным клеймам и надписям на тарелках, выпущены они в разные годы и принадлежали разным сервизам. Были тарелки с двуглавыми орлами, выпущенные до 1917 г. и тарелки с надписями в честь РККА, но не было хотя бы двух одинаковых.

В шурфе № 1 (2,0x2,0 м) вскрыта печь прямоугольной формы (рис. 2; 5.1) и ряд кирпичных конструкций, представляющих собой систему дымоходов и воздуховодов. Помимо печки в шурфе вскрыто основание двух стен, выполненное из плит известняка и сохранившиеся три ряда кладки. Одна стена шла в направлении улицы Средней, вторая параллельно ей; пересекаясь, стены

В шурфе № 22 (2,2×1,1 м) обнаружена нижняя часть круглой печи (рис. 3; 4.3), стоявшей на мощном основании из плит и валунов. С внешней стороны печь имела железную обшивку (диаметр 1,1 м). Помимо печи, вскрыты каменно-кирпичные основания двух стен, одна из которых являлась продолжением стены, прослеженной в шурфе № 1, а вторая шла в направлении улицы Средней.

В шурфе № 22 зафиксирована самая большая мощность строительных конструкций. Кирпичная кладка (13 рядов) стояла на четырех слоях известняковых плит и слое валунов, общая сохранившаяся высота стены более 2 м.

Судя по изображению дома (Гусарова, 1996: 475), и вскрытым в процессе раскопок конструкциям, обе печи располагались в полуподвальном этаже, имевшем небольшие окошки чуть выше уровня тротуара. В пределах дома раскопаны в основном остатки именно этого этажа. Там располагались подсобные помещения и различные технические конструкции (печи, отопительные системы и воздуховоды), которые обогревали весь дом, не нарушая покоя и увеселения хозяев.

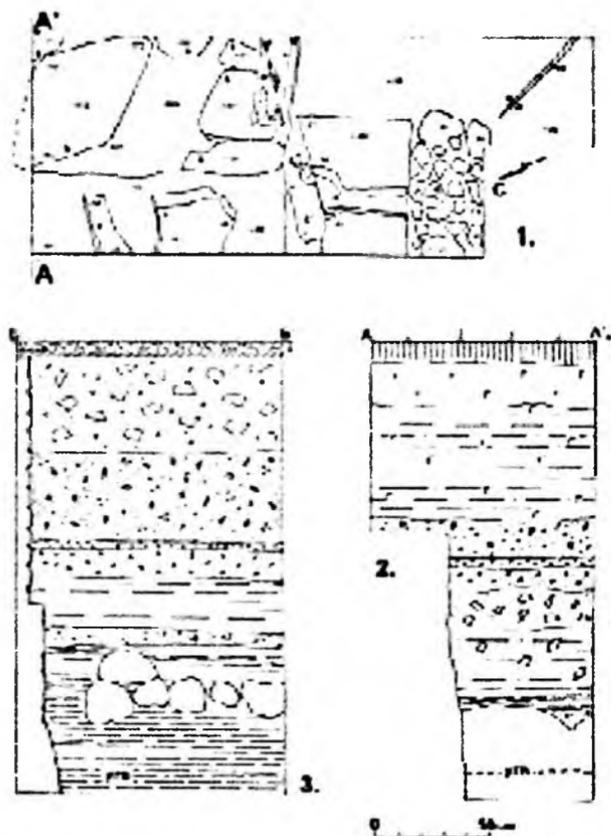

Рис. 4. 1 — Шурф №7, план.
2 — Шурф №7, стратиграфия АА'.
3 — Шурф №22, стратиграфия ББ'.

Жилые помещения были расположены выше, на первом и втором этажах. После пожара два верхних этажа обвалились в полуподвал.

В полуподвальном этаже дома полы были деревянные, их обгоревшие остатки встречены в нескольких местах. Полы во флигеле, выходящем во двор, и флигеле вдоль улицы Васенко были выполнены из керамической плитки, напоминающей современную метлахскую. Не имея возможности ознакомиться с планами домов, но, основываясь на результатах раскопок, можно заключить, что, скорее всего, флигели были устроены несколько иначе, чем сам дом — они не имели полуподвального этажа и возможно, были одноэтажными.

Полы, выложенные кафельной плиткой, обнаружены в нескольких шурфах. В качестве примера можно привести шурф № 21 (рис. 6.1, 6.2), а также шурфы №№ 19, 20, 23. В некоторых шурфах кафельные полы удалось вскрыть, например, в шурфе № 21 (рис. 6.1, 6.2). Во всех шурфах, где удалось проследить систему укладки плитки, она была одинакова. Под слоем кафеля было сделано прочное основание — вымостка из одного слоя кирпичей уложенных на ребро, рядами в «елочку». Направление

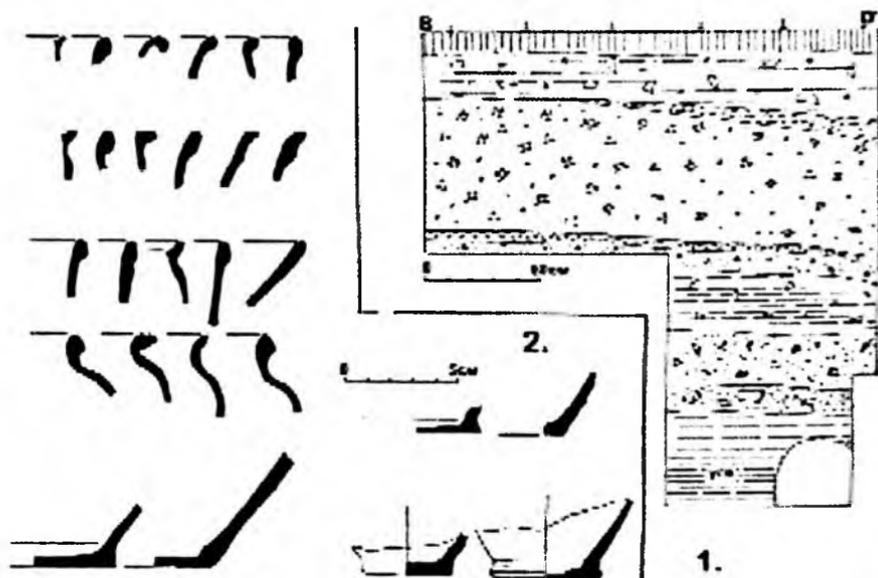

Рис. 5. 1 — Шурф №1, стратиграфия ВВ'. 2 — Находки керамики из разных шурфов.

и система вымостки показаны пунктирной линией на рис. 6.1, 6.2. Подобная система вымостки использовалась и до сих пор встречается в европейских городах при мощении площадей или дворов.

3.

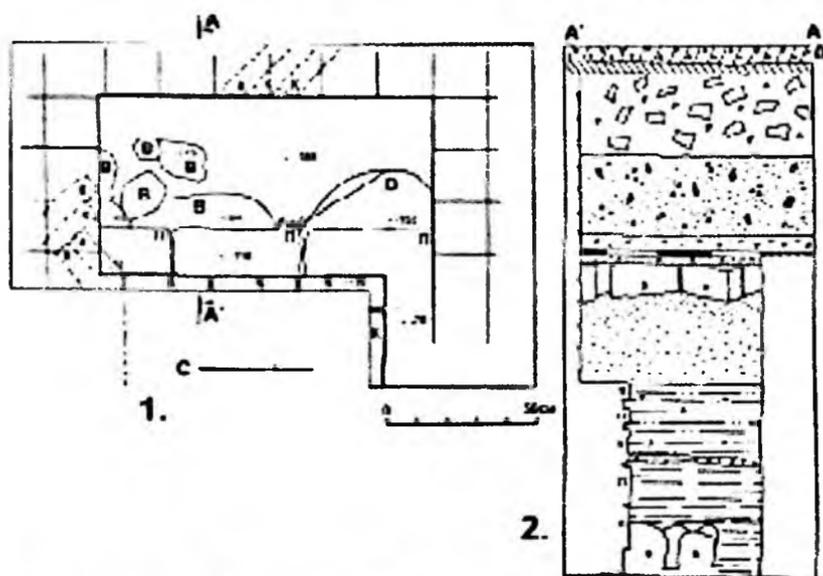

Рис. 6. 1 — Шурф №21, план. 2 — Шурф №21, стратиграфия АА'. 3 — условные обозначения к планам и стратиграфиям шурфов.

В шурфе № 7 (рис. 4.1, 4.2) открыто основание фасадной стены (параллельной улице Средней), сложенное из валунов, фрагментов кирпича и известкового раствора. Вероятно, эта кладка изначально принадлежала дому Дж. Кваренги.

В этом месте вдоль фасадной стены дома В. И. Бяратинского была устроена система стока дождевой воды — вымостка из небольших камней и каменная плита с канавкой.

Заполнение всех шурфов, заложенных в пределах дома, было примерно одинаковым. Оно состояло из разбитых кирпичей, кусков штукатурки, оплавленного стекла, мелких железных предметов и прочего мусора. Во время пожара вся эта масса основательно спеклась, а за прошедшее после войны время спрессовалась и скрепилась множеством проросших корней деревьев, и в результате представляла собой почти монолитную конструкцию. Разборка такого заполнения представлялась достаточно сложной.

Несколько местных жителей, помнили дом В. И. Бяратинского с довоенных времен. Все они, не зависимо друг от друга, сообщали, что в 1930-е гг. в доме располагался пансионат (дом отдыха), принадлежавший военным или иным силовым структурам (возможно НКВД). По обнаруженным находкам можно заключить, что, скорее всего, это было именно так. В большом флигеле, выходявшем во двор, располагалась столовая (шурф № 19), а рядом в маленькой веранде (шурф № 10) кухонное или подсобное помещение. Данные предположения сделаны на основании находок. В шурфе № 10 на обгоревшем деревянном полу стояли ведра, кастрюли, чайники, ложки, вилки и прочая металлическая посуда, а в шурфе № 19 — посуда фарфоровая. Целые стопки сильно обгоревших тарелок и тарелочек стояли на полу, там, где их поставили во время войны сотрудники кухни. Помимо сделанных находок, в шурфе № 10 было прослежено направление стен небольшой веранды, выходявшей во двор (рис.1). Остатки стен в этом месте располагались на глубине всего 5 см.

Во время войны пансионат был приспособлен под госпиталь или сборный (учебный) пункт, а возможно и то и другое. В шурфах (№ 12, 18) расположенных ближе к угловой части дома, были обнаружены обгоревшие части противогазов и не-

сколько ручных гранат. Вызванные саперы определили, что все гранаты являются учебными и не представляют опасности. Их могли использовать как наглядное пособие при обучении новобранцев.

В шурфах внутреннего пространства дома (№ 4, 7) были обнаружены обгоревшие фрагменты мебели, лепнины с потолка и различной утвари: детские игрушки, игральные шашки, куски карниза и пр. Скорее всего, они происходят из рухнувших вниз верхних этажей.

К находкам более раннего времени, принадлежащих дому Дж. Кваренги, относятся фрагменты бело-голубых изразцов, курительных трубок (Гусарова, Сорокин, 1996: 476), фрагменты керамики (рис. 5.2), многочисленные фрагменты толстого патинированного бутылочного стекла, створки устриц. Подобные находки были встречены практически во всех шурфах.

Помимо раскопок дома несколько шурфов были заложены в северной части усадьбы, на месте чайного домика (шурф № 16) и пруда (шурф № 26). В шурфе № 16 была обнаружена площадка, образованная несколькими слоями битого кирпича, известкового раствора и небольших камней. Вся эта конструкция, представляющая собой почти монолитный слой, вполне могла быть основанием (фундаментом) небольшого и легкого чайного домика.

Шурф № 26 (5,0×0,6 м) заложен на месте дорожки и пруда, устроенного Дж. Кваренги в своем саду. В западной части шурфа была обнаружена подсыпка шириной 1,3 м и мощностью 0,15 м, выполненная из песка и мелких окатанных камушков. Этот хорошо утрамбованный слой скорее всего является остатками садовой дорожки проходившей вокруг пруда. Восточная часть шурфа затронула сам пруд. Там было обнаружено несколько последовательно залегающих слоев глины, принятых за систему гидроизоляции пруда. В слоях глины обнаружены фрагменты керамики XVIII в.

S.V. Kashaev

Archaeological investigations on the site of Giacomo Quarenghi's house in Tsarskoye Selo

In July and August 1995, the North-Western Branch of the Scientific Research Institute of the Cultural and Natural Heritage conducted archaeological investigations on the site of the house of architect Giacomo Quarenghi in Tsarskoye Selo (now the city of Pushkin).

The objectives of these archaeological works were to find some wall fragments and the foundation of the house which once belonged to Quarenghi, to evaluate the state of their preservation and to draw their plan. Also, it was necessary to examine the entire area of this country estate, in particular, in order to identify the place and the state of preservation of the 'Tea House', summerhouse and the small pond.

The country estate of Quarenghi was situated at the crossing of what are now the streets Srednyaya and Vasenko which form an obtuse angle here. The dynamics of the development and building up of the living block under consideration may be traced in the fairly comprehensive historical reference composed by E. V. Gusarova (Гусарова, 1996: 259–262).

Our goal was to identify the structures which were related directly with the house built by G. Quarenghi. In fig. 1, presented is a combination of three maps, namely:

the house of Quarenghi built in 1783 (dashed line);

part of V.I. Baryatinsky's house facing Srednyaya Str. (dotted line), the outhouse in the Vasenko Str. being not presented;

the park square (continuous line) which existed in 1994 and exploratory trenches dug within it.

In fig 1 it is seen that the common structures of the two buildings (*i.e.* built in 1783 and 1851) are represented by small sections of the front walls facing the streets of Srednyaya and Vasenko (dash-and-dot line). In different periods, the houses were built here observing the regulation line that necessitated the use of the old facade foundations.

Baryatinsky's house, judging by its representation, had a semi-basement, and it is the remains of the latter that actually have been excavated. Located in this semi-basement were some auxiliary rooms and various technical constructions (stoves, heating systems and airways) by means of which the entire house was heated. The living-quarters were located higher on the first and second storeys.

Гусарова, 1996 — *Гусарова Е. В.* Старый квартал в Царском Селе и неизвестная работа И.А. Монигетти // Петербургские чтения-1996. СПб. С. 259-262.

Гусарова, Сорокин, 1996 — *Гусарова Е. В., Сорокин П. Е.* Старый квартал в Царском Селе и археология усадьбы архитектора Д. Кваренги // Петербургские чтения-1996. СПб. С. 262-265.

Кашаев, Андреева, 1995 — *Кашаев С. В. Андреева О. В.* Археологические исследования на территории усадьбы Дж. Кваренги в Царском Селе // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. Археологические изыскания 34. СПб. С. 138-146.

Талепоровский, 1954 — *Талепоровский В. Н.* Кваренги. Материалы к изучению творчества. М.; Л.

Археологические исследования у здания Двенадцати коллегий в 2000–2002 гг.

Стрелка Васильевского острова как территория первоначального Петербурга представляет собой одно из наиболее интересных мест для городской археологии. Не случайно именно здесь, в Таможенном переулке, напротив здания Кунсткамеры в 1952 г., в канун 250-летия города, А. Д. Грачем были проведены первые городские археологические раскопки. (Грач, 1957). Спустя 50 лет, накануне 300-летия Санкт-Петербурга, вблизи этого места, у здания Двенадцати коллегий, Санкт-Петербургской археологической экспедицией в течение 3 лет с 2000 по 2002 гг. велись крупномасштабные археологические работы. Поводом для их проведения стала программа КГИОП Санкт-Петербурга по гидроизоляции фундаментов здания в 2000 г.* Результаты исследований оказались достаточно неожиданными и интересными. (Сорокин, Семенов, 2001).

Место строительства здания Коллегий попадает на территорию, хорошо освоенную еще в позднесредневековое время. В Писцовой книге вотской пятины 1500 г. «на Васильеве острову» упоминаются два крупных рыболовецких селения: ловцов Александровских в 13 дворов и Олферьевских ловцов — в 15 дворов (ВМОИДР, 1851: 344, 372, Сорокин, Кашаев 1998: 13). Согласно шведским картам XVII в., крупное поселение допетровского времени размещалось на побережье Малой Невы — в районе между современными Биржевым и Тучковым мостами.

* Активная поддержка в проведении археологических работ на объекте была оказана руководством КГИОП Санкт-Петербурга: Н. И. Явейном, Б. М. Кириковым, Ю. В. Новиковым, инициировавшими программу музеефикации выявленных археологических объектов.

А на Стрелке и по берегу Большой Невы находился массив территорий освоенных под пашню и сенокосы.

Известно, что Васильевский остров был подарен Петром I А. Д. Меншикову еще в 1703 г., а со следующего года, на набережной, началось строительство усадьбы со службами, мельницами и прочими строениями (Санкт Петербург, 2000: 20).

Сооружение Коллегий было связано с планами переноса городского центра на Васильевский остров. Еще в ноябре 1715 г. царь приказал места под застройку «купецким людям отводить на Васильевском острове, а строения выполнять мазанки или каменное». К началу следующего года относится проект застройки острова, выполненный архитектором Д. Трезини (Медерский, 1958). А началом 1717 г. датируется проект генерального плана города, подготовленный Ж.-Б.-А. Леблон. Тогда же были утверждены проекты типовых домов для застройки набережных Невы. В конце 1718 или в 1719 г., вскоре после возвращения Петра I из заграничной поездки, в эти планы были внесены корректировки, связанные с намерением создания на Стрелке Васильевского острова нового административного и торгового центра столицы, главное место, в котором, занимало правительственное здание Коллегий (Иогансен, 1973: 47–48). До этого здесь полным ходом велись работы по созданию жилого аристократического района (рис. 1).

И лишь 20 мая 1723 г. император приказал приступить к строительству фундаментов под все двенадцать коллегий с Аудиенц-камерой и Сенатом. В течение всего 1723 г. происходила бойка свай, а с 1724 по 1730 гг. безостановочно

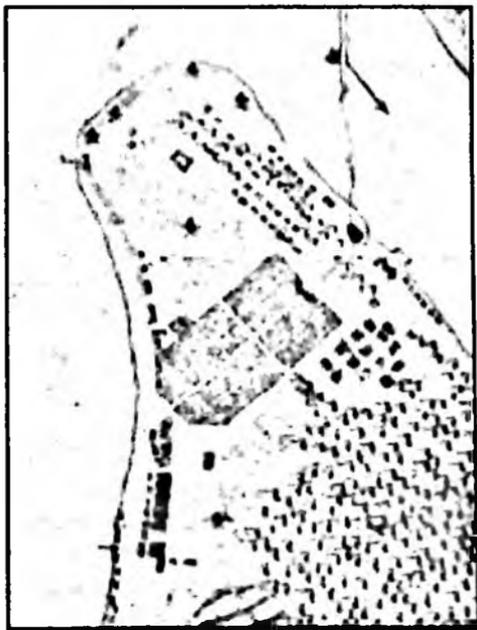

Рис. 1. Стрелка Васильевского острова на плане Леспинаса 1714 г.

шли работы по строительству и отделке здания. Несмотря на утвержденный проект, строилось оно достаточно беспорядочно, так как каждая коллегия возводилась ее владельцами, нанимавшими своих подрядчиков что, конечно, замедляло и удорожало ведение строительных работ. Окончательной датой завершения строительства здания Коллегий считается 1732 г., когда в нем, по возвращении из Москвы императорского двора Анны Иоанновны, состоялось первое заседание правительства. Однако полное завершение отделочных работ в здании Коллегий относится только к 1742 г. (Иогансен, 1959: 21).

Известно, что ко времени смерти Петра I это сооружение едва было выведено на уровень цоколя, и лишь местами начинали возводить стены. Свои коррективы в ход строительных работ вносили и природные условия. Так в донесении строителей от 27 апреля 1724 г. говорилось, что место «..под строение оной коллегии (пятой от Невы — Адмиралтейств коллегии. — П.С.) весьма грязно и воды имеется, понеже стало быть в самом низком месте и в болоте, где той воды от того места пропустить и отвести без архитектора невозможно» (Иогансен, 1959: 21). Судя по этому описанию, место строительства было заболочено и наверняка, затапливалось наводнениями.

По этой причине вдоль здания с восточной стороны уже в 1726 г. началось рытье отходящего от Большой Невы канала. В 1732 г. вопрос о строительстве судоходного канала вдоль западного фасада здания, по которому намечалось подвозить товары в складские помещения, был снят. Решено было ограничиться дренажным каналом с восточной стороны Коллегий, проложенным по трассе современной Менделеевской линии (рис. 2). Этот канал отделил здание от площади, которую первоначально планировали сделать центральной площадью города. Однако ему, как и многим другим искусственным водотокам Васильевского острова, не суждено было стать каналом наподобие венецианских. Известно, что он вместе со многими другими дренажными системами острова был засыпан в 1770 г. по причине сильного загрязнения (Ленинград, 1977: 56).

Крыльца перед Коллегиями были сделаны только в 1731 г., когда строительство здания уже, в основном, завершилось (Иогансен, 1959: 23–29). Вероятно, тогда же пространство между ним и каналом вымостили булыжником. Изображение Колле-

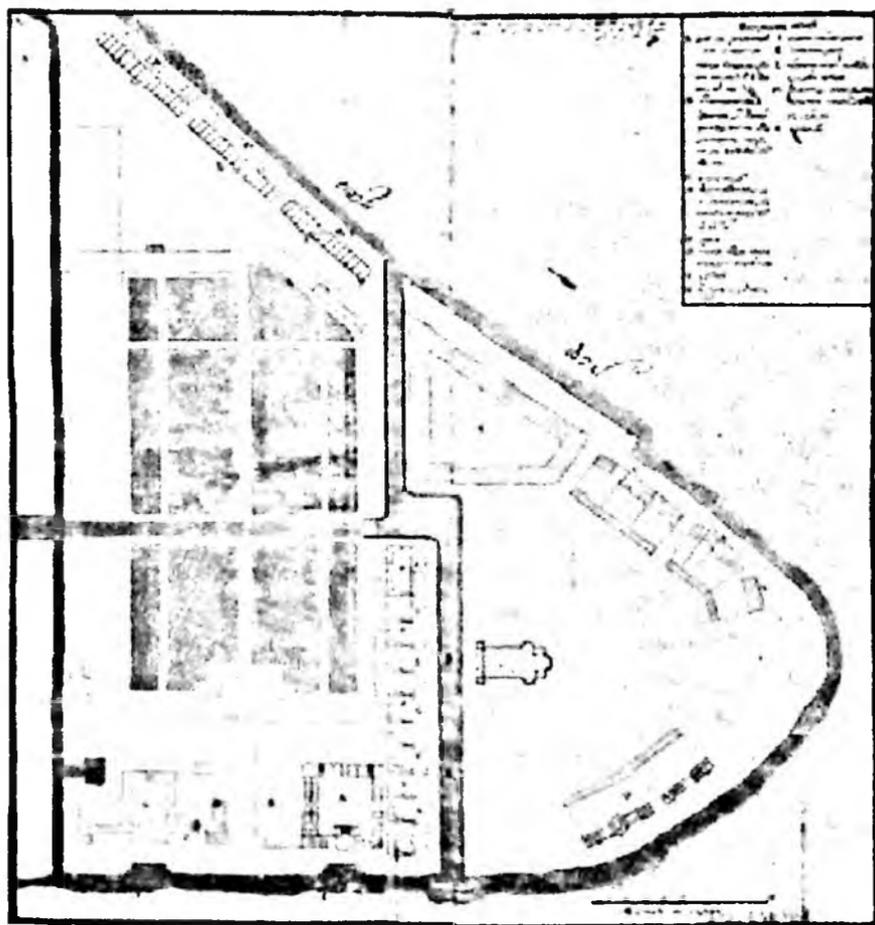

Рис. 2. Д. Трезини. План восточной части Васильевского острова... 1728 г.

гий, мостовой и канала можно видеть на гравюре 1753 г., выполненной Е. Внуковым по рисунку М. И. Махаева (рис. 3).

Общая протяженность здания Двенадцати коллегий составляет 395.5 м. При этом оно состоит из равных по длине частей — 32.4 м (15 саженей), за исключением первой от Невы, длина которой достигает 39.5 м (19 саженей). С восточной стороны здания его первый этаж был открытой галереей, представлявшей собой градостроительный элемент в ансамбле площади и обеспечивавшей связь между отдельными корпусами. Помимо этого галерея использовалась как торговое место

(Лисаевич, 1986: 136). В ней располагались купеческие лавки, а в смежных помещениях первого этажа и подвалах должны были размещаться склады. Современные окна первого этажа здания первоначально представляли собой арочные проемы и имели несколько более удлиненную форму. Арки в ризалитах здания служили входами в Коллегии и в торговую галерею.

С современной точки зрения размещение в одном здании правительства и рынка кажется странным. Однако идея такого совмещения изначально была заложена в проект Петром Великим, распорядившимся: «...строить напереди лавки с галереєю, а с напольной стороны погребца со сводами...» (Иогансен, 1959). В ее основе лежала концепция западноевропейского градостроительства, согласно которой административные здания располагались на рыночной площади. И это не случайно, ведь купечество европейских стран играло первостепенную роль в государственном управлении. Для России же, где торговое сословие не занимало столь значимых позиций при решении государственных дел, такое объединение было несколько искусственным.

Известно, что первоначальные крыльца здания были деревянные и только при ремонте фасада в 1763–1771 гг. было при-

Рис. 3. Гравюра с изображением Двенадцати коллегий с рисунка М. Махаева. 1753 г.

нято решение крыльца «...делать из дикого морского камня (гранита. — П.С.) на каменном фундаменте...». В результате они представляли собой трехступенчатую каменную лестницу со спусками с трех сторон (рис. 4).

В 1834–1837 гг. когда здание приспособлялось для нужд университета, была заделана открытая галерея первого этажа, входы в ризалиты, за исключением центрального, ликвидированы, а крыльца, разобраны за ненадобностью. Тогда же, в 1838 г., вокруг восточного фасада здания был устроен сад, окруженный оградой (Иогансен, 1959).

Несмотря на то, что история здания Двенадцати коллегий, казалось бы, хорошо изучена, некоторые сюжеты его строительной истории позволили впервые прояснить археологические раскопки, проводившиеся перед главным фасадом здания в 2000–2002 гг.* (рис. 5,6). Исследования были начаты в рамках программы КГИОП Санкт-Петербурга по гидроизоляции его фундаментов. Для этого в 2000 г. с восточной стороны здания

* Авторы приносят благодарность за активное участие в проведении археологических раскопок студентам кафедры археологии исторического факультета СПбГУ и факультета истории и социальных наук Ленинградского областного педагогического университета.

Рис. 4. Здание Двенадцати коллегий на панораме А. Тозелли. 1820 г.

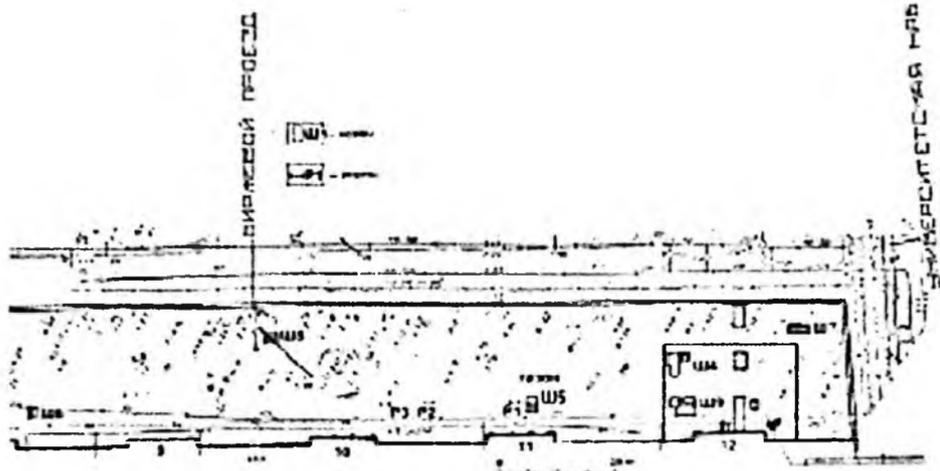

Рис. 5. Общий план раскопок 2000–2002 гг., у северной части Здания Двенадцати коллегий.

строителями была вырыта сплошная траншея шириной около 1 м и глубиной до двух метров. Проведение земляных работ сопровождалось археологическими наблюдениями и локальными охранными раскопками.

Результаты археологических исследований 2000 г. оказались достаточно продуктивными. Они позволили выяснить особенности исторического ландшафта в этой части Васильевского острова. Были раскрыты неизвестные ранее фундаментальные основания крылец здания и уточнены особенности их возведения. В саду перед зданием университета, на глубине около 1 метра, была выявлена почти полностью сохранившаяся булыжная мостовая второй четверти XVIII в. Под мостовой, вблизи здания Коллегий, обнаружены остатки кирпичной постройки, находившейся здесь, вероятно, еще до его строительства. Еще одним важным результатом первого года археологических исследований стало утверждение Комитетом Государственной инспекции охраны памятников Санкт-Петербурга проекта музеефикации выявленных сооружений. Проект, предусматривающий сохранение и музеефикацию булыжной площади, восстановление каменного крыльца у ризалита Аудиенц-камеры, позволит вернуть этой части исторического здания его первоначанный облик.

В 2001 г., в связи с проектом музеефикации, напротив 12 ризалита *, были развернуты большие археологические раскопки на площади около 330 кв. м. За время работ исследован культурный слой мощностью около 1 м, полностью раскрыта верхняя площадка кирпичной платформы основания крылец, расчищено примыкающее к ней булыжное мощение, сохранившееся примерно на 30% площади раскопа.

Летом 2002 г., с началом строительных и реставрационных работ по музеефикации выявленных объектов, охранные археологические исследования у здания Двенадцати коллегий были продолжены. Раскоп был расширен до размеров в 396 кв. м

* Отсчет ризалитов велся со стороны пл. Сахарова к Университетской набережной, что соответствовало последовательности проведения работ в 2000 г. 12 ризалит — ризалит Аудиенц камеры ближайший к Университетской набережной.

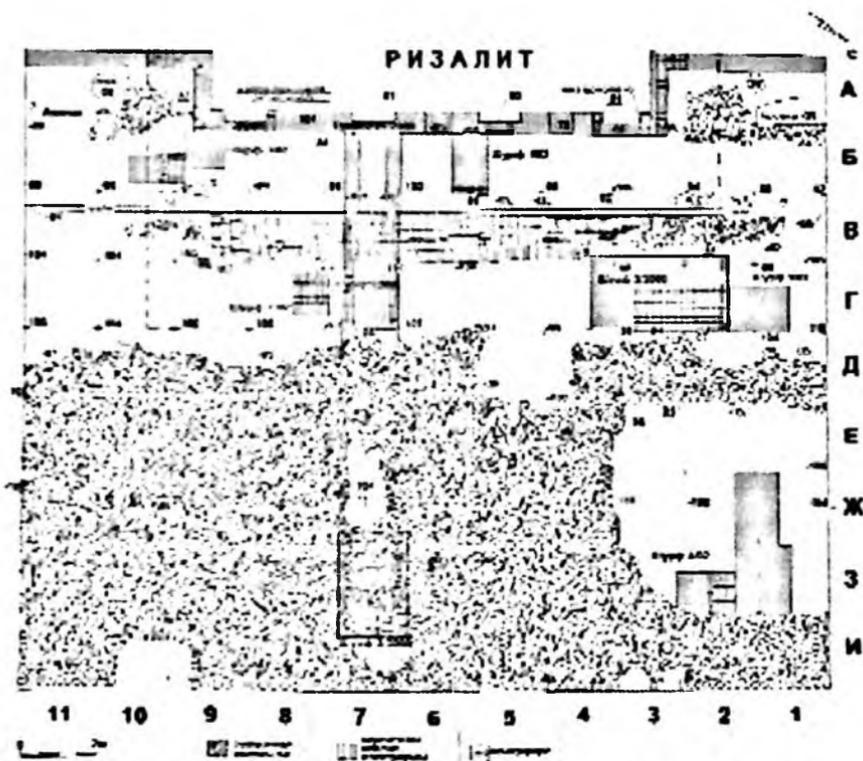

Рис. 6. План раскопа у Аудиенц камеры (двенадцатый ризалит)
Здания Двенадцати коллегий

(22×18 м). Итоги исследований оказались необыкновенно плодотворными: помимо получения дополнительной информации о булыжном мощении и кирпичной платформе основания крыльца 12 ризалита, были обнаружены аналогичные платформы перед 8, 10 и 11 ризалитами. Раскопки культурного слоя ниже уровня булыжного мощения открыли два первоначальных строительных горизонта на этой территории, предшествовавшие времени возведения здания Двенадцати коллегий. Были изучены: деревянный настил, каменные фундаменты и часть кирпичной стены жилой постройки, а также кирпичный коллектор, служивший для отвода воды.

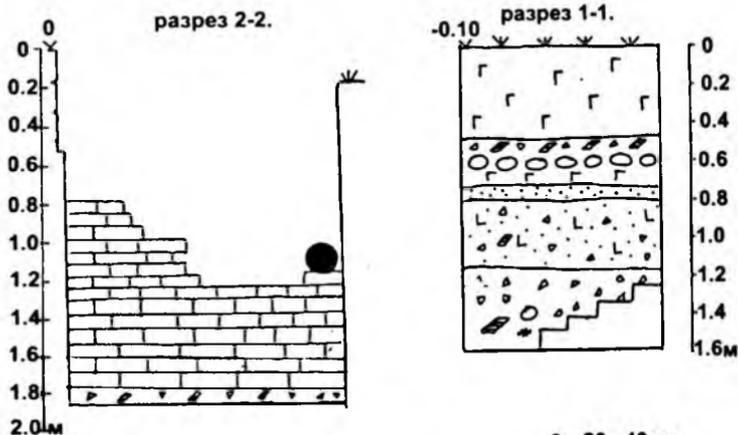
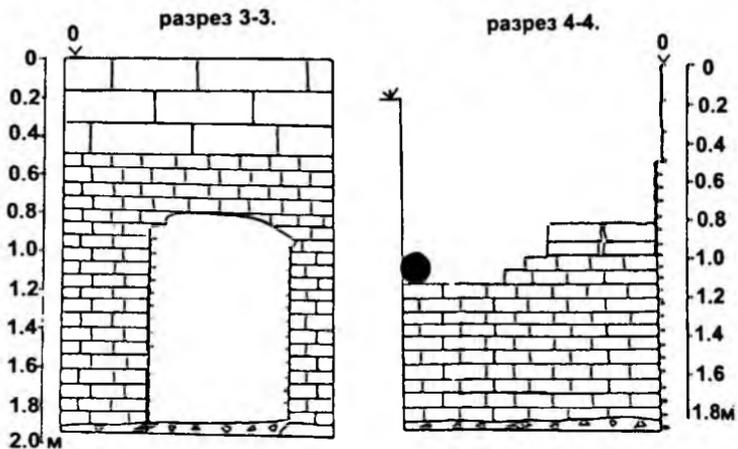
Фундамент здания и основание крылец. Обследование показало, что фундамент здания представляет собой трехчастное сооружение. В его основании находится полуметровая кладка из грубо отесанных известковых плит. Опирающийся на нее кирпичный фундамент возведен на высоту около 1.40 м. На разных участках известковая кладка выступает из под кирпичной на расстояние до 0.5 м. Завершается фундамент цоколем из трех рядов хорошо обработанных известняковых блоков. Судя по всему, он был переделан при перестройке здания в 30-е гг. XIX столетия.

Перед всеми двенадцатью ризалитами, к фундаментам здания под прямым углом примыкали ленточные и угловые кирпичные кладки. Они находились на отметках — 0.50–0.90 м*, и носили следы разборки в верхней части. Количество этих кладок у разных ризалитов было различное, что, вероятно, объясняется их частичной разборкой одновременно с разборкой крылец. У первого, третьего, десятого, одиннадцатого и двенадцатого ризалитов число их достигает семи — двух угловых, ширина которых составляет около 4 м и пяти фасадных шириной около 0.75 м (рис. 7). У остальных ризалитов было обнаружено только по две угловых кладки. Исключение составляет центральный, седьмой ризалит, перед которым была прослежена сплошная платформа из кирпича.

Имеются различия и в конструкции кладок. Так с 1 по 6 ризалит они выложены не на каменном основании фундамента,

* Отсчет вертикальных отметок производился от условного репера, за который был принят верхний уровень цоколя юго-восточного угла 12 ризалита.

РИЗАЛИТ XII. ТРАНШЕЯ 1. РАЗРЕЗЫ.

0 20 40 см

Рис. 7. Траншея у двенадцатого ризалита здания Двенадцати коллегий, 2000 г., план, разрезы.

а на перекрывающей его песчаной подсыпке. Их нижняя часть сложена из известкового камня, залитого раствором, а верхняя из кирпича. Кладки ризалитов № 8–12 целиком сделаны из кирпича и опираются непосредственно на каменное основание фундамента. Это подтверждают документальные свидетельства о раздельном строительстве отдельных коллегий.

Судя по сохранившимся на поверхности некоторых ленточных кладок (ризалиты 1, 3, 12) наклонным рядам кирпича, между ними существовали кирпичные своды, образовавшие закрытые пространства. Лучшее других основание свода сохранилось на одной из ленточных кладок первого ризалита, где зафиксировано четыре наклонных ряда кирпича. При этом в процессе постройки крыльца пустоты под сводами засыпаны не были. В их основании на уровне подошвы фундаментов был сделан глиняный замок, препятствовавший поступлению сюда влаги. На поверхность сводов опирались уже конструкции самих крылец здания.

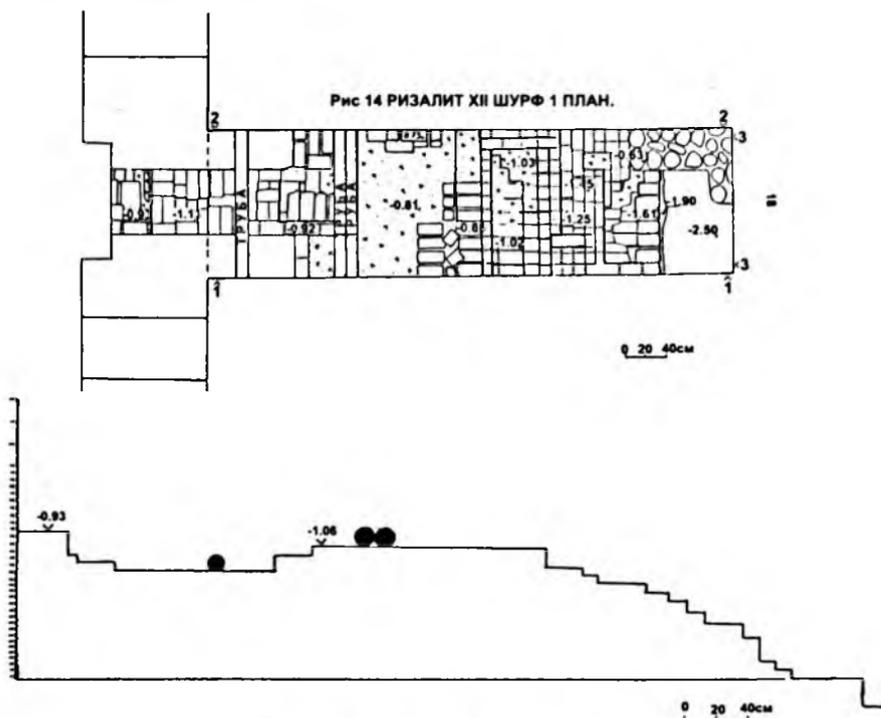

Рис. 8. Шурф 1. 2000 г., план, разрез.

Во всех случаях примыкающие ленточные и угловые кладки и фундаменты здания не были связаны между собой. В шурфах, заложенных перед двенадцатым ризалитом, было прослежено соединение этих кладок, на расстоянии 2.30 метра от ризалита, с единой платформой, находящейся на глубине 0.85 м и представляющей собой фундаментальное сооружение из камня и кирпича (рис. 8). При этом они также не связаны с ней, однако, опираются на два ступенчатых выпуска, шириной в пол кирпича, сделанных в кладке платформы. Платформа, служившая в качестве основания крыльца, с трех сторон: северной, восточной и южной понижается ступенями по мере удаления от здания. В восточном направлении, с учетом ступеней, ширина платформы доходит до 6 метров, а в северном и южном — ступени уходят за пределы ризалита на расстояние до 3,5 метров. Таким образом, протяженность ее по линии фасада составляет около 17 м. В основании кирпичной платформы, как и под фундаментом, на глубине 2.3 м (1,9 м от поверхности земли) прослежена кладка из известняка. В кладке самой платформы имеются пустотные отверстия, размером в пол кирпича, направленные перпендикулярно к стене здания и служившие, по-видимому, в качестве дренажных каналов, для отвода воды от фундаментов.

При проведении работ 2001 г. была расчищена поверхность наиболее возвышающейся части платформы. Кладка из кирпича прослежена узкой полосой протяженностью — 11.7 м на удалении — 3–4.25 м от фасада здания. Неровная поверхность кладки носила следы разборки. Кирпичи выложены на известковом растворе, рядами перпендикулярно фасаду здания, при этом ряды укладывались с перекрытием в пол кирпича. Ее южная и северная оконечности, в целом соответствуют границам ризалита. Далее в этих направлениях и к востоку кладка понижается ступенями. Верхние отметки кладки — 0.85 м, зафиксированы в ее центральной части. Ближе к краям она разобрана в большей степени до уровня — 0.92–1.0 м. В восточном направлении, в 3.75 м от фасада ризалита, кладка понижается уступом до отметок — 1.03–1.14.

Верхние отметки ленточных кладок, примыкающих к ризалиту, составляют — 0.78–0.85 м, таким образом, в основном, они соответствуют отметкам верха платформы.

Во время наблюдений за земляными работами по траншее ливневой канализации, проложенной, в 6 м от фасада здания Коллегии, кирпичные платформы основания крылец были обнаружены у 8, 10 и 11 ризалитов. Частично они были нарушены при проведении земляных работ. Напротив 10 ризалита (разрез 3), на глубине 1.30–1.90 м был прослежен развал кирпичей и обломков известняковых плит с обработанными краями и следами раствора. У 11 ризалита (шурф 5), с отметки — 1.21 м был обнаружен развал кирпичной кладки подземной платформы и каменные плиты ее основания. Внешняя граница платформы находилась в 6 метрах от стены ризалита здания. Кирпичная кладка, понижающаяся ступенями в восточном направлении, состояла из 8 рядов. В ней имелись два дренажных канала, а в ее основании были прослежены три ряда каменных плит, толщиной 18–20 см каждый. Плиты были заглублены в предматериковый слой гумуссированной супеси насыщенный щепой, с характерным болотным запахом до глубины — 2.41 м.

В 5,8 метрах от 8 ризалита (шурф 6) также обнаружен угол основания подземной платформы. Расчищенная часть была сложена из двух рядов плит толщиной около 20 см каждая на известковом растворе. Кладка была заглублена в предматериковый слой серого песка с гумусными включениями до отметки — 2.30 м. На углу кладки в грунт был забит деревянный кол, вероятно, связанный с первоначальной строительной разметкой.

Основываясь на данных обследованиях, можно констатировать, что конструкции и размеры платформ 11, 10 и 8 ризалитов были аналогичны конструкции платформы 12 ризалита. Кирпичные кладки, открытых платформ, имели ступенчатое понижение до основания, сложенного из нескольких рядов каменных плит, мощностью до 60 см. Вешний край плит (платформ) отстоит от фасадных стенок ризалитов на расстоянии около 6 м, а от боковых стенок ризалитов на расстоянии около 3 м. Таким образом, реконструируемые размеры платформ 11, 10 и 8 ризалитов составляют в длину около 17 м и в ширину 6 м.

Не вызывает сомнения, что платформы именно такой конструкции с ленточными кладками, примыкавшими к фундаментам, имелись, изначально, напротив каждого ризалита.

Они служили основаниями для крылец, существовавших перед фасадами всех двенадцати ризалитов. В начале XIX в., в связи с перестройкой здания под университет, все крыльца разобрали, а входы и арки галереи переделали в окна. Вероятно, к этому времени можно относить частичную разборку ленточных и угловых кладок, а также облицовку здания новым цоколем, уменьшившим вертикальные размеры оконных проемов. Дальнейшее разрушение верхних частей кладок было связано с прокладкой дренажных труб в метре от стены здания в XIX–XX вв.

Изучение размеров кирпича в фундаментах, платформе и связующих кладках показало незначительные различия, как по внешнему виду, так и по размерам. Клейма на всех осмотренных кирпичах отсутствовали, что характерно для петербургских кирпичей вплоть до середины XIX столетия. Значительные вариации в параметрах кирпичей, использовавшихся в каждой из этих кладок, объясняются отсутствием строгой стандартизации кирпичного производства в XVIII в. Размеры кирпича в кладке фундамента здания следующие: длина — 24–26,5 см, иногда до 28 см, ширина — 11 — 13 см, толщина — 4,5–6,5 см, очень редко встречаются экземпляры толщиной 4 и 7 см.

Кирпичи в ленточных и угловых кладках, примыкающих к 12 ризалиту, имеют следующие параметры: длина — 25–27 см, ширина 12–12,5 см, толщина 5–6,5 см. Кирпичи платформы: длина 24–26 см, ширина 12–13 см, толщина 5–5,5 см.

Возникает вопрос о времени сооружения каменных оснований крылец. Отсутствие связи с фундаментом, свидетельствует о том, что они возводились не одновременно с ним, а позже. Такая интерпретация подтверждается анализом известковых растворов в фундаменте здания и в примыкающих к нему кладках, состав которых существенно различается*. Вероятно, это происходило одновременно со строительством крылец. Известно, что первоначальные крыльца в здании были деревянные и только при ремонте фасада в 1763–1771 гг. было принято решение крыльца «...делать из дикого морского камня

* Гранулометрический анализ строительных растворов производился в химической лаборатории ИИМК РАН.

(гранита. — П.С.) на каменном фундаменте...». Для деревянных крылец, конечно, не требовалось столь мощное основание, поэтому, время сооружения платформ перед ризалитами, вероятно, следует относить к 1763–1771 гг.

Археологические исследования показали, что до строительства Коллегий, местность, где они расположены, плавно повышалась со стороны Большой Невы в глубину острова. В пределах здания наблюдается метровое падение дневной поверхности начала XVIII столетия — если у двенадцатого ризалита погребная почва того времени была зафиксирована на отметке — 2.30 м, то у первого ризалита она находится на глубине — 1.35 м. Учитывая заболоченность этих земель и затопляемость их наводнениями, фундамент Коллегий возводился практически на поверхности. Однако в процессе строительства дневная поверхность, здесь, была повышена на 1–1,5 м за счет подсыпки песка, извлеченного при рытье канала, и строительного мусора. Таким образом, фундамент, построенный, первоначально лишь с незначительным заглублением был полностью закрыт грунтом.

Сохранившиеся изображения здания Двенадцати коллегий выполнены в достаточно мелком масштабе и поэтому детали здания на них трудно читаемы. К таким изображениям можно причислить: рисунок О. Эллигера из альбома Х. Марселиуса, датируемого 1730-и годами, гравюру по рисунку М. И. Махаева 1753 г., План П. А. Сент-Илера 1774 г., изображающий здание с западной стороны, Детали панорамы Аткинсона 1801 г. и А. Тозелли 1820 г.

На наиболее раннем рисунке здания Двенадцати коллегий, выполненном О. Эллигером (альбом Х. Марселиуса), который датируется 1730-и годами, здание уже выглядит завершенным. Здесь имеются крыльца, но земная поверхность еще не замощена и имеет ярко выраженные неровности, хотя последнее обстоятельство можно связывать и со схематизмом рисунка. Крыльца на рисунке просты по конструкции — шириной соответствующей ширине ризалитов, к которым они примыкали, с одним спуском в сторону канала и с невысокими парапетами по двум другим сторонам. Эта конструкция вполне согласуется с сообщениями о деревянном исполнении крылец.

Изображение Коллегий, мостовой и канала имеется на гравюре 1753 г., выполненной Е. Внуковым по рисунку М. И. Махаева. Здесь отчетливо различима система мощения в виде квадратов, ограниченных по краям крупным булыжником, а внутри выложенных мелким. Однако на этом изображении нет диагональных членений, выявленных на сохранившейся мостовой. Крыльцо на гравюре изображено следующим образом: верхняя платформа шириной до последних пилястр ризалита и ведущая к ней лестница в две ступени. Выступающая центральная часть платформы и ступеней имеет полукруглую форму. Это существенное отличие от изображения крыльца на рисунке О. Эллигера. Подобная конструкция более характерна для каменных крылец, чем деревянных.

На панораме А. Тозелли 1820 г. изображены крыльца здания прямоугольной формы без центрального полукруглого выступа. Они имеют три ступени и верхнюю платформу, которая также как и на гравюре М. И. Махаева находится на уровне верха двенадцатого руста на ближайших пилястрах здания. Этот уровень соответствует современному уровню цоколя здания. В настоящее время нижний уровень оконных проемов здания находится на уровне верха одиннадцатого (сверху) руста, из чего можно заключить, что при перестройке здания в XIX в. окна были заложены на высоту одного рустованного выступа на пилястрах ризалитов здания.

Плановые изображения крылец здания Двенадцати коллегий имеются на поэтажных планах Коммерц-коллегии (восьмой от пл. Сахарова) конца XVIII — начала XIX в. На одном из них показаны две, а на другом три ступени (рис. 22. 2,3). Более подробные планы отдельных коллегий, составленные П. Э. Шретером и В. Фохтом (Иогансен, 1959: 22, 25; РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 363. Л. 3; Д. 374. Л. 2; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2492. Л. 10) на которых имеются и крыльца здания относятся к 1822 и 1824 гг. Их форма также прямоугольная без центрального полукруглого выступа. При этом помимо верхней площадки крыльца имеют три ступени. Судя по чертежу крыльца Седьмой коллегии, составленному В. Фохтом в 1822 г. протяженность крылец вдоль ризалита составляет 5.5 саж., (11.88 м) а верхняя площадка 4.5 саж. (9.72 м). Ширина трех ступеней составляет 1.25 аршина (0.9 м). Причем последняя ступень

с боковых сторон выходит за пределы ризалита. Исходя из этих данных, ширина одной ступени составляет около 30 см. Ширина крылец составляет 1 саж, 2.25 аршин — 3.78 м, из них ширина верхней платформы — 2.88 м.

Означают ли эти расхождения в изобразительных материалах, что между 1753 и 1820-и годами крыльцо было перестроено или новые каменные крыльца были сделаны не из гранита, а из известковой плиты. В процессе раскопок были обнаружены детали крылец из известняка, однако ни одного фрагмента гранита найдено не было.

В связи с этими обстоятельствами можно предполагать два варианта — либо каменные крыльца 1760-х гг. действительно были изготовлены из известняка, а не из гранита, либо обнаруженные фрагменты крылец не связаны со входом, а принадлежали к каким-то внутренним лестницам здания, разобранным при его перестройке. Гранит же, как достаточно дорогой материал, могли использовать вторично.

Наиболее вероятным объяснением формы крыльца с центральным закруглением на гравюре 1753 г. может быть обычное для того времени использование для рисунка проектных чертежей, которые впоследствии не были реализованы.

Обращает на себя внимание массивность выявленных оснований крылец. Крыльца занимали только их верхнюю платформу. Существовала ли инженерная необходимость в сооружении для них столь мощных оснований? По нашему мнению, они могли выполнять функцию укрепления фундаментов здания в условиях зыбкого увлажненного грунта. Согласно предположению, высказанному архитектором Д. А. Бутыриным в первоначальном проекте Д. Трезини могло быть предусмотрено строительство перед входами в коллегии неких галерей — портиков.

Булыжная мостовая перед ризалитом Аудиенц-камеры здания Коллегий сохранилась примерно на 30% площади раскопа, в наилучшей степени в его юго-восточной части, где мощение образует единый массив протяженностью 16×8 м. Вблизи кирпичного основания крылец мостовая была, в основном разобрана, однако, отдельные фрагменты мощения сохранились и в непосредственной близости кирпичной платформы —

с ее южной и северной сторон, а также в 1 м от северного и южного углов ризалита и фасада здания.

Булыжное мощение имеет плавный уклон по линии запад—восток по мере удаления от здания к Менделеевской линии. При этом начинается он не от самого здания, а от кирпичной платформы. Отметки вблизи здания составляют — 0.83–0.84 м, у платформы — 0.82–0.85 м, в западной части массива — 0.93–0.95, в восточной — 1.07–1.11 м. Таким образом, в пределах 8 м от края верхней площадки платформы до края раскопа прослежено 25 см падение уровня булыжного мощения.

Булыжное мощение было выполнено по определенной системе. Это квадраты мощения, выложенные по краям крупными булыжниками (0.20–0.35 м), а внутри мелкими (0.5–0.10 м). При этом по диагонали крест на крест прослеживаются линии из булыжника средних размеров (0.10–0.20 м). Стороны больших квадратов составляли 4.2–4.6 м. Квадраты были ориентированы рядами вдоль здания Коллегий. При этом в соседних рядах линии квадратов, перпендикулярные зданию, не совпадали между собой. Квадраты, расположенные ближе к нему, смещены к северу по отношению к более дальним на ширину одного крупного булыжника, т.е. примерно на 35–40 см. Реконструируемая граница последнего ряда квадратов проходила как раз по линии уступа кирпичной платформы, что свидетельствует о том, что эта линия и была восточной границей крыльца.

На фрагментах булыжного мощения, прослеженных ближе к зданию, также выделяются линии, выложенные из крупного булыжника. Одна из них проложена параллельно зданию, две другие по диагонали к нему. Эти квадраты не вписываются в систему квадратов, реконструируемую в восточной половине раскопа до линии крыльца. Вероятно, они имели иные меньшие размеры, согласованные как с композицией основной мостовой, так и с декором фасада здания.

У самого фундамента ограды мостовая ограничивалась деревянной плахой, служившей, вероятно, частью конструкции, укреплявшей в середине XVIII в. берега канала. На аксонометрическом плане П. А. Сент-Илера 1765–1773 гг. здесь изображена деревянная набережная. Вскрытие участка мостовой

в 2-х метрах от деревянной плахи, показало, что под ней расположен еще один уровень мощения, причем выложенный параллельно зданию и каналу в виде желоба — канавки, заполненной песком и гравием. Эта дренажная канавка, судя по всему, служила для стока поверхностной воды в канал. Расчеты показывают, что рисунок исторической, вымощенной булыжником площади, перед зданием Двенадцати коллегий, состоял из пяти рядов больших четырехметровых квадратов, ограниченных с восточной стороны набережной канала, а с западной линией крылец здания Коллегий. Участок мостовой, располагавшийся ближе к нему, имел более мелкое членение на геометрические фигуры, аналогичные предыдущим.

Изучение стратиграфии показало, что булыжная мостовая была выложена сразу после возведения Коллегий. Эта площадь, вымощенная квадратами, изображена на гравюре, выполненной по рисунку М. И. Махаева в 1735 г. Как это видно на гравюре Аткинсона 1801 г., мостовая уже в это время покрылась грунтом. А в 1830-е гг. площадь перед университетом была засыпана плодородной землей в связи с разбивкой здесь сада. Вероятно, тогда же, одновременно с разборкой крылец была частично разобрана и примыкающая к ним булыжная мостовая.

Изучение стратиграфии раскопа позволило получить определенную информацию о формировании культурного слоя. Верхний гумусный слой (0.20 — 0.40 м), представляет собой почвенные подсыпки при устройстве садика и после ремонтных работ по зданию.

Значительные включения строительного мусора: камня, кирпича, известкового раствора встречается в нижних слоях гумусированного песка, с прослойками чистого песка и суглинка, залегающих на отметках 0.40 — 1.0 м. Обнаруженные здесь находки могут быть суммарно датированы XVIII — первой половиной XIX в.

В северной части раскопа — кв. В-1, В-2, Г-1, Г-2, на отметках 0.69– 0.70 м была обнаружена вымостка размерами около 1.8×1.2 м из обломков, в основном половинок, кирпича на известковом растворе. Она была выложена в один ряд и имела конфигурацию близкую к четырехугольной. Кирпич в ее составе соответствовал по своим размерам и виду кирпичу, использо-

вавшемся при строительстве фундаментов здания и платформы-основания крыльца. Судя по всему, эта вымостка была сделана в процессе работ по переустройству здания под университет и носила временный характер. Возможно, она использовалась в качестве некоей площадки для строительных работ или складирования материалов.

В отдельных местах поверхность булыжной мостовой была засыпана, первоначально, 10–30 см слоем обломков известняковой плиты, в виде щебня. Возможно, это строительный мусор, связанный с разборкой крылец и переустройством здания. На этом же уровне, в основном, были обнаружены обломки известняковой плиты различной формы и конфигурации. На самой поверхности булыжной мостовой найдены три костяные пуговицы. А при зачистке кирпичной кладки основания крыльца была обнаружена медная монета — денга 1749 г.

Изучение стратиграфии позволяет предполагать следующую последовательность формирования культурного слоя. Нижняя свита напластований 0.40–1.11 м от уровня булыжного мощения до почвенного слоя отложилась в 1828–1838 гг. при перестройке здания под университет. При этом прослеживаются определенные этапы формирования этой свиты: 1 этап — отложение каменного щебня и обломков известковой плиты при разборке крыльца; 2-й этап — подсыпка грунта из строительного мусора, образовавшегося при ремонтных работах.

Верхняя свита гумусных слоев представляет собой разновременные подсыпки плодородной почвы. Первая из них была сделана при устройстве сада — в 30-е годы XIX в. Однако, судя по прослойкам строительного мусора, подсыпки гумуса производились и позднее.

Коллекция археологических находок, обнаруженных при земляных работах по траншее и при раскопках верхних культурных слоев включает: обломки известковых ступеней крылец (лестницы), печных изразцов с кобальтовой росписью по белому полю и лепнины украшавшей фасад здания, фрагменты белоглиняных и красноглиняных курительных трубок, керамической посуды: горшков, кувшинов, рукомольников, светильников, помадных (аптекарских) баночек, фарфоровые и фаянсовые игрушки. Стекланные изделия представлены осколками бутылок, пузырьков и флаконов. Особо выделяются

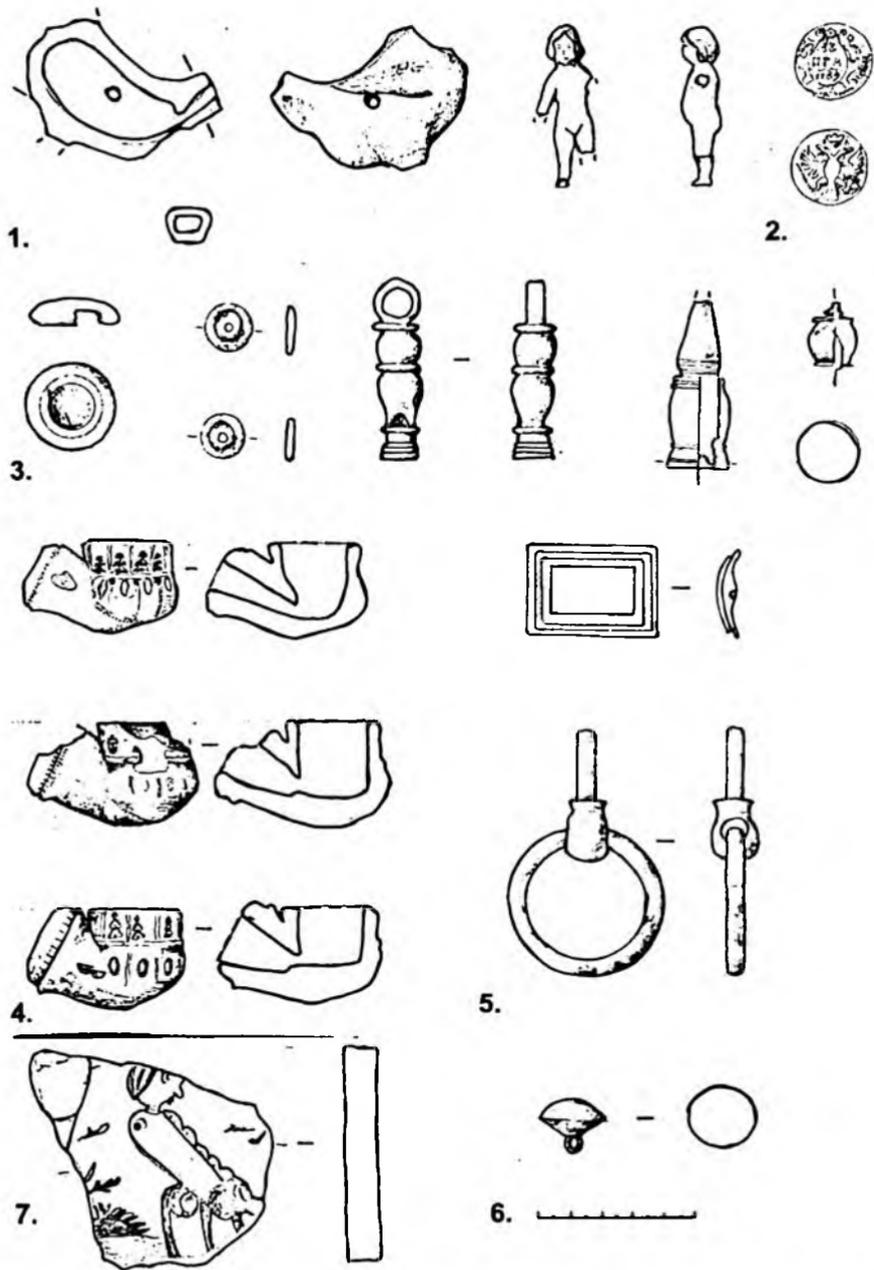

Рис. 9. Археологические находки из раскопок 2000 г.: 1 — керамические игрушки; 2 — медная монета; 3 — костяные поделки; 4 — красноглиняные трубки; 5 — изделия из цветных металлов: пряжка, кольцо с пробоем; 6 — пуговица; 7 — фрагмент печного изрзаца.

поделки из кости: пуговицы, а также изящные по исполнению свисток и флакончик с головкой на резьбе. Несколько обнаруженных медных монет датируются серединой XVIII — XIX в. (рис. 9).

Часть из этих находок неразрывно связана с историей здания и может характеризовать его внешнее и внутреннее убранство, другая связана с бытовой культурой Петербурга XVIII–XIX столетий. Все эти находки теперь можно увидеть в экспозиции музея истории Санкт-Петербургского Государственного университета.

Сооружения предшествовавшие зданию Двенадцати коллегий. В 2000 г. при частичном вскрытии булыжного мощения в шурфе 3, в 13 м к востоку от стены двенадцатого ризалита здания, на глубине 1.55–2.1 м, были обнаружены руины кирпичной постройки, существовавшей здесь до сооружения здания Двенадцати коллегий. В кладке между кирпичами была закреплена массивная железная петля для навешивания тяжелой двери или даже ворот. Размеры зондажа не позволили получить сколь либо подробной информации об этом сооружении, однако было прослежено, что кирпичная кладка, перекрывавшая всю площадь зондажа размерами 1×1.5 м понижалась ступенями в южном направлении, что может свидетельствовать о том, что она, вероятно, была ориентирована в направлении восток — запад. Сверху ее перекрывал слой строительного мусора известкового раствора и битого кирпича, связанный с разборкой этой постройки.

В 2002 г. в местах отсутствия исторического мощения были заложены два шурфа с целью обнаружения сооружений, предшествовавших постройке здания Двенадцати коллегий и исследования раннего культурного слоя.

Шурф 4 заложен в 12 метрах от северного угла двенадцатого ризалита здания Коллегий, с уровня булыжного мощения. Под слоем раствора и кирпичной крошки, на глубине 1.84 м, была обнаружена часть разрушенной стены кирпичной постройки на фундаменте, ориентированной по направлению ЮЗ-СВ, почти перпендикулярно к фасаду здания Коллегий (рис. 10).

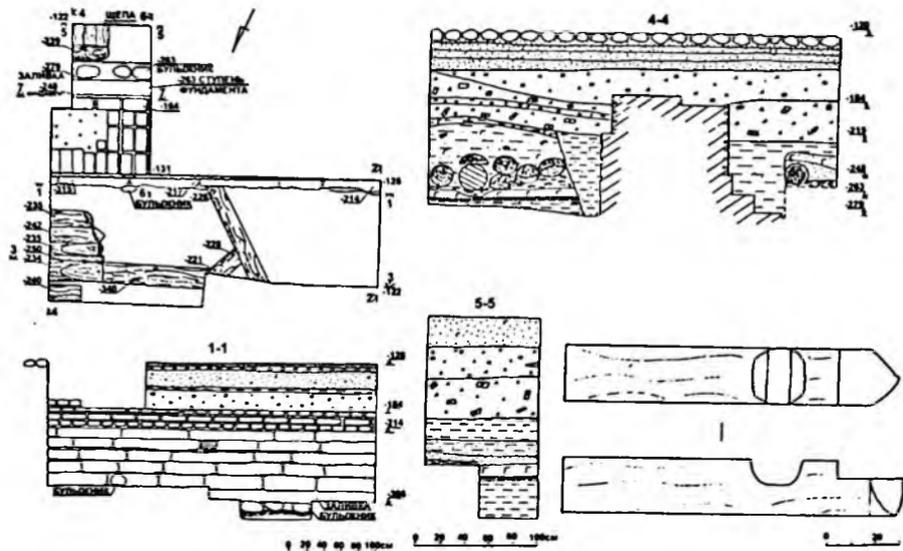

Рис. 10. Шурф 4. План, разрезы, находки.

Северо-западная сторона стены была сложена из трех рядов кирпичной кладки и фундамента (с глубины 2.14 м), состоящего из пяти рядов известняковых плит толщиной по 16–20 см каждый, забутовки из битого кирпича, залитого раствором толщиной около 16 см, и выкладки из булыжника в основании. Плиты фундамента имеют неровные поверхности и выступают за линию кирпичной кладки до 20 см. Фундамент заглублен в материковую глину на 40–50 см, его подошва находится на глубине 3.06 м. Общая высота сохранившейся кладки фундамента (без булыжников забутовки) составила 0.92 м, с остатками стены — 1.22 м.

Противоположная, юго-восточная сторона стены, по конструкции отличалась от северо-западной и состояла из восьми рядов кирпичной кладки, двух рядов ровных, обработанных плит (с глубины 2.48 м) и забутовки из раствора с битым кирпичом.

Из-за малого размера прирезки и быстрого накопления грунтовых вод подошва фундамента юго-восточной стороны обнажена не была. Верхняя плита фундамента, толщиной 16 см, выступает от плоскости кирпичной кладки на 4 см, вторая плита выступает на 22 см, образуя ступеньку 18 см толщины.

Вторую, нижнюю ступеньку, в 22 см толщиной, образует забутовка из раствора и битого кирпича, выступающая от плоскости кирпичной кладки на 44 см.

Ширина кирпичной кладки стены составила 0.94 м, а ширина фундамента около 1.56 м. Кирпичная кладка была сложена чередующимися рядами кирпича, положенными в длину и в ширину. Размеры кирпичей оказались, в основном, следующими: длина — 29–30 см, ширина 14–14,5 см, толщина 6–6,5 см. Часть кирпичей имела размеры 27 см в длину и 12, 13 и 15 см в ширину. Кладка части стены и фундамента была выполнена на известковом растворе желтоватого цвета. Толщина швов между рядами кирпичей достигает 3 см. Исходя из вышеприведенных описаний стены и фундамента, юго-восточную сторону следует считать внешней, а северо-западную — внутренней стороной разрушенного здания. По-видимому, обнаруженная стена была фасадной стороной здания, обращенной к Неве.

С юго-восточной стороны, в стенках прирезки была хорошо видна граница ровика под фундамент. В ровике, заполненном глиной с включением гумуса, на нижней ступеньке фундамента, были обнаружены булыжники забутовки. С северо-западной (внутренней) стороны стены граница ровика не была определена однозначно, однако у каменных плит фундамента были также прослежены булыжники забутовки.

Обнаруженный фундамент и часть стены здания были перекрыты слоем раствора с включением битого кирпича, связанного со временем его разборки и с перепланировкой данной территории. От верха кирпичной кладки (-1.84 м) до уровня плит фундамента с внутренней стороны (-2.15 м) стена оказалась засыпана слоем строительного мусора. Ниже, примерно с отметки — 2.15 м до отметки примерно — 2.60 м находится перемешанный слой серого песка и глины с включением гумуса. Слой насыщен щепой, берестой, большим количеством фрагментов плоских муравленых (темно-зеленого цвета) печных изразцов. Именно с поверхности этого слоя (примерно — 2.15 м) и был вырыт ровик под фундамент, перерезавший гумусный слой бурого цвета с включениями торфа и, частично, материковую глину.

В торфянистом слое бурого цвета, с включениями древесной коры и щепы на отметках — 2.28–2.50 м найдено несколько

обработанных бревен. Семь бревен и одна доска выступающие из северо-восточной стенки шурфа, с внутренней стороны фундамента, имели концы затесанные топором. Еще одно бревно с обрубленным окончанием, лежащее в том же ряду, было обнаружено с внешней стороны фундамента. Длина, очищенной части, самого большого бревна, диаметром 25 см, составила 2.00 м. У одного его края имелась вырубка шириной 21 см и глубиной 12 см для использования в срубе, а окончание его было подтесано на косой срез для продольного соединения в замок. Вероятно, здесь оно использовалось вторично.

Обнаруженный с обеих сторон фундамента на погребенной почве ряд бревен — настил, относится к самому началу XVIII в. или даже к более раннему времени. Сверху он перекрыт слоем серого песка с глиной и гумусными включениями. Этот слой, включающий щепу, бересту и отдельные кости животных, содержит многочисленные фрагменты плоских печных муравленных изразцов, темно-зеленого иногда отливающего чернотой цвета. Всего найдено около 400 фрагментов. На некоторых из румп изразцов сохранились пальцевые вдавления. В слое также обнаружены кованые гвозди, фрагмент берестяного короба (кузовка), два фрагмента мундштуков белоглиняных курительных трубок, один из которых имеет орнамент в виде нескольких рядов зубчатых насечек. На самом настиле и между бревен найдены фрагменты керамического горшка серо-коричневого цвета с диаметром венчика 22 см, а также точеное деревянное изделие (навершие?) на штыре. Все находки из этого слоя можно датировать временем не позднее начала постройки здания Двенадцати коллегий (1723–1724 гг.).

Продолжение обнаруженной стены постройки удалось проследить в шурфе 9, заложенном в 4.85 м от северо-западного угла 12 ризалита (рис. 11). В своей южной части он совпадал с шурфом 2, 2000 г. В юго-восточной части шурфа, на глубине 1.59 м обнаружен угол кирпичной платформы основания крылец. Прослеженная ступенчатая кладка из 8 рядов кирпичей, опиралась наряд каменных плит длиной около 40 см, и толщиной 18 см, основание которого было заглублено до отметки 2.08 м. При этом угол кирпичной кладки опирался на фундамент и нижнюю часть стены разрушенного здания, зафиксированные

ранее в шурфе 4 и продолжавшиеся в данном шурфе. Так как сохранившаяся часть стены здания оказалась выше уровня основания платформы, угол кирпичной кладки платформы так же оказался приподнятым.

С горизонтом каменной постройки была связана находка бронзовой шомпольной трубочки ружья или пистолета. В слое, перекрывающем платформу, обнаружены два фрагмента чашечек. Один из которых представляет собой нижнюю часть фарфоровой чашечки с растительным орнаментом и с клеймом в виде двух перекрещенных шпиг синего цвета на внешней стороне ее дна, вероятно, саксонского происхождения. Вторая находка — фрагмент фаянсовой чашечки с растительным орнаментом синего цвета по внешней стенке. На внутренней стороне ее дна в круге изображены трава, цветок, сеть, камни (рис. 12).

Кладка стены с северо-западной стороны состояла из пяти рядов кирпича, а открытая часть фундамента из пяти рядов грубых, необработанных каменных плит. Подошва фундамента не была обнажена. Высота открытой части фундамента составила 60 см, общая высота сооружения, включая часть разобранной стены — 1.03 м. Ширина кирпичной кладки составила 90 см, общая ширина фундамента около 1.06 м.

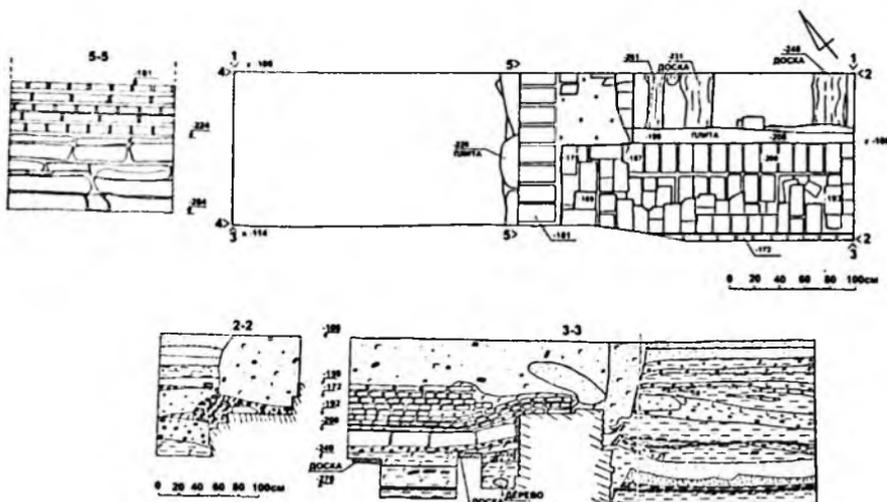

Рис. 11. Шурф 9. План, разрезы.

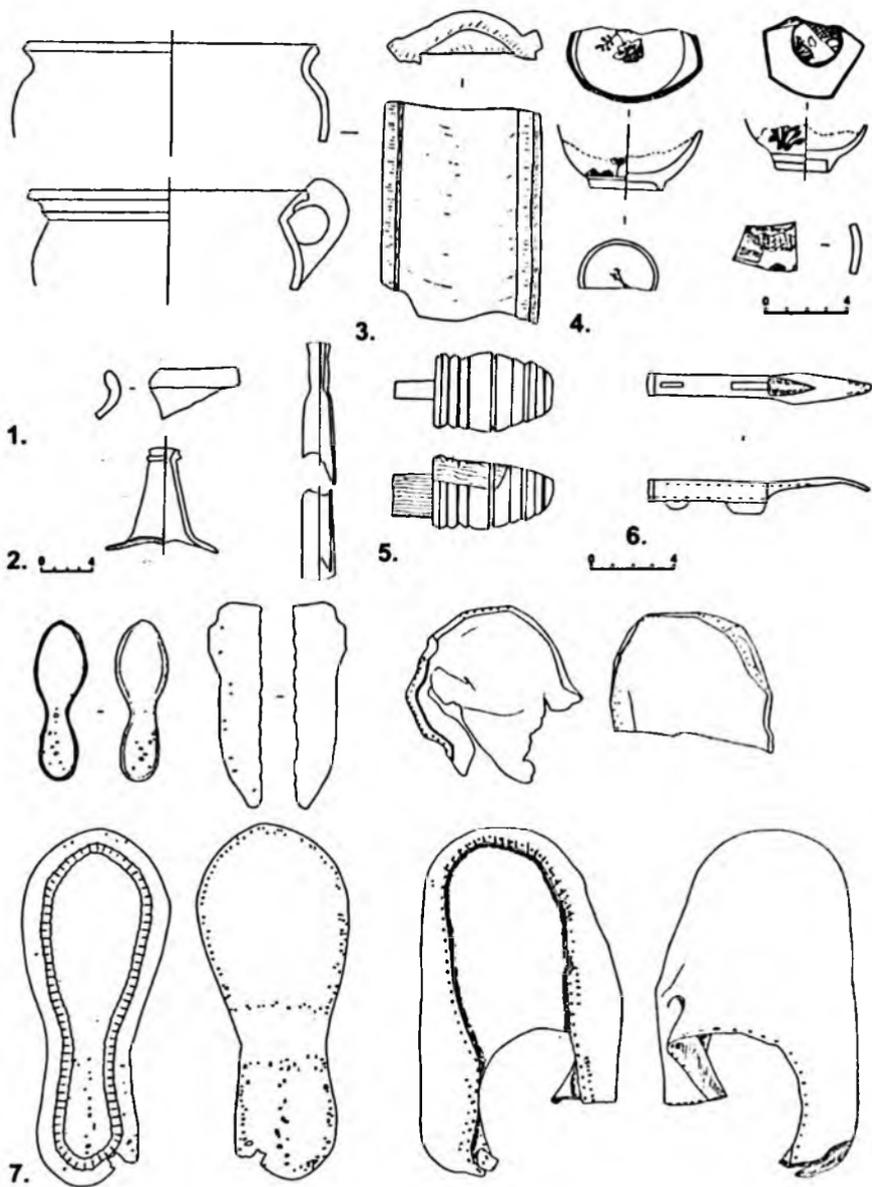

Рис. 12. Археологические находки из шурфов 4, 9. 1 — фрагменты кухонных керамических сосудов; 2 — фрагменты стеклянных сосудов; 3 — муравельный изразец; 4 — фрагменты фарфоровых чашек; 5 — навершие деревянное; 6 — бронзовый предмет; 7 — Кожанные изделия: подошвы, ножны, рукавиц фрагмент, опорки.

Юго-восточную сторону стены исследовать не удалось, так как ее перекрывала платформа 12 ризалита и обнаруженные на глубине 2.3 — 2.6 м четыре доски, уходящие в северо-восточную стенку шурфа под каменные плиты платформы. Сохранившаяся часть стены до верха фундамента, как и в шурфе 4, была засыпана слоями строительного мусора, песка и глины, образовавшимися в период разрушения здания. На уровне верхней отметки каменных плит фундамента (глубина 2.04–2.26 м) зафиксирован 20 см слой дневной поверхности времени постройки и существования здания, со значительными включениями щепы и бересты. Ниже залегали слои глины (2.26–2.40 м) и серого песка (2.40–2.60 м), в которых обнаружено большое количество фрагментов муравленых печных изразцов. Далее на границе с ниже лежащим слоем перегнивших опилок (2.60–2.70 м) были найдены: фрагменты стенок чернолощеного сосуда, обломок верхней части керамического кувшина с ручкой, покрытый изнутри коричнево-зеленой поливой, несколько фрагментов кожаной обуви: опорок, подошва детской туфельки, а также фрагмент рукавицы и ножен. В предматериковой прослойке древесины и щепы, обнаружены: фрагмент ручки белоглиняной курительной трубки, кованый гвоздь, два фрагмента стеклянного флакона. Далее залегает материковая глина.

Общая протяженность зафиксированного в 2002 г. фундамента здания составила около 9.15 м. По археологическим наблюдениям возводилось это здание следующим образом: в вырытый ровник, спущенный до материковой глины и несколько в нее заглубленный, заложили один ряд булыжников. Сверху их залили известковым раствором с кирпичной крошкой толщиной около 16 см, а затем положили пять рядов каменных (бутовых) плит, на которых и возводилась кирпичная стена. Конструкция фундамента, кирпичной стены и археологические находки свидетельствуют о том, что здесь находилось большое жилое кирпичное здание. Судя по своему местоположению, оно было обращено фасадом к Неве. Кирпичная кладка с железной петлей, для навешивания двери, обнаруженная в шурфе 3 в 2000 г., находится на удалении около 8 м от выявленного фундамента к юго-востоку и, скорее всего, является частью выступающего вперед корпуса этого же здания или остатками, окружавшей его каменной стены с воротами.

При проведении земляных работ у ограды сада в двух котлованах (шурфы 7 и 8) был обнаружен кирпичный коллектор (рис. 13). Шурф 7 находился в 21 м от двенадцатого ризалита здания, и в 4,5 м от ограды сада. Здесь ниже уровня булыжного мощения, на глубине 1.71 м был обнаружен кирпичный коллектор с частично разрушенным во время рытья котлована сводом. Коллектор состоит из свода, толщиной в 1,5 длины кирпича и двух опорных вертикальных стен. Свод сложен из 21 кирпичного ряда. Размеры кирпичей не стандартные,

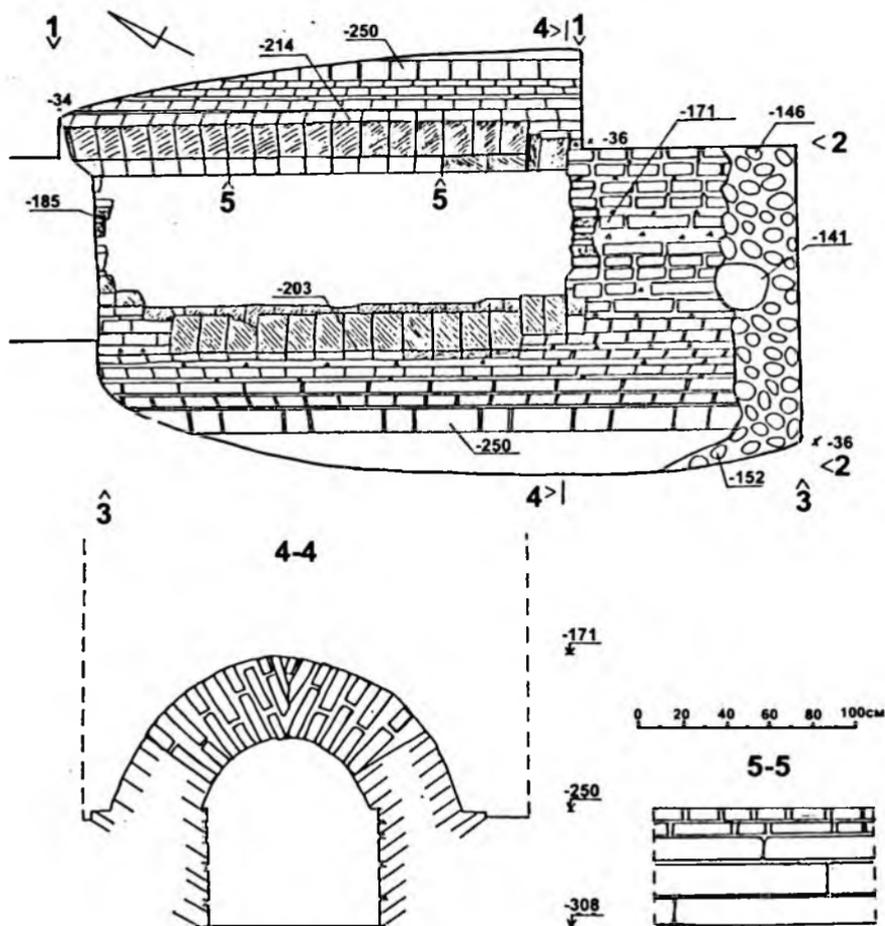

Рис. 13. Коллектор, план, разрез.

длина колеблется от 26 до 30 см, ширина от 12 до 13,5 см, толщина от 5 до 6 см, но преобладают крупные размеры 29×14×6 см. Каждая опорная стена состоит из двух рядов кирпичей (сверху) и трех рядов, обработанных с внутренней стороны, известняковых плит, толщиной по 16 см, в основании. Высота стены с внутренней стороны составляет 62 см, ширина — около 56 см. Ширина коллектора составляет около 190 см, а внутреннего канала — 80 см. Дно коллектора выложено кирпичом. До границы свода и стенок коллектор был заглублен в слой серого песка с включением гумуса и древесины (глубина 2.36–2.50 м), т.е. в тот же слой, в который был спущен фундамент здания, обнаруженного в шурфах 4 и 9. В слое найдены обломки печных плоских муравленных изразцов, осколки бутылочного стекла, пять фрагментов стенок чернolощеной керамики.

Шурф 8 заложен между 10 и 9 ризалитами, на расстоянии 18.6 м от стены здания 12 коллегий, и в 4.2 м от ограды сада. На глубине 1.82 м был расчищен свод коллектора. Размеры шурфа и проложенные по своду коллектора трубы не позволили продолжить его раскопки.

Подводя итоги обследования коллектора, можно заключить, что его длина, по-видимому, превышает между двумя шурфами, в которых он был открыт. Коллектор, прослеженный на расстоянии в 95 метров, был проложен почти параллельно зданию Коллегий и ограде сада по направлению ЮВ.-СЗ. Вероятнее всего, с южной стороны коллектор продолжался до берега Невы, и служил для отвода сточных вод с окружающей территории.

Учитывая положение коллектора вдоль здания Двенадцати коллегий и то, что он перекрыт булыжной мостовой, можно полагать, что он сооружался в начале XVIII в. до прорытия канала по современной Менделеевской линии. Вероятно, он строился в самом начале возведения Здания коллегий, или даже ранее с началом строительства на этой территории и таким образом связан с застройкой, остатки которой в виде разобранных стеной и фундамента были прослежены под булыжной мостовой. Важно отметить еще один результат исследования коллектора и разрушенного здания. Большие размеры кирпичей (29×14×6 см), из которых были сложены эти сооружения,

опровергают устоявшееся мнение, что в начале XVIII в. в Петербурге, при строительстве, использовали только мелкоформатные кирпичи, из которых, к примеру, построено здание Двенадцати коллегий.

В ходе археологических исследований (в шурфах 4, 7, 8 и 9) открыт и изучен интереснейший комплекс сооружений и находок, существенно дополняющий исторические документы, свидетельствующие о первых этапах формирования данной территории в самом начале XVIII в.

Уже на плане Леспинаса 1714 г. на месте здания Двенадцати Коллегий изображена плотная застройка. Пять рядов домов, небольших по сравнению, с расположенной поблизости Меншиковской усадьбой были обращены фасадами к Большой Неве и к дороге, которая вела со Стрелки к этой усадьбе. Судя по всему, здесь располагалось население имевшее к ней непосредственное отношение, вероятно, здесь жили меншиковские крестьяне и ремесленники. Именно с этим периодом освоения данной территории, когда здесь появляются первые строения, и следует соотносить слой щепы, бересты и опилок и находившиеся в нем остатки деревянного настила и следы построек с изразцовыми печами. С этим же периодом могут быть связаны

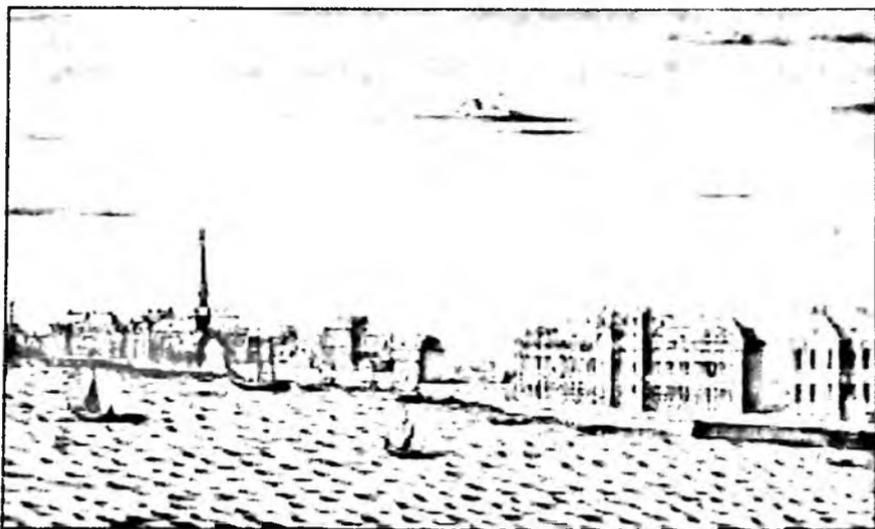

Рис. 14. Дома, существовавшие на берегу Большой Невы до строительства здания двенадцати коллегий. Кристиан Марселиус 1720-е гг.

изделия из кожи, а также, вероятно, и многочисленные поделки из кости, которые могли изготавливаться здесь меншиковскими ремесленниками. К предметам, характеризующим быт первых жителей Петербурга относятся: фрагменты белоглиняных курительных трубок, керамических сосудов, стеклянная бутылочка, точеное деревянное навершие и фрагмент берестяного короба.

По плану Д. Трезини, представлявшему собой корректировку предшествовавшего плана 1715 г. и утвержденному Петром I в январе 1716 г. застройку по периметру Стрелки предполагалось вести в системе кварталов, протяженностью в 60 саженей по берегу Невы. Строившиеся, здесь, так называемые «образцовые дома» или «дома для именитых» должны были быть каменными двухэтажными «на погребях» и выходить фасадом, протяженностью 10 или 20 саженей, на Неву. Внутри периметральной застройки планировалось сооружение более простых домов, включая и деревянные. К 1718 г. А. Д. Меншиков рапортовал царю, что на Васильевском острове строятся по берегу Невы каменные дома.

Дома, существовавшие на берегу Большой Невы до строительства здания Двенадцати коллегий изображены на панораме Алексея Зубова 1717 г. и на рисунке Х. Марселиуса, датированного началом 1720-х гг. (рис. 14) Здесь, между Меншиковским дворцом и строящейся Кунсткамерой на берегу Невы изображены два больших каменных дома, один из них в два этажа, другой, напоминающий дворец, в три, с цокольным этажом и высоким центральным крыльцом. Рядом с ними имеются малые одноэтажные домики — флигели, каменные ворота, а на заднем плане различимы деревянные постройки. Судя по всему, рисунок относится ко времени до начала строительства Коллегий. Трехэтажный дом имеется и на другом рисунке Х. Марселиуса, датированном 1725 г., где он располагается к востоку от находившейся рядом с Меншиковским дворцом Воскресенской церкви. В настоящее время на этом месте находится дворец Петра II. Двухэтажный дом, стоявший еще восточнее был выполнен по типовому проекту «для именитых людей». Его пропорции близки к кубу, крыша мансардная вальмовая, окна, по восемь на каждом этаже обращены к Неве. Судя по местоположению этого дома, именно его фундаменты и были

обнаружены в процессе раскопок у здания Коллегий. Однако еще предстоит установить, кто же являлся его владельцем.

Вероятно, именно в связи с началом строительства каменных домов по берегу Невы и происходит перепланировка прилегающей территории. Подсыпка в виде слоя из песка и глины с включениями щепы и бересты, прослеженная во всех шурфах на отметках — 2.10–2.41 м, по-видимому, связана именно с этим строительством. Это здание было достаточно большим, о чем свидетельствует конструкция и мощность обнаруженного фундамента и остатков кирпичной стены (высота фундамента более 90 см, ширина подошвы фундамента не менее 156 см, ширина кирпичной стены 94 см). Возможно, к этому же строительному периоду относится и прокладка здесь водоотводного коллектора.

Впоследствии, с принятием решения о сооружении на этом месте здания Двенадцати коллегий, пришлось снести четыре строящихся каменных дома, располагавшихся на берегу большой Невы (Иогансен, 1973: 46–49). Произошло это не позднее 1723 г., когда для нового здания начали бить сваи. Позже, при строительстве крылец Двенадцати коллегий, был использован фундамент разрушенного здания: на него положили угол кирпичной кладки подземной платформы — основания крылец 12 ризалита. В начале 1730-х гг. уровень дневной поверхности на территории перед зданием Коллегий был снова повышен за счет подсыпок и вымощен булыжником.

Одним из результатов археологических раскопок у здания Двенадцати Коллегий стало использование полученных данных для разработки проекта реконструкции участка площади перед Аудиенц камерой. Согласно этому проекту*, который осуществлен к 300-летию Санкт-Петербурга, воссоздана булыжная мостовая и каменное крыльцо первой половины XVIII столетия перед входом в Аудиенц-камеру. Вокруг мемориального объекта предусмотрена площадка для обозрения, с которой по специальной лестнице можно спуститься на старинную булыжную мостовую.

Обнаруженные в процессе археологических исследований находки можно увидеть в музее Санкт-Петербургского Государственного университета.

* Автор проекта архитектор Д. А. Бутырин.

P. E. Sorokin and S. A. Semenov

Archaeological excavations of 2000–2002 near the Twelve Colleges building

The archaeological excavations near the Twelve Colleges building were conducted in 2000–2001 by the St.-Petersburg Archaeological Expedition of the Institute of the History of Material Culture, RAS and the North-Western Research Institute of the Cultural and Natural Heritage. These works yielded interesting information on the history of this building and of the early St.-Petersburg in general. It was established that in the very beginning of the 18th cen., prior to the construction of the house of the Colleges on the bank of the Neva, some wooden buildings existed here which, judging by all the evidence, belonged to the craftsmen and attendants of A. D. Menshikov's manor located nearby. Related with these structures are such finds as glazed (emerald-coloured) oven tiles, fragments of leather and bone objects of various purpose, glass and ceramic vessels (including some imported), and Dutch smoking pipes of white clay.

Later, in 1715–1718, near the college which is the closest to the Great Neva, a brick house on a stone foundation was built. This construction was started according to a special decree of Peter I who planned to create here a district of elite buildings for tradesmen and craftsmen. However later, these new houses were demolished when it was decided to replace the centre of Petersburg to the Strelka of the Vasilyevsky Island and to build here the government Colleges.

The construction of the Twelve Colleges building was carried out in 1723–1732, but the finishing works were finally completed only in 1742. Taking into account the marshy state of this site and that it was submerged during inundations, the foundation of the Colleges was constructed practically on the surface. However, in the course of the construction, the surface was raised about 1.5 m here by means of the sand removed during digging of the channel and building refuses.

On the eastern side of the building, its first storey presented an open gallery. The present-day windows of the first storey, initially

were arched spans which served as the entrances to the Colleges. It is known that the original porches before each College were wooden. In 1763–1771, it was decided to build porches on granite foundations. Judging by the preserved representations, these were made in the form of staircases with descents on the three sides.

In 1834–1837, when the building was being accommodated for the needs of the university, the gallery on the first floor was closed, the entrances to the risaliti, with the exception of the central one, were blocked up, and the porches dismantled as unnecessary. In 1838, a fenced garden was arranged around the eastern facade of the building.

During the excavations, it was found that in front of the risalita which is the closest to the Neva (Audience Chamber) there is a continuous underground brickwork platform lowering down stepwise with the distance from the foundation of the building. The end of this platform was found 5.6 m from the wall at the depth of 1.9 m.

The Twelve Colleges building together with the pavement and channel is represented in one engraving executed after a drawing of Makhaev in 1753. During the excavations, found within the area in front of the house was a cobblestone pavement faced in squares with larger cobbles ranged round the periphery and diagonally. Its surface is lowering gradually towards the Mendelejev Line where there was a channel in the 18th cen. The wooden structures of the embankment of the channel have been traced near the university fence.

The objects found during the excavations are exhibited in the Museum of the History of the St.-Petersburg State University. Another result of these excavations is the development of the project of a historical reconstruction of the part of the square in front of the «Audience Chamber» of the Twelve Colleges building. This project implies the preservation, museum exhibition and enabling a free view of the brick and stone ruins and the cobblestone pavement of the first half of the 18th cen. in the open air.

The lowering of the level of the soil surface, reconstruction of the porch near the risalita of the Audience Chamber will enable us to restore the original appearance to this part of the building. Round the memorial object it is planned to arrange a viewing platform from which it would be possible to descend by means of a special staircase down to the old cobblestone pavement.

- АИ — Атлас Ингерманландии 1701 г. РОБАН, собр. Рукописных карт.
- Богданов, 1997 — *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга 1749–1751 гг. СПб.
- ВМОИДР, 1851 — Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины // Вестник Московского общества истории и древностей Российских.
- Грбарь, 1994 — *Грбарь И.Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб.
- Иогансен, 1959 — *Иогансен М.В.* Главное здание Ленинградского ордена Ленина Гос. Университета им. А.А. Жданова. 1959 г. архив КГИОП Н-1092.
- Иогансен, 1973 — *Иогансен М.В.* Работы Доменико Трезини по планировке и застройке Стрелки Васильевского острова в Петербурге. Л. С. 45–55.
- Ленинград, 1977 — Ленинград. Историко-географический атлас Л.
- Лисаевич, 1986 — *Лисаевич И.И.* Доменико Трезини Л.
- Медерский, 1958 — *Медерский Л.* Васильевский остров. Л., М.
- Санкт Петербург, 2000 — Санкт Петербург 1703–1917. СПб.
- Сорокин, Кашаев 1998 — *Сорокин П.Е., Кашаев С.В.* Разведочные археологические исследования на Васильевском острове // Археология Петербурга. II. СПб. С. 13–18.
- Сорокин, Семенов, 2001 — *Сорокин П.Е., Семенов С.А.* Археологические раскопки у здания Двенадцати коллегий. // История Петербурга № 3. С. 38–41.

Археологические исследования лошадиного кладбища в Царском Селе (1998–2000 гг.)

В рамках программы научного сотрудничества с Государственным музеем-заповедником «Царское Село», а также в связи с подготовкой комплекса «Пенсионерские конюшни» к реставрации, экспедицией Института истории материальной культуры Российской Академии Наук в течение трех полевых сезонов (1998–2000) проводились исследования по выявлению планировки лошадиного кладбища. Программа археологических работ была согласована с дирекцией, научным и инженерным отделами музея-заповедника «Царское село».

Комплекс «Пенсионерские конюшни» расположен в Царском Селе (Пушкин), на северной окраине Александровского парка, приблизительно в 1 км к СЗ от Александровского дворца по Фермской дороге. На современной топографической карте мемориальный комплекс отмечен как скотомогильник (рис. 1).

Согласно архивным данным, «Пенсионерские конюшни» были учреждены по указу императора Николая I в 1826 г. для старых лошадей «Собственного седла Их Величества». Здание конюшни построено по проекту архитектора А. Менеласа в 1827 г. в Александровском парке. Позднее при конюшнях было устроено кладбище для захоронения павших лошадей. В первой половине XX в. территория кладбища пришла в запустение, а также была значительно повреждена в ходе строительства на его территории хозяйственных построек.

При планировании и выполнении археологических работ были учтены результаты проведенных В. А. Коренцовитом в 1984 г. исследований территории кладбища и осуществлен-

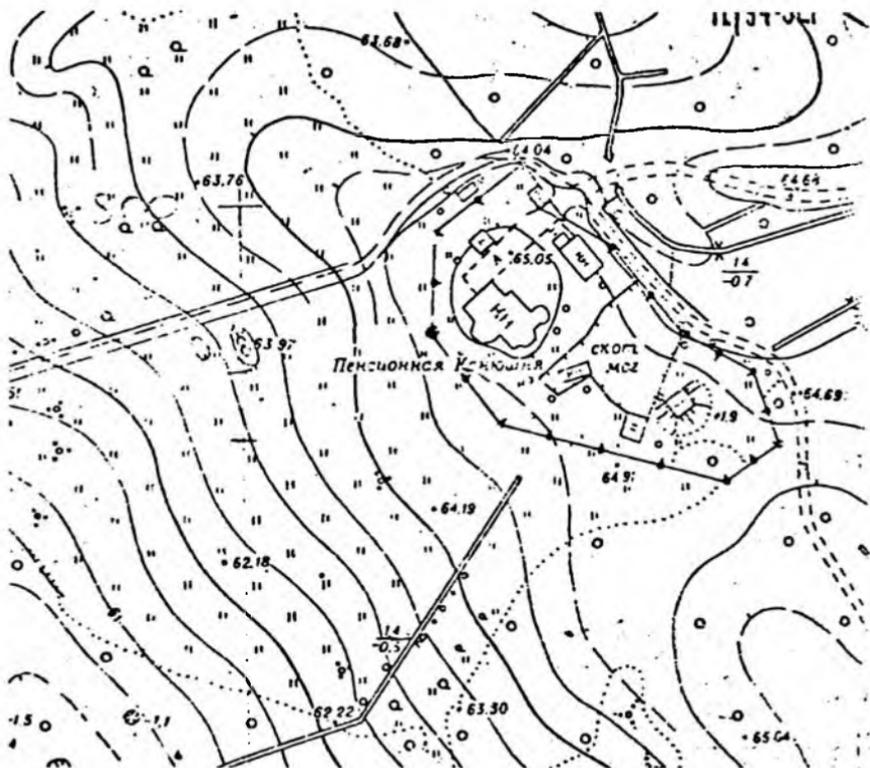

Рис. 1. План расположения комплекса «Пенсионерские конюшни» в Александровском парке Царского Села.

ного в 1997 г. Е.А. Туровой «натурного изучения планировки конского пенсионерского кладбища».

Проведение археологических работ осуществлялось под наблюдением и при содействии главного архитектора музея-заповедника «Царское Село» А. А. Кедринского, заместителя директора по научной работе И. К. Ботт и научного сотрудника архива музея-заповедника Е. А. Туровой.

В ходе работ по выявлению планировки кладбища были расчищены дорожки и отдельные участки кладбища, поврежденные в ходе строительства на его территории в разные годы хозяйственных построек, а также могила 64, значительно поврежденная в результате раскорчевки многолетних деревьев.

Все нивелировочные отметки взяты от нулевой отметки, в качестве которой использовалась верхняя точка цоколя здания

Царское Село 1999
Пенсионерские конюшни
Лошадиное кладбище
Общий план

Рис. 2. План расположения лошадиного кладбища и окружающих его построек.

Пенсионерских конюшен у южной стороны окна треугольного эркера, выходящего на восток (рис. 2).

При фиксации и описании особенностей планировки кладбища использовалась нумерация и терминология, принятая в ходе предыдущих исследований и отраженная в отчете Е. А. Туровой. Все случаи внесения необходимых изменений и дополнений в ранее принятую нумерацию и терминологию сопровождаются соответствующими пояснениями.

В целом, это позволяет согласовать полученные данные с результатами предшествующих исследований.

Могила 64 расположена в шестом «полном» ряду, на его северо-западном конце. К юго-востоку от нее находилась могила 65,

к северо-востоку — могила 52, к востоку — могила 53, к юго-западу — могила 74 (рис. 3). Надмогильное сооружение и могильная яма были сильно повреждены при корчевании многолетнего дуба. Учитывая значительность повреждений, угрожающих сохранности могилы, было решено расчистить сохранившуюся часть с целью выявления характера основных

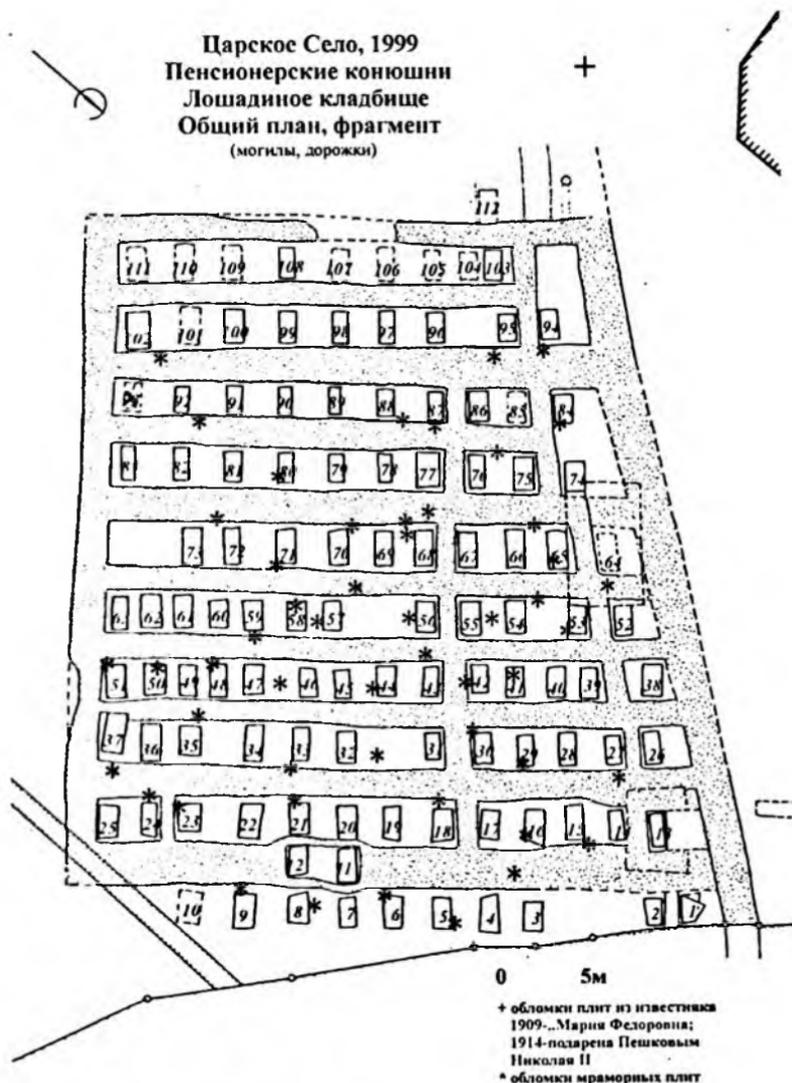

Рис. 3. Общий план лошадиного кладбища.

ЦАРСКОЕ СЕЛО
Пенсионерские конюшни
Лошадиное кладбище, могила 64

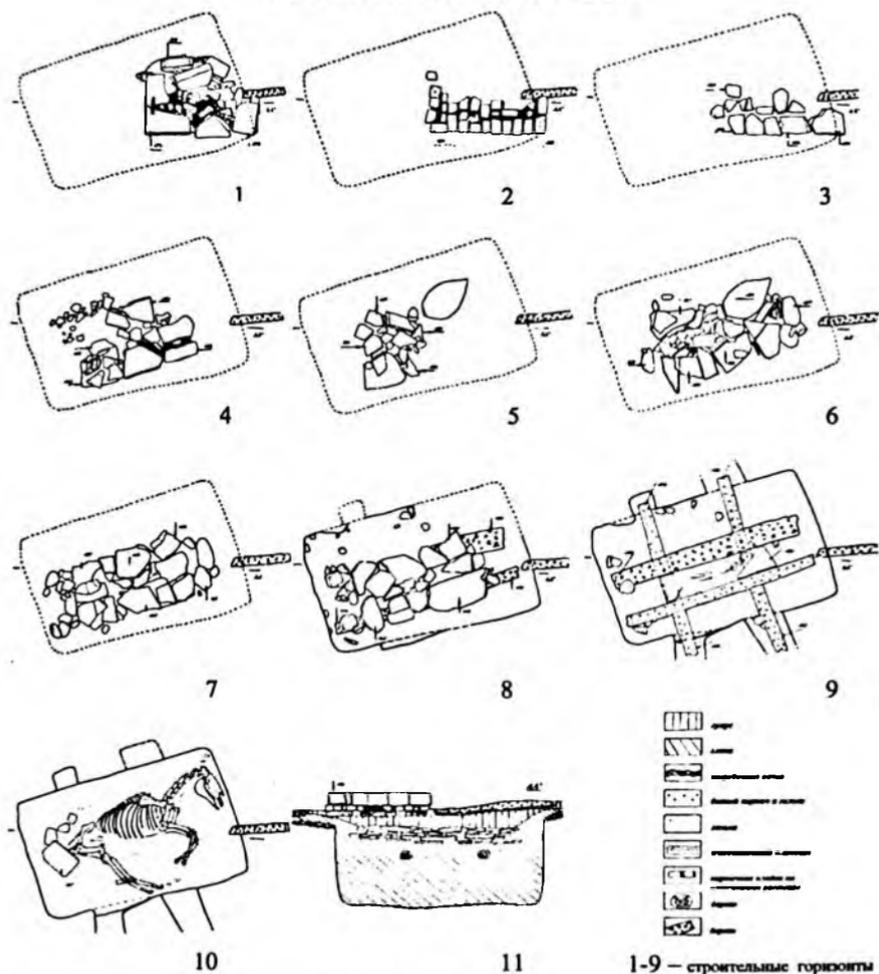

Рис. 4. Могила № 64.

элементов конструкции надмогильного сооружения и могильной ямы, а также получения сведений, необходимых для научно-достоверной реставрации памятника.

Исследование сохранившейся части погребения осуществлялось послойно, с учетом строительных горизонтов (рис. 4). В ходе расчистки были обнаружены остатки первоначальной (оригинальной) конструкции надмогильного сооружения и

выявлены основные элементы надмогильной конструкции, сооруженной в период реконструкции кладбища в 1874–1882 гг. под руководством архитектора А. Ф. Видова.

Верхний ярус надмогильного сооружения (рис. 4, план 1), на который была уложена снятая к моменту раскопок могильная плита с надписью, был сложен из пиленых каменных (известняк светло-желтого цвета — пудожский камень, путиловская плита) блоков, размер которых значительно колеблется. Наиболее крупные из них достигали приблизительно 70 см в длину, 50 см в ширину и 30 см в толщину. Наиболее тщательно были обработаны те стороны блоков, которые образовывали внешнюю сторону надмогильного сооружения и поверхность, на которую была уложена могильная плита.

Четыре блока и часть заполнения между ними сохранились *in situ*. Два угловых блока юго-западного торца были скреплены кованой железной скобой длиной 23 см с квадратным сечением 2х2 см. Загнутые под прямым углом концы скобы были вставлены в специально выдолбленные в блоках округлые углубления диаметром 3 см и глубиной 4 см. Судя по аналогичному отверстию в восточном блоке, таким же образом были скреплены и блоки северо-восточного торца сооружения. Пространство между блоками заполнено обломками кирпичей, и залито известковым раствором. На одном из кирпичных обломков сохранились следы букв маркировки.

Каменные блоки и забутовка на известковом растворе между ними были уложены на относительно регулярную кирпичную кладку на известковом растворе (рис. 4, план 2). В кладке, за исключением двух целых, использовались крупные обломки кирпичей. Один из целых кирпичей на северо-восточном торце сооружения располагался над остатками деревянной плахи шириной 11 см, ушедшей в северо-восточном направлении к могиле 52. На одном из кирпичных обломков обнаружены остатки маркировки в виде буквы Е.

Кирпичная кладка была уложена на кладку из обломков известняковых плит различного размера и формы, скрепленных известковым раствором. Северо-западная часть кладки была повреждена при раскорчевке. Кладки из кирпича и плит совпадают по размеру и ориентировке (рис. 4, план 3) и относятся ко времени реконструкции кладбища в 1874–1882 гг.

Открытый ниже слой, также сложенный из различных по размеру путиловских плит, лишь частично совпадал с границами трех верхних слоев сооружения. Основная часть этого строительного горизонта располагалась почти на 1 м западнее и южнее вышележащих ярусов кирпичной кладки и плитняка. В его ориентировке наблюдается значительное отклонение к северо-западу от ориентировки надмогильного сооружения периода реконструкции кладбища (рис. 4: ср. планы 3 и 4). Это важное наблюдение вместе с другими прямыми и косвенными данными указывает на изменение в период реконструкции кладбища первоначальной общей ориентировки надмогильных сооружений, а также планировки кладбища.

Под плитами третьего слоя была открыта прослойка, состоявшая из фрагментов относительно тонких плит среднего размера, длина которых не превышала 35 см. Эти плиты располагались только в юго-западной половине надмогильного сооружения. Очевидно, что с их помощью производилось выравнивание горизонтальной плоскости плит третьего слоя, сооруженного в этой части в два яруса (рис. 4: ср. планы 4 и 5).

Четвертый слой, сложенный преимущественно из крупных обломков плит, ориентирован также как и третий и практически не был нарушен при раскорчевке (рис. 4, план 6). В основании северо-восточной части этого строительного горизонта зафиксированы 3 гранитных валуна диаметром до 20 см, относящиеся к пятому слою (рис. 4: ср. планы 6 и 7). Аккуратно уложенные крупные плиты (длиной до 0,5 м) пятого слоя примыкали к вышеупомянутым камням. На юго-западном торце зафиксированы фрагменты плит и камней меньшего размера (рис. 4, план 7).

Ниже пятого располагался шестой слой, также аккуратно сложенный из крупных известняковых плит (рис. 4, план 8). На юго-западном и северо-восточном торцах сооружения находились фрагменты плит и камней меньшего размера, лежавших, как выяснилось, на торцевых частях двух деревянных плах, положенных вдоль могилы с небольшим смещением к юго-востоку от ее центральной оси. На этом уровне впервые удалось проследить границы могильной ямы за исключением ее потревоженного северного угла и части юго-восточной сте-

ны. Вдоль стен ямы изредка находились камни небольшого размера. После разборки шестого слоя была открыта самая нижняя конструктивная часть надмогильного сооружения, представленная двумя продольными плахами, лежащими крестообразно на двух таких же поперечных плахах. Концы поперечных плах были помещены в специально выкопанные для них 4 ниши-ступеньки на северо-западном и юго-восточном краях ямы (рис. 4, план 9). Пространство между продольными плахами, особенно в местах их пересечения с поперечными, было заполнено фрагментами плит с целью выравнивания горизонтальной поверхности для плит шестого слоя. Камни и фрагменты плит были подложены в нескольких местах под обе продольные и одну из поперечных плах. На верхней плоскости продольной плахи, располагавшейся ближе к северо-западному краю могилы, было обнаружено 5 круглых несквозных отверстий диаметром 3 см, явно предназначенных для деревянных шипов. Это обстоятельство указывает на вторичное использование данной плахи, по всей вероятности взятой при разборке какой-то постройки. Вторая продольная плаха, прямоугольная в сечении, видимо также использовалась вторично. Сучковатые округлые в сечении диаметром 16–19 см поперечные плахи не имели видимых следов обработки и являлись основным элементом несущей конструкции (рис. 4, план 9). Длина продольных плах — 2,60 — 2,65 м, ширина северо-западной плахи — 25–30 см, юго-восточной — 16–17 см, толщина обеих около 15 см. Полная длина поперечных плах, достигавших в пределах раскопа 2,25 и 2,55 м., осталась неизвестной, так как их концы уходили в юго-восточный край раскопа, частично под надмогильное сооружение могилы 65.

Прямоугольная могильная яма размером 2,95×1,70–1,80 м имела неровную юго-восточную стенку и 4 ниши-ступеньки для крепления плах перекрытия (рис. 4, план 10). Сохранившаяся лучше других ниша у западного угла могилы была прямоугольной в плане формы размером 33×25 см. Ниша была впущена с уровня погребенной почвы на глубину 0,5 м. Глубина могильной ямы от уровня погребенной почвы была около 1,1 м. Яма заполнена желто-голубоватой материковой глиной, и в ней изредка встречались камни (рис. 4, 11).

На дне ямы лежал скелет лошади на левом боку, головой на СВ, мордой на восток. Передние ноги лошади согнуты в коленях почти под прямым углом, задние вытянуты. Череп лошади находился на 30 см выше, чем нижние кости таза (рис. 4, план 10; рис. 6). Дно могильной ямы в юго-западной половине, видимо, было изначально слегка углублено для размещения более объемной задней половины лошади.

Никакого сопровождающего инвентаря или элементов узды при погребенной лошади не обнаружено.

При разборке надмогильного сооружения между 3 и 4 строительными горизонтами была найдена гладкая бронзовая пуговица около 2 см в диаметре.

В ходе расчистки могильной ямы погребения 64 была выявлена последовательность погребений, примыкавших к могиле 64. В северо-восточной части могилы 64 были открыты остатки деревянной плахи, несомненно, относящейся к надмогильному сооружению могилы 52 — крайнему северо-западному погребению в пятом «полном» ряду. Северо-восточная часть плахи уходила под плиты первоначального надмогильного сооружения захоронения 52, ориентировка которого отклоняется к северо-западу и отличается от ориентировки верхних

Рис. 5. Могила № 64: скелет лошади.

блоков периода реконструкции кладбища. Надмогильное сооружение периода реконструкции погребения 52 смещено на 80 см к северо-востоку и на 45 см к северо-западу по отношению к первоначальному. Таким образом, первоначальная ориентировка могил 52 и 64 совпадают и значительно отличаются от ориентировки надмогильных сооружений периода реконструкции кладбища. Юго-западный конец плахи перекрытия могилы 52 перекрывал северо-восточный край могилы 64 и, в свою очередь, был перекрыт реконструированной частью надмогильного сооружения могилы 64, что свидетельствует о более позднем сооружении могилы 64 по отношению к могиле 52. Полученные в процессе раскопок данные в целом подтверждают выводы А.А. Кедринского (Пояснительная записка к проектному заданию на реставрацию ансамбля Пенсионных конюшен в Александровском парке города Пушкина. С. 3–6) и вслед за ним Е. А. Туровой (Отчет 1997 г. С. 5–6) о сооружении могил 52, 64, 65 в период до реставрации надмогильных сооружений. Если идентификация могил 65 (1870 г., Церера) и 52 (1863 г.) верна, то не идентифицированная могила 64 должна относиться к периоду между 1870 и 1863 гг.

Рис. 6. Фрагмент надмогильной плиты мерина «Крым».

Вместе с тем, стратиграфические наблюдения, сделанные в ходе расчистки могилы 64 и отдельные находки на различных участках кладбища противоречат результатам предварительной идентификации некоторых могил кладбища.

Среди обнаруженных на территории кладбища 323 обломков мраморных надгробных плит с фрагментами надписей, между могилами 14 и 15 был обнаружен обломок мраморной плиты с указанием 1828 или 1829 г. (последняя цифра сохранилась лишь в верхней части). Эта находка, возможно, указывает, что совершение захоронений на кладбище могло начаться в конце 20-х годов, т. е., ранее 1831 г., как обычно полагают.

На необходимость дополнительных архивных исследований по достоверной идентификации могил кладбища указывают находки могильных плит с сохранившимися кличками лошадей: Крым (рис. 6) и Джигит. Обломок плиты с надписью «Меринъ сырый Крымъ служилъ Государю ...» был найден между могилами 96 и 97, а плита с кличкой Джигит — найдена рядом с надмогильным сооружением погребения 100, к которому, видимо, и относится. Вместе с тем, согласно предварительной идентификации погребений, в 8, 9 и 10 рядах нет могил лошадей с кличками Крым и Джигит, что может означать необходимость пересмотра идентификации значительного количества погребений. В западном углу кладбища были найдены фрагменты еще двух плит с надписями. На одной из них сохранились остатки следующей надписи:

«..ю
.... дровичу
Пъшковымъ
.... о
1914 года».

На другой плите сохранилась следующая часть надписи:

«Императриць
Марии
Федоровнъ
съ 1889 г. по 1891 годъ
пала 16-го Октября
1909 г.»

Оба обломка плиты были смещены с первоначальных мест своего расположения и повреждены в результате строительства на южном участке кладбища литейной мастерской.

В ходе осмотра территории кладбища и расчистки его отдельных участков, кроме обломков могильных плит, были обнаружены следующие предметы:

Бронзовые со следами позолоты накладные украшения дверей Федоровского собора (атрибуция А. А. Кедринского) (3 фрагмента).

Железные лошадиные подковы (6 шт.).

Железные и бронзовые крепления (пироны) мраморных могильных плит (7 шт.).

Фрагменты, сделанных из мраморной крошки, орнаментированных полов конюшни.

Фрагмент чугунного навершия фонарного (воротного?) столба.

В ходе археологических расчисток и составления общего плана территории кладбища был внесен ряд уточнений в расположение дорожек и организацию пространства между надмогильными сооружениями (рис. 3, 4). Так первая продольная дорожка шириной 1,65–1,70 м, ограничивавшая кладбище с северо-запада, имела заметное отклонение к северу по сравнению с ориентировкой продольной дорожки, ограничивавшей его с юго-востока. Более того, именно в том же направлении были ориентированы первоначальные надмогильные сооружения могил 52, 53, 64, 65. Что указывает на то, что это единственная дорожка, сохранившая первоначальную (до реконструкции) ориентировку кладбища. После восьмого «полного» ряда, на пересечении с восьмой поперечной дорожкой северо-западная дорожка несколько отклоняется к западу от своей первоначальной ориентировки. Вторая продольная дорожка начиналась между могилами 1 и 2 и проходила параллельно направлению северо-западной дорожки за каждым крайним северо-западным захоронением «полных» рядов, образуя коленчатые уступы во 2, 5 и 7 «полных» рядах (рис. 3). Заканчивалась эта дорожка на пересечении с поперечной дорожкой за десятым рядом. Третья продольная дорожка начиналась от второго «полного» ряда между могилами 17 и 18 и шла в юго-западном

направлении вплоть до пересечения с поперечной дорожкой за восьмым «полным» рядом между могилами 86 и 87. Она почти прямая, расширяется во втором, третьем и четвертом «полных» рядах до ширины 1,25 м и сужается до 80–85 см во всех остальных рядах. Четвертая, юго-восточная продольная дорожка шириной 1,30–1,50 м ориентирована также как и все реставрированные надмогильные сооружения. Несмотря на разрушенные восточный и южный углы, можно предположить что, общая длина этой дорожки составляла почти 30 метров. Кроме того, как продольная дорожка был оформлен и проход между могилами 23 и 24 второго «полного» ряда. От юго-восточной, четвертой продольной дорожки к северо-западу шли до пересечения с первой продольной десять поперечных дорожек. Первая, северо-восточная дорожка шириной 1,80 м, располагается за первым рядом захоронений и относится к начальному периоду формирования кладбища. На ней находятся 2 надмогильных сооружения захоронений 11 и 12 первого «неполного» ряда. Дорожка устроена таким образом, чтобы можно было обогнуть торцовые части этих сооружений и дальше двигаться по ней. Вторая поперечная дорожка в наиболее узкой своей части составляет 1,20 м и расширяется до 1,50 м на северо-западном и юго-восточном концах. Третья дорожка имеет ширину 1,20 м в северо-западной части до пересечения с третьей продольной дорожкой, а далее к юго-востоку сужается до 1 м и 90 см почти на самом юго-восточном конце, где она вновь сужается до 50 см. Это произошло, видимо, из-за значительного смещение надмогильного сооружения 37. Четвертая и пятая дорожки практически одинаковой ширины, которая на разных их участках колеблется в пределах 0,90–1 м. Шестая поперечная дорожка на пересечении со второй продольной имеет ширину 1,25 м, а на юго-восточном конце 1,50 м. Ширина седьмой дорожки почти на всем протяжении 1,10 м., но на отдельных участках достигает 1,30 м. Восьмая поперечная дорожка шириной 1,95–2 м на северо-западном конце сужается до 1 м на пересечении с четвертой продольной. Параллельные друг другу девятая и десятая дорожки имеют ширину в пределах 0,90–1,10 м. Их ориентировка слегка отклоняется в юго-западном направлении.

Продольные и поперечные дорожки не примыкали вплотную к торцовым и боковым граням надмогильных сооружений, что, по предположению А. А. Кедринского, объясняется обкладкой их дерном. Это предположение подтверждается отложениями черного гумуса, зафиксированными в разрезе могилы 64 (рис. 4, 11).

Нивелировочные данные показали, что разница между отметками на поверхности первой поперечной и девятой поперечной дорожек составила 37 см, что свидетельствует о понижении рельефа по направлению к дренажной канаве, расположенной к северо-востоку от кладбища. Незначительное понижение рельефа на 10 см зафиксировано в направлении с юго-востока на северо-запад, вдоль поперечных дорожек.

Согласно нивелировочным данным, поверхность юго-западного участка дорожки, отделяющей территорию кладбища от здания конюшни была на 36 см ниже основания цоколя фундамента и уровня первоначальной отмостки здания конюшни.

В восточном углу кладбища зафиксирована траншея для металлической трубы, проложенной с юга на север от строения (лошадиный морг?) к дренажной канаве. Траншея частично разрушила дорожку.

Основные результаты и выводы:

В ходе археологических работ на территории лошадиного кладбища были выявлены основные элементы его планировки до и после реконструкции кладбища в 1874–1782 гг., которой руководил архитектор А. Ф. Видов. Было установлено, что в ходе реконструкции была существенно изменена первоначальная ориентировка и размер надмогильных сооружений, которые перестали совпадать с ориентировкой и размерами могильных ям. В результате этих изменений, часть надмогильных сооружений перестала совпадать с местами расположения могильных ям, которые в значительной степени оказались перекрытыми дорожками, устроенными между могильными рядами.

Обнаружение надмогильных плит с прежде неизвестными лошадиными кличками требует пересмотра и уточнения идентификации могил.

Следует отметить, что, несмотря на целенаправленные поиски как минимум 6 могильных ям, предположительно относящихся к финальному периоду функционирования кладбища, они остались ненайденными. Более того, судя по характеру грунта, указанные в музейном проекте реставрации кладбища предполагаемые места их расположения, едва ли являются истинными.

Зафиксированная на территории комплекса стратиграфия основных слоев и прослоек позволяет уверенно реконструировать историю накопления культурного слоя вокруг здания конюшни, определить уровень залегания и структуру первоначальных дорожек, синхронных периоду функционирования лошадиного кладбища, определить уровень и характер первоначальной отмостки вокруг здания конюшни.

Судя по данным стратиграфии, при строительстве здания конюшни, выбранная из котлована голубая глина была использована для сооружения водоупорного замка фундамента, отмостки вокруг здания и водоупорного основания дорожек вокруг него. При сооружении дорожек, на слой глины, уложенный на уровне верхней части фундамента и основания цоколя, был положен слой битого кирпича толщиной 10–12 см, а поверх него — относительно тонкий (2–3 см) слой смеси песка с мелким гранитным гравием. Ширина дорожки вдоль восточной стены здания конюшни была около 5,5 м.

Эта дорожка располагалась всего на 7–10 см выше поверхности дорожек, проходящих вдоль и поперек лошадиного кладбища. Первоначальный уровень дорожек вокруг здания конюшни сохранялся и после реконструкции территории кладбища в 1874–1882 гг., т. е., верхняя поверхность дорожек не поднималась выше основания цоколя здания конюшни.

Подъем уровня поверхности вокруг здания на 30–40 см, сооружение бетонной отмостки, мощение кирпичом и гравийные подсыпки произошли в период нецелевой хозяйственной

эксплуатацией здания конюшни и сооружения на территории лошадиного кладбища зданий мастерских. Все эти напластования носят поздний и случайный характер. По мере деградации и разрушения оригинальной дренажной системы вокруг комплекса зданий и кладбища, подсыпки и вымостки должны были решить проблему заболачивания. При условии восстановления эффективной дренажной системы, эти напластования могут быть удалены, что в комплексе с реставрационными работами поможет вернуть уникальному памятнику вид, близкий к первоначальному.

V. A. Trifonov

Archaeological excavations
of the horse cemetery in Tsarskoye Selo
(1998 – 2000)

In 1998–2000, the expedition of the Institute of the History of Material Culture conducted excavations in order to reveal the layout of the horse cemetery which is part of the complex of 'Pensioner Stables' situated in Tsarskoye Selo (now, Pushkin) in the northern outskirts of the Alexander Park.

During the archaeological excavations, identified were the main elements of the plan of the horse cemetery prior and after its reconstruction directed by A.F. Vidov. It has been established that in the course of this reconstruction he changed considerably the initial orientation and dimensions of the structures over the graves which ceased to be identical to the orientation and dimensions of the grave pits. The latter in their turn proved to be covered over by the paths arranged between the rows of the graves.

The discovery of some tomb-plates with formerly unknown horse-names makes it necessary to review and correct the accepted now identification of the graves.

In general, these archaeological excavations yielded new information about the initial plan of the cemetery, the construction

peculiarities of the grave pits and surface tomb structures, as well as about the stratigraphy of the cultural deposits throughout the territory of the complex. Such information may be of use for the development of the projects of restoration of this unique memorial site of the 19th cen.

Использованная литература:

Вильчковский С. Н. Царское Село. СПб., 1911.

Датирующие свойства петербургского кирпича XVIII–XX вв.

В последние годы в связи с 300-летним юбилеем города и общим развитием российской археологии активно развивается археология Петербурга, направленная на изучение не только его средневековой доистории, но в основном истории Петербурга XVIII–XIX вв. Систематичными уже стали раскопки, объектами которых являются оборонительные, культовые и гражданские сооружения города этого времени.

В силу специфики изучения таких объектов городская археология обращается непосредственно к опыту средневековой архитектурной археологии, к разработанным ею методам, в число которых входит и тщательный анализ строительной техники и строительных материалов.

Пока сделаны еще только первые шаги в изучении основного строительного материала Петербурга — кирпича, подобная информация пока только эпизодически фиксируется в полевой документации. Однако уже можно говорить о реальных и возможных информативных свойствах кирпича. Именно строительный материал может служить источником для первичной визуальной датировки, для выяснения и уточнения аспектов строительной истории объекта, не отложившихся в письменных источниках.

Основной характеристикой кирпича, используемой в архитектурной археологии, являются его размеры. Соотношение их менялось во времени, и поэтому может служить датирующим признаком. К сожалению, на петербургском материале подробных исследований не проводилось. Пока можно лишь очень грубо выделить три этапа:

1. *Первая половина XVIII в.* Кирпич разнообразных размеров: 24–26,5 (иногда до 28)×11–13×4,5–6,5 см, однако отмечается массовое употребление «маломерного» кирпича 24×12×5 см. Использовался, вероятно, и кирпич, изготовленный по размерам, введенным указом Петра I — 11×5s×2s дюйма (28×14×7 см) (Черняк, 1957: 35).

2. *Конец XVIII — начало XIX в.* В Петербурге, как и везде в России, наблюдается период габаритной нестабильности кирпича, употребляется кирпич размерами 25–28×11–13×6–8 см.

3. *Середина XIX — начало XX в.* Введение положения «О мерах для прочной и правильной выделки кирпича» и «Правил для единообразной и прочной выделки кирпича» в 1840-х гг., по свидетельствам современников, упорядочило производство кирпича и разной размеров, поскольку установило единые размеры кирпича по всей империи: 6×3×1,5 вершка (26,5×13,3×6,7 см). Кирпичи этого времени соответственно имеют меньший разброс в размерах: 25–26,5×11,5–13×6,5–7,5 см с отклонениями не более 0,5 см, обусловленными различиями в обжиге. Особые размеры имеет белый силикатный кирпич, импортировавшийся из Англии, Финляндии, Голландии — 23×11×6 см. Слабая исследованность, таким образом, не позволяет пока говорить об использовании размеров кирпича для узких датировок объектов, но даже такие скудные данные о формате в комплексе с особенностями кладки (техника перевязки, оформление швов раствора, состав последнего и т. д.) позволят выявить кирпичи и блоки кладки во вторичном использовании, включение ранних фундаментов и стен в более поздние постройки.

Аналізу поддається склад і структура керамічного тесту цегли. Уже сучасники відзначали, що цегли, виготовлені з глини, добытих в різних місцях С.-Петербурзької губернії, різняться по кольору: повсюдно розповсюджена червона глина, а також сіра глина, залягаюча в місцині р. Іжори, давали цегли червоний колір; синя іжорська і невська, сіра невська глини — червонобачий, біла іжорська глина — білобачо-жовтий, іжорський «ил» — рожевий, тосненська зелена — рожево-жовтий колір (Саночкий, 1904: 56–57). Хімічні аналізи характеру використаної в цегли глини і піску можуть визначити, таким чином, місце произ-

водства. Это, в первую очередь, актуально для исследования неклеяемых кирпичей начала XVIII в.

Технологические аспекты кирпичного производства позволяют проводить визуальную датировку. Кирпич XVIII — начала XIX в. имел деформированные грани, скругленные ребра и обтекаемые углы. На его торцах можно встретить закраины и грубые следы от вытряхивания из формы. В XIX в. критерии качества значительно ужесточаются, грани кирпича становятся более ровными и аккуратно подрезанными. В начале XIX в. в Европе впервые появляется машинное производство кирпича, к середине века дошедшее и до России, но современники отмечали нерентабельность такого производства (Депп, 1860: 2), хотя эпизодически подобные нововведения имели место. Начиная с последнего десятилетия XIX в. машинное производство завоевывает популярность (Малюга, 1900), что можно наблюдать и на самих кирпичах. При ручном производстве в сколах или на длинных торцах кирпича (ложках) можно наблюдать дугообразные следы внутренней слоистой структуры — следствие вдавливания глиняной массы в углы формы рабочим-формовщиком. На кирпиче машинного производства таких следов нет, поскольку форма в нем не используется.

В середине XIX века (вероятно, чуть раньше) на петербургских кирпичах появляются клейма. Связано это было со стихийным переходом кирпичного производства в частные руки: на смену десятку казенных заводов приходит более полусотни частных (62 завода в 1860 г., 82 завода в 1903 г.). Вероятно, некоторые клейменные кирпичи следует датировать более ранним временем, но с 1850-х и до 1920-х гг. все произведенные кирпичи петербургских заводов получали клеймо-отпечаток с металлической (иногда керамической) матрицы, прикреплявшейся к дну формы или к формовочному столу (если использовалась форма-«пролетка»). Обломки таких матриц находят в местах расположения кирпичных заводов, на р. Ижоре, в Стрельне. На матрицах были оттиснуты фамилия (чаще только инициалы) владельца кирпичного завода или название акционерного общества-владельца, реже — название завода, наконец, совсем редко клейма представляют собой рисунок-символ, «логотип», обычно соответствующий названию завода. Авторами была проведена работа по своду клейм, мест нахождения кирпичей

Рис. 1-4.

вития капитализма в России. Так, для самых первых клейм характерно отсутствие рамки, глубина букв и всего одна или две буквы инициалов. Позже появляются клейма, содержащие фамилию владельца целиком (с 1860-х гг.; первые такие фамилии употребляли в клейме в родительном падеже — «<завод> Тарасова» (Рис. 1)) и трехбуквенные инициалы (с 1870-х гг.), продолжающие существовать затем до революции. В 1880-х гг.

с клеймами и информации о заводах-производителях в единую базу путем изучения многочисленных коллекций клейменого кирпича (включая самую многочисленную, принадлежащую Музею Истории Санкт-Петербурга), сбора собственных коллекций, наблюдения за археологическими, реставрационными и дорожными работами в городе, изучением изданий разных лет, содержащих списки владельцев кирпичных заводов (см., например: Указатель фабрик и заводов, 1881, 1887, 1894). Такое объединение материала (на данный момент более 400 клейм), конечно, еще не закончено, но позволило сделать следующие выводы:

1. За свое более чем полу-столетнее существование форма клейм и их содержание претерпевали изменения, которые подчиняются некоторым закономерностям, за которыми, кстати, иногда несложно рассмотреть общие процессы раз-

исчезают последние двухбуквенные клейма (трудно поддающиеся расшифровке). Тогда же в большинстве клейм появляется номер, размещаемый рядом с фамилией владельца или в специальной «арочке» рамки над или под ней — номер «порядовщика» (рабочего, который формовал кирпич) в целях контроля качества (Рис. 2). С 1900-х гг. значительно увеличивается количество клейм обществ-владельцев («Громовъ и К'», «И.Н.Е. и К'» (И.Н.Еремеев и К'), «Т.О.С.М.» («Товарищество обработки строительных материалов») и т. д.) и особенно — названий заводов («Самарка», «Ижора», «Мойка», «Мга»(завод кн. З. Н. Юсуповой), «Колпино», «Скала», «Яшма», «Труд», «Энергия», «Кр.Кирпичник» (последнее уже после революции) и т. д.). Знаков-«логотипов» среди клейм совсем немного, но последняя дата относится и к ним тоже (клейма в виде подковы (завод Е. И. Спечинской)(Рис.3) и якоря (завод бр.Елисеевых). Употреблялись и аббревиатуры («О.С.З.» (завод при Обуховском сталелитейном заводе), «А.С.З.» (Александровский сталелитейный завод) и др.).

Рамки клейм обычно прямоугольные, разных размеров, хотя встречаются рамки с треугольными краями и вычурно украшенные «арочками» с нескольких сторон (клейма заводов бр. Стрелиных, А. И. Фукса и др.)(Рис.4). Рамки ориентированы чаще всего вдоль длинных сторон постелистой стороны кирпича (иногда встречаются диагонально расположенные рамки, например, клеймо завода А. Е. Богданович). Иногда на клейме внутри рамки можно рассмотреть круглые следы от шляпок винтов, которыми матрица клейма крепилась к форме. Встречаются клейма, отпечатанные с обломанных матриц и с матриц с несколькими перевернутыми буквами. Буквы клейма обычно вдавленные, а не выпуклые, всегда очень ровные и четкие, красивого шрифта. Встречено клеймо «А.В.», выполненное готическим шрифтом (возможно, кирпич завода приезжего купца Арчибальда Бальфура, действовавшего в 1880-х годах).

Интересно, что исследование московского кирпича дало совершенно отличные от петербургских результаты: первые клейма появляются в Москве в 40-х годах XVII в. и широко прослеживаются на протяжении всего следующего XVIII в. и далее, однако до 1870-х гг. клейма ставились на московский

кирпич не матрицей формовочного ящика на постелистую (широкую) поверхность, а специальным штампом (металлическим или деревянным) на короткий торец — тычок (Киселев, 1986: 9–12). Среди клейм петербургских кирпичей тычковых (то есть таких, которые были видны с наружной стороны кладки) было зафиксировано только одно, «Г.Л.»*, датируемое 1880-и гг.

2. Среди кирпичных заводов были крупные, долго принадлежавшие одному владельцу и не менявшие клейма, наследственные заводы, иногда менявшие клеймо, а иногда, для сохранения престижа торговой марки (об этом свидетельствуют некоторые коммерческие объявления в справочнике «Весь Петербург», указывающие клеймо на кирпичах завода), сохранявшие его. В то же время были и заводы-«однодневки», сменявшие владельца каждые несколько лет. Клеймо такого завода, следовательно, может дать довольно узкую датировку. Однако датировка может быть еще точнее, поскольку при строительстве одного здания кирпич редко заказывался только у одного завода, чаще у двух-трех и более, в зависимости от размеров здания. Зная время существования каждого из заводов, нетрудно вычислить единственно возможный хронологический интервал существования соответствующей комбинации клейм. Сложность, как всегда, составляет определение контекста того или иного кирпича с клеймом в завалах разрушенных объектов, которые обычно и становятся предметом археологического изучения. Строительный материал в таких завалах обычно сильно перемешан. Нельзя забывать также о частом вторичном употреблении кирпича из предшествующих построек. Тем не менее, если такие вычисления не особенно актуальны для даты постройки здания, о которой обычно имеются более или менее точные данные, то даты разнообразных пристроек, ремонтов, подчинок и других событий строительной истории объекта представляют немалый интерес. Приведем несколько примеров. При раскопках с южной стороны здания 12 коллегий в 2000 г. у восточного угла второго (считая от р. Невы) ризалита был раскрыт контрфорс, сложенный из кирпича

* По сведениям коллекционера А. Крылова. Авторы также благодарят известных петербургских коллекционеров кирпича Ю. Н. Океанова и В. В. Ипчика за предоставленную возможность ознакомиться с их материалами.

XVIII в. (длиной 25 и толщиной 5 см), к которому была сделана прикладка из более позднего кирпича с клеймом «БАЛАШОВЪ»*. Предположительным временем бытования такого клейма являются 1890-е—1910-е гг. (завод Константина Александровича Балашева). Хотя завод Балашевых существовал с 1824 г., ранние этапы его существования (во владении основателя, Ивана Балашева (до 1860-х гг.) и его наследника, Александра Ивановича Балашева (1860-е—1880-е гг.)) связываются с двумя другими клеймами — «И.БАЛАШОВЪ» и «АИБ». При раскопках 2001 г. церкви Рождества Христова в Песках на 6-й Советской улице в восточных шурфах были найдены многочисленные фрагменты кирпичей с клеймами «О.Ф.Г.» и «ЕВМЕНТЬЕВЪ». Завод О. Ф. Голубинского существовал в 1880-х гг. и, по всей видимости, кирпич этого завода был использован при пристройке в 1886 г. ризницы с восточной части церкви. Кирпич завода А. Ф. Евментьева, функционировавшего с 1898 по 1914 гг., связан, очевидно, с ремонтом интерьера церкви в том же 1898 г. Вероятно, наиболее точную датировку могут дать клейма на маломерном импортном силикатном кирпиче, поставлявшемся небольшими партиями, но для этого необходимо исследование торговых документов.

Клейма могут быть использованы и для решения неординарных проблем. Владельцами кирпичных заводов зачастую были гражданские и военные инженеры, поскольку для постройки зданий по своим проектам им несравнимо выгоднее было не покупать кирпич с наценкой у других фирм, а использовать кирпич со своих заводов. Поэтому промышленные и другие небольшие постройки, имя автора которых не сохранилось, могут быть, с большой долей гипотетичности, приписаны архитектору-владельцу завода. В качестве примера установки авторства стоит привести случай с домом № 2а по наб. Мойки (за зданием часовни Иверской Иконы Божьей Матери), полностью построенного из кирпича с клеймом «Ш.и Л. 1898» (один из немногих случаев указания года — в данном случае года основания кирпичного завода гражданского инженера П. И. Шестова и архитектора В. А. Липского, авторов более

* Авторы благодарят П. Е. Сорокина и С. А. Семенова за любезно предоставленную информацию о кирпичах, найденных при археологических раскопках в С.-Петербурге в 2000 и 2001 гг.

пятидесяти гражданских и трех культовых построек в Петербурге). Исследование имеющихся архивных данных не дало сведений об авторе проекта здания, и, на наш взгляд, нет оснований отказываться от определения автора, предполагаемого на основании кирпичного клейма.

Проблемы возникают, конечно, и с датировкой самих клейм. Некоторые клейма (особенно двухбуквенные) с трудом поддаются расшифровке и не могут быть пока точно связаны с конкретным производителем и временем существования завода. Такая же проблема возникает при датировке особого рода клейм — так называемых «орленых» кирпичей казенных заводов. Среди клейм петербургских кирпичей известно два вида таких клейм: в прямоугольной (Рис. 5) и круглой рамке (Рис. 6) (оба эти клейма были встречены при раскопках в 2001 г. Матвеевской Покровской церкви на Петроградской стороне и Рождественской церкви в Песках в развалах строительного мусора). Единственной пока основой для датировки этих кирпичей являются иконографические особенности изображенного на них герба Российской империи — двуглавого орла. По комплексу этих особенностей они датируются не позднее 1840-х гг., но достоверных археологических доказательств этому пока нет.

Рис. 5, 6.

Проведенные авторами исследования лишь обозначили пока возможности эффективного использования в практике историко-археологических исследований результатов анализа таких информативных признаков петербургского кирпича, как габариты, цвет, состав керамического теста, технологические особенности формовки, форма и содержание клейм. Для воплощения этих возможностей в жизнь необходимо продолжение

сбора всесторонней информации об этом строительном материале, а значит, ведение постоянной и подробной фиксации информативных признаков кирпича и его архитектурно-археологического контекста в полевой документации всех археологических раскопок в Санкт-Петербурге.

Депп, 1860 — *Депп Н.* Кирпичное производство в окрестностях Санкт-Петербурга. СПб.

Киселев, 1986 — *Киселев И.А.* Методические рекомендации по датировке кирпичных кладок XVI — XIX вв. по визуальной характеристике. М.

Малюга, 1900 — *Малюга И.* Производство кирпича и других глиняных строительных материалов. СПб.

Саноцкий, 1904 — *Саноцкий Т.Ф.* Кирпичное производство на р. Неве и ее притоках. СПб.

Указатель фабрик и заводов Европейской России под ред. П.А. Орлова. СПб., 1881, 1887, 1894.

Черняк, 1957 — *Черняк Я.Н.* Очерки по истории кирпичного производства в России X — начала XX в. М.

Результаты палинологического исследования исторических территорий Нижнего Приневья

В данной работе сделана попытка объективного комплексного анализа историко-археологических материалов и результатов палинологического исследования по двум историческим территориям Нижнего Приневья. Это места в устье реки Охты и Юго-западной части Петроградского острова, освоенные уже в позднесредневековый период (XV–XVII вв.) (рис. 1).

Рис. 1. Места отбора проб для палинологического анализа на карте устья Невы допетровского времени: 1 — Устье реки Охты (город Ниен); 2 — Петроградский остров (Троицкая пл.).

Большая часть территории современного Санкт-Петербурга в геоморфологическом отношении представлена морскими и озерными аккумулятивными террасами различных уровней, сформировавшимися, преимущественно, в послеледниковое время. Именно поэтому здесь материковые породы, за редким исключением, представлены суглинками и глинами. Сверху они перекрываются почвенным слоем незначительной мощности. Такая структура отложений, с неглубоким залеганием водоупорных слоев, способствует застаиванию воды у поверхности, что приводит к заболачиванию местности. Лишь в некоторых местах почвенный слой подстилается песчаными грунтами, пропускающими влагу. Археологические исследования последних лет показали, что основная часть поселений допетровского времени была приурочена именно к территориям, где под слоем погребенной почвы залегает песок.

В основном же, в пределах Приневской низменности преобладают торфяные и торфяно-подзолисто-глеевые почвы болотного типа. Подзолистые почвы известны на этой территории лишь на южном и северном побережьях Финского залива. Такие почвы достаточно плодородны для лесных растений, но для обильного плодоношения сельскохозяйственных культур их естественного плодородия не достаточно: ощущается маломощность слоя перегноя, недостаток минеральных веществ, повышенная кислотность (Даринский, 1975).

Иностранцы, описывавшие Петербург начала XVIII в. отмечали: «вблизи города на пространстве нескольких миль растет много березы, ели, сосны, но лес этот мелкий. Дуб, необходимый для строительства судов, доставляют рекой отчасти от самой Москвы. ... Берега Невы по большей части покрыты лесом, болотисты, заросли дикими деревьями» (Беспятых, 1991: 58, 143, 212). В числе древесных и кустарниковых пород, произраставших в окрестностях Санкт-Петербурга в середине того же столетия, назывались: сосна, ель, береза, ольха, осина, тальник (ива), распространенные здесь достаточно широко. Кроме того, упоминались встречавшиеся изредка, широколиственные породы: дуб, клен, вяз, орешник, крушина и липа (Богданов, Рубан, 1749).

Некоторая информация о ландшафтах территории современного Санкт-Петербурга в XV–XVII столетиях имеется

в Писцовых книгах и на шведских картах того времени (ВМОИДР, 1851, Лаппо-Данилевский, 1913, АИ 1701).

В названиях деревень Приневья, упоминаемых Писцовой книгой Вотской пятины 1500 г. также содержатся сведения о произраставших здесь в то время деревьях: Дубок, Дубровка, Дуброва, Березовец, Сосновец, Осинево. Однако, в данном случае, нельзя считать эти упоминания репрезентативно характеризующими количественное соотношение различных видов деревьев на этих землях. Названия, связанные с достаточно редко встречающимися в естественном состоянии на Северо-западе России породами деревьев, в частности, такими как дуб, вероятно, служили просто отличительной особенностью, подчеркивавшей своеобразие растительности конкретных территорий.

Наиболее освоенным из островов дельты Невы был Петроградский остров, носивший в XVII в. название Коивосаари (Koivosaari), что в переводе с финского означает Березовый. Аналогичное название закрепилось в шведское время за крупнейшим поселением острова — усадьбой Бьеркенхольм (Bjorkenholm *). Еще более древнее русское название этого острова Фомин известно с конца XV в. Согласно шведским картам в XVII в. окультуренные земли, занимавшие восточную, северную и южную части острова, составляли около половины его площади. Они как бы окаймляли заболоченный лес, произраставший в центральном и западном районах острова. Усадьба Бьеркенхольм находилась на его восточном берегу. В настоящее время это берег Большой Невки севернее современного Сампсониевского моста. Отдельные дворы Усадьбы были рассредоточены по всей юго-восточной части острова. Один из них, носивший в конце XVII в. название Лейя по имени владельца, размещался в районе современной Троицкой площади и домика Петра I, другой на берегу Кронверкской протоки.

Заболоченный смешанный лес окаймлял со всех сторон и город Ниен с крепостью Ниеншанц, которые также занимали прибрежные возвышенности в устье Охты. На карте 1698 г. они окружены болотами.

* Bjork — береза (швед.).

Согласно писцовой книге Вотской пятины 1500 г. основными сельскохозяйственными культурами, которые выращивались на территориях в устье Невы на рубеже XV–XVI вв. были: рожь, ячмень, овес, хмель и лен. В составе натурального налога описываемого в той же книге, для села на Фомине острове упоминается: рожь, а для поселений у устья реки Охты, — рожь, овес, лен. (ВМОИДР, 1851: 117–121). Кроме того, есть сведения о том, что в XVII в (шведское время) на Охте, выращивался хмель (Лаппо-Данилевский, 1913: № 9 (J. Meyer, 1698 г.)).

Археологические раскопки 1996–1999 гг. на Троицкой площади выявили следы распашки в виде полос гумуса, врезающихся в материковый песок. Ряды пахоты шириной 15–20 см, с интервалами около 30 см между ними, проходили в широтном направлении. Это согласуется с данными шведских карт конца XVII в., на которых в этом районе показана пашня. Последнее дает возможность предположить, что возделываемые земли существовали на этом месте и в позднесредневековое время, по меньшей мере, с XV в., когда существовало село на «Фомине острове». Позднее, в начале XVIII в., здесь образовалась одна из центральных площадей Санкт-Петербурга — Троицкая. На ней, близ Троицкого моста, в 200 м от берега современного русла * Невы, для палинологического исследования были отобраны 4 образца погребенной почвы темно серого цвета из разных точек одновозрастного слоя, с площади в 50 м². Данный слой погребенной почвы имеет мощность 10–20 см и залегает на глубине около 1 м. Он может быть датирован временем с момента начала образования первоначальной почвы в устье Невы до начала XVIII в. Более точный возраст этого слоя еще предстоит установить.

Результаты пыльцевого анализа позволяют говорить о том, что изученные образцы действительно извлечены из погребенного пахотного слоя. Подтверждением чего является следующее.

В составе спектров всех образцов господствует пыльца травянистых растений (47,9%**), велика и роль споровых растений (36,7%); на долю древесных пород приходится лишь

* В 100 м от берега старого русла.

** Здесь и ниже приводятся средние значения, полученные в результате сравнительного анализа данных по спектрам всех 4-х образцов.

15,4%. Все это, скорее всего, свидетельствует об открытости ландшафта территории исследования.

В пыльцевых спектрах древесных пород ведущее место занимает сосна (*Pinus sp.*) — 40,4% Участие ели составляет 17,2%. Заметную роль играет ольха — 25,6% в том числе ольха серая (*Alnus incana* (L.) Moench.) — 14,3% и ольха черная (*A. glutinosa* (L.) Gaertn.) — 11,3%. Содержание пыльцы березы (*Betula sp.*) не велико — 13,9%, в том числе кустарниковых видов — 5%. Во всех спектрах зарегистрировано присутствие единичных зерен лещины (*Corylus sp.*), а в одном из образцов зафиксированы единичные зерна дуба (*Quercus sp.*) и липы (*Tilia sp.*). В целом эта картина соответствует представлениям о составе лесов на территории восточного побережья Финского залива в конце субатлантического времени голоцена. Тем не менее, поскольку суммарное участие древесных пород в палиноспектрах изученных образцов очень не велико, можно говорить, об интенсивном вмешательстве антропогенного фактора.

Пыльцевые спектры травянистых растений представлены 24 таксонами. В том числе: *Poaceae gen.sp.indet., cf. Secale sp.* (рис. 2, 3,3A); *Asteraceae gen.sp.indet, Centaurea cyanus L., C. jacea L.; .cf. Tussilago sp, .cf. Antennaria sp, .cf. Arctium sp, cf. Taraxacum sp; cf. Cichorium sp.; Caryophyllaceae gen.sp.indet; Brassicaceae gen.sp.indet; Onagraceae gen.sp.indet; Cyperaceae gen.sp.indet, Ranunculaceae gen.sp.indet; Polygonaceae gen.sp.indet; Polygonum persicaria L.; Chenopodiaceae gen.sp.indet; Geraniaceae gen.sp.indet (Erodium sp.); Valerianaceae gen.sp.indet (Valeriana sp.); Ericaceae gen.sp.indet; Apiaceae gen.sp.indet; Rosaceae gen.sp.indet; Sparganiaceae gen.sp.indet (Sparganium sp.).*

В пыльцевых спектрах всех образцов достаточно велико участие злаков (*Poaceae* Barnhart) — 25% в среднем (от 23,9% до 44,6% в разных образцах), причем содержание пыльцы культурных злаков (в том числе и *cf. Secale sp.* — рожь) составляет 41,9% от общего количества злаков*. На фоне этого выявлено большое количество пыльцевых зерен василька синего (*Centaurea cyanus L.*) — 17,15%, как правило, сопутствующего посевам культурных злаков. Кроме того, зафиксировано

* в разных образцах, вследствие локальности отдельных спектров, — от 3,7 до 68,9%: обр.1Б — 3,7%, обр. 3А — 50%, обр. 3Б — 68,9%, обр.11А — 56,1%.

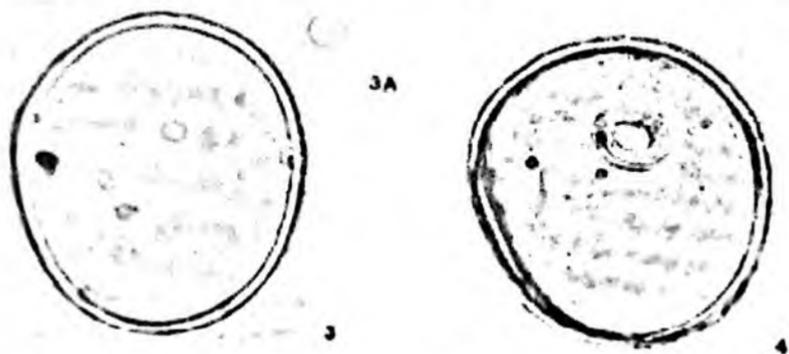
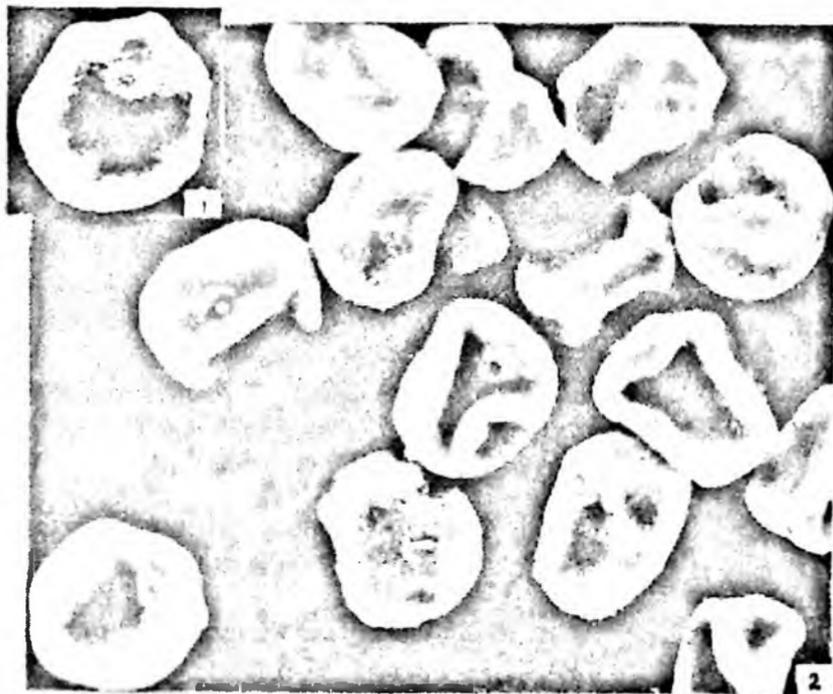

Рис. 2. Палинологические образцы из раскопок в Санкт-Петербурге.

1. *Secale cf. cereale* L. Образец № 11А, Санкт-Петербург, Троицкая площадь. СЭМ*, (880).

2. *S. cereale*. Рецентные пыльцевые зерна из коллекции ВИР РАСХН, сбор 1967 года. СМ (730).

3. *S. cf. cereale*. Образец № 11А., Санкт-Петербург, Троицкая площадь. СМ, (1000).

3А. *S. cf. cereale*. Апертура пыльцевого зерна. Образец № 11А., Санкт-Петербург, Троицкая площадь. СМ, (1000).

4. *cf. Triticum sp.* Образец № 2, Санкт-Петербург, ул. Конторская, 13. СМ, (1000).

* СЭМ — сканирующий электронный микроскоп, СМ — световой микроскоп.

присутствие пыльцы рудеральных растений (сем. *Onagraceae* Juss., сем. *Polygonaceae* Juss., сем. *Chenopodiaceae* Vent.). Последнее может свидетельствовать как о невысокой культуре земледелия, так и о том, что пашня в то время, которому соответствуют исследованные образцы, была уже запущена. Возможно, это было связано с неблагоприятным для занятий земледелием гидрологическим режимом реки.

Очевидно, что в данном случае под пашню использовался заливной луг. Об этом же свидетельствует следующее: в спектрах установлено наличие растений прибрежно-водных (*Sparganium* sp.) и предпочитающих хорошо увлажненные заливные луга (*Cyperaceae* gen.sp.indet., *Valeriana* sp.), в том числе и споровых — *Equisetum* sp., *Seleginella* cf *selaginoides* (L.) С. Mart.*, *Lycopodium clavatum* L., *L. cf. annotinum* L., *Botrychium* sp. Особого внимания заслуживает наличие в спектрах всех образцов спор папоротника осмунда королевская** или чистоуста (*Osmunda regalis* L.) — 5% от общего числа спор, а в одном из образцов — 10,1%. Этот влаголюбивый папоротник предпочитает заболоченные ольшаники или ключевые и торфяные лесные болота. Кроме того, выявлены споры сфагновых мхов (*Sphagnum* sp.) (13,7%) и небольшое количество пыльцы представителей семейства вересковых (*Ericaceae* gen.sp.indet.), что может свидетельствовать о наличии по краям пашни заболоченных участков ландшафта или о начале заболачивания исследуемой территории.

Следует отметить, что в пыльцевых спектрах выявлены диатомовые водоросли, в том числе и характерные для слабо солоно-водных водоемов. Последнее позволяет предположить, что пашня заливалась не только во время весеннего половодья, но и осенью, во время наводнений. На это же может указывать и выделенная в одном из спектров спора карбонового возраста.

Археологические исследования 1999 г., проведенные на Охте, на месте располагавшейся в XVII в. немецкой церкви

* 55,5% от общего числа спор.

** В настоящее время на территории Северо-Запада России чистоуст в естественном состоянии не выявлен, тем не менее, профессор Н.Н. Цвелев считает возможным существование представителей данного вида в современной флоре Ленинградской области (из устного сообщения).

города Ниена (ул. Конторская 13), выявили ее остатки и следы предшествовавшей застройки. Судя по отдельным находкам, можно полагать, что эта территория была обжита уже в позднесредневековый период.

Образцы погребенного грунта для палинологического изучения на этом объекте отбирались из разновозрастных культурных слоев, которые по данным археологического исследования датированы (последовательно) со времени образования погребенной почвы до XVIII в. Данные датировки могут считаться пока только ориентировочными, поскольку четкая стратификация слоев в разрезе отсутствует.

В целом исследованы палинологические спектры 4-х образцов погребенного грунта из разновозрастных культурных слоев с коренного берега р. Охта.

ОБРАЗЕЦ № 1. Слой 1. Погребенная почва, залегающая на глубине — 1.05–1.20 м, формировавшаяся с древнейших времен до начала XVII в. Насыщенность образца пылью и спорами низкая.

В составе спектра исследованного образца преобладает пыльца травянистых растений (67,76%), роль древесных представителей флоры значительно меньше — 19,74%. Количество споровых растений составляет 12,5%. Скорее всего, это свидетельствует об открытости ландшафта территории исследования.

В пыльцевых спектрах древесных пород ведущее место занимает береза (*Betula sp. sec. Albae* Rgl. — 15% и *B. sp. sec. Fruticosae* Rgl. — 13,3%), общее содержание которой в спектрах достигает 28,3%. Содержание пыльцы сосны (*Pinus sp.*) почти такое же — 26,7%, а ели (*Picea sp.*) — 16,7%. Достаточно велико и участие в спектрах пыльцы ольхи (13,4%). Причем 11,7% приходится на долю ольхи серой (*Alnus incana* (L.) Moench.) и лишь 1,7% на долю ольхи черной (*A. glutinosa* (L.) Gaertn.). Наряду с пылью перечисленных видов удалось выявить некоторое количество пыльцы широколиственных элементов, таких как лещина (*Corylus avellana* L.), граб (*Carpinus sp.*), дуб (*Quercus sp.*) липа (*Tilia sp.*). Такой состав спектров древесных пород, по-видимому, свидетельствует об интенсивном вмешательстве человека. Вероятно, пыльцевой спектр данного образца

зафиксировал определенную стадию реставрогенеза лесов*, сведенных человеком под распашку. Об этом, в первую очередь, свидетельствует на фоне очень низкого суммарного участия древесных пород, высокое содержание в них пыльцы березы и «сближенность» спектров березы, сосны и ели.

Среди травянистых представителей флоры доминируют злаки. Их общее участие в спектре достигает 58,3%. При этом около 30% от числа пыльцы злаков составляет пыльца культурных злаков. Диагностика последних оказалась весьма затруднительной, в том числе и из-за довольно плохой сохранности, тем не менее, удалось установить наличие пыльцевых зерен ржи (*Secale cf. cereale* L.).

В целом, пыльцевые спектры травянистых растений представлены 32 таксонами. В том числе: *Poaceae gen.sp.indet., cf. Secale sp., cf. Festuca, cf. Alopecurus; Asteraceae gen.sp.indet., Centaurea cyanus* L., *Artemisia sp., cf. Taraxacum sp; Caryophyllaceae gen.sp.indet., cf. Silene sp.; Cyperaceae gen.sp.indet., Ranunculaceae gen.sp.indet; Polygonaceae gen.sp.indet; Polygonum cf. Aviculare* L. , *Fagopirum cf. tataricum* L., *Chenopodiaceae gen.sp.indet; Succisa pratensis* Moench; *Valerianaceae gen.sp.indet., Valeriana sp.; Caprifoliaceae gen.sp.indet., Lonicera sp., .Apiaceae gen.sp.indet; Rosaceae gen.sp.indet; Sparganium sp.; Alisma sp.; Callitriche sp.; Urtica sp.; Cannabis sp., Typha latifolia.*

Следует отметить, что на фоне большого количества злаков, в том числе и культурных, зафиксированы единичные зерна василька синего (*Centaurea cyanus* L.), который, как правило, сопутствует посевам культурных злаков.

Зарегистрировано присутствие пыльцы рудеральных и сорных растений семейств гречишные (*Polygonaceae gen.fam.indet.*), маревые (*Chenopodiaceae gen.fam.indet.*), родов крапива (*Urtica sp.*) и полынь (*Artemisia sp.*). Выявлены единичные зерна конопли (*Cannabis sp.*).

Выделена пыльца прибрежно-водных и водных растений *Sparganium sp.; Typha latifolia* L., *Alisma sp., .Callitriche sp.* Очевидно, сказывается близость реки. Об этом же свидетельствует и наличие в спектре пыльцы растений, предпочитающих хоро-

* Поскольку участие древесных пород в спектре не достигает и 20%, возможно правильнее говорить о реставрации некоторых участков сведенного леса, которые люди не смогли в свое время занять пашней.

шо увлажненные луга, в частности, таких как осоковые (*Cyperaceae gen.sp.indet.*) и валериана (*Valeriana sp.*), а также споровых — селлагинелла (*Seleginella cf selaginoides (L.) C.Mart.*).

Кроме того, выявлены единичные споры зеленых и сфагновых мхов и папоротника (*Pteridium sp.*).

ОБРАЗЕЦ № 2. Слой 2 с включениями торфа начала XVII в. (1.05–0.85 м). Насыщенность образца пылью и спорами низкая.

В составе спектров образца по-прежнему преобладает пыльца травянистых растений (62,3%). Доля древесных представителей флоры несколько возрастает, составляя 32%. Количество споровых растений сокращается до 5,7%. Скорее всего, это свидетельствует об открытости ландшафта территории исследования.

В составе древесных пород доминируют по-прежнему береза, ель и сосна. Тем не менее, береза (*B. sp. sec. Albae** — 28,2%) уступает «пальму первенства» ели, участие которой в пыльцевых спектрах древесных пород достигает 33,3%. Содержание пыльцы сосны снижается до 23%. Содержание пыльцы ольхи составляет 5,1%, причем это только о. серая (*A. incana*). Достаточно высоко содержание пыльцы лещины (*Corylus avellana*) — 10,3%. Возможно это следствие локальности данного спектра**.

Пыльцевые спектры травянистых растений представлены 17 таксонами. В том числе: *cf. Triticum sp.* (1 зерно), *cf. Festuca sp.*, *cf. Elytrigia*, *Asteraceae gen.sp.indet.*, *cf. Taraxacum sp.*, *Centaurea cyanus L.*; *Cychoiaceae gen.sp.indet.*; *Brassicaceae gen.sp.indet.*; *Ranunculaceae gen.sp.indet.*, *Ranunculus sp.*; *Gentiana sp.*; *Valeriana sp.*; *Polygonaceae gen.sp.inde.*, *Polygonum persicaria L.*; *Apiaceae gen.sp.indet.*, *Rosaceae gen.sp.indet.*; *Cyperaceae gen.sp.indet.*

Среди травянистых растений по-прежнему доминируют злаки, но их содержание сокращается до 36% (от числа травянистых). Кроме того, здесь удалось зафиксировать одно пыльцевое зерно культурного злака — (*cf. Triticum sp.* — пшеница —

* *B. sec. Fruticosae* (кустарниковые формы березы) в данном образце не зафиксированы.

** То есть спектр данного образца дает во многом локальную характеристику конкретной территории, с которой отобран образец.

(рис. 2.4). Из спектров «ушли» рудеральные и сорные растения, а также большая часть прибрежно-водных и водных растений.

Споровая растительность представлена по сути единичными зернами плауна *Seleginella selaginoides* (L.) С. Mart., сфагновых мхов и гроздовника (*Botrychium sp.*), который предпочитает такие местообитания как лесные поляны и опушки, реже встречается на влажных лугах.

Также как и в образцах с Троицкой площади, в этом образце удалось зафиксировать спору папоротника чистоуста или осмунды королевской (*Osmunda regalis* L.) — влаголюбивого папоротника предпочитающего заболоченные ольшаники или ключевые и торфяные лесные болота.

Похоже, что пашни, зафиксированные в предыдущем образце, забросили, а реставрогенез выжженных распаханных ранее лесов продолжался, о чем свидетельствуют спектры древесных пород: ель подросла и начала вытеснять березу, но сосна еще «не набрала полную силу». Можно допустить, что во время современное пыльцевому спектру этого образца, на территории исследования местные жители начали заниматься мелиорацией — из спектра «ушли» водные растения.

ОБРАЗЕЦ № 3. Слой 3 с включениями торфа начала XVII в. (-0.85–0.60 м).

Насыщенность данного образца пыльцой и спорами относительно выше предыдущих.

В составе спектра исследованного образца по-прежнему преобладает пыльца травянистых растений, хотя их роль несколько сокращается (50,2%), доля древесных представителей флоры составляет 35,7%. Количество споровых растений увеличивается за счет папоротникообразных, достигая 14,1%. Ландшафт территории исследования по-прежнему достаточно открыт.

В составе древесных пород, как и в предыдущем образце, доминирует ель (38,3%) и береза (*B.sp. sec. Albae* — 29,6%). Содержание пыльцы сосны снижается до 8,6%. Содержание пыльцы ольхи, напротив, возрастает, составляя 13,6%, при этом преобладает пыльца черной ольхи (*Alnus incana* — 4,9%; *A. glutinosa* — 8,6%). Пыльца лещины не обнаружена. Зафик-

сированы пыльцевые зерна дуба и тератоморфные (уродливые) пыльцевые зерна липы.

Пыльцевые спектры травянистых растений представлены 21 таксоном.

Среди них по-прежнему доминируют злаки, количество которых увеличивается до 46,5% (от числа травянистых). Содержание пыльцы культурных злаков составляет 30% от общего числа злаков (*cf. Avena sp.* — овес, *cf. Hordeum sp.* — просо, *cf. Triticum sp.* — пшеница). Появляется пыльца василька синего (*Centaurea cyanus L.*). В спектрах опять появляются рудеральные и сорные растения.

Среди споровых растений доминируют папоротники (*Polypodiaceae gen.sp. indet.* — 71,9%). Зарегистрированы 2 пыльцевых зерна папоротника осмунды королевской (*Osmunda regalis L.*).

ОБРАЗЕЦ № 4. Слой 4. Гумусный слой — вторая половина XVII в. (- 0.60–0.50 м). В спектре образца пыльца травянистых растений составляет 64,4%, доля древесных представителей флоры сокращается до 20,8%. Количество споровых растений практически не меняется, составляя 14,85%.

Среди древесных пород превалирует пыльца ели (31%), второе место занимает пыльца сосны (23,8%), количество пыльцы березы заметно сократилось и составило 10,7%. Зато содержание пыльцы ольхи достигло 27,4% (*A. incana* — 11,9%; *A. glutinosa* — 15,5%). Зарегистрирована тератоморфная* пыльца липы. Пыльцевые спектры травянистых растений представлены 24 таксонами.

Среди травянистых растений доминируют злаки (35% от общего числа травянистых растений). Содержание пыльцы культурных злаков составляет всего 4,3% от общего числа выделенных злаков. Возрастает число пыльцы маревых и полыней, свидетельствующих о наличии больших открытых пространств. Наряду с этим зафиксировано относительно большое количество представителей осоковых (8,5%).

Среди споровых растений преобладают папоротникообразные (51%) и сфагновые мхи (30%), т.е. на территории исследования вновь наблюдается некоторая тенденция заболачивания территории.

* Тератоморфная — дефектная, уродливая.

Очевидно, что результаты, проведенного палинологического анализа образцов отобранных с территории проведения археологических раскопок, не только не опровергли результаты историко-археологического исследования, но и подтвердили их, а во многом даже обогатили последние, что свидетельствует о необходимости развивать такого рода исследования на исторических территориях Санкт-Петербурга.

O. F. Dzyuba and P. E. Sorokin

Results of a palinological studies of the historical areas of the Lower Neva region

An interdisciplinary analysis of the historical and archaeological evidence and results of palinological studies conducted in two historical territories in the Lower Neva region (the mouth of the river Okhta and the south-western part of the Petrogradsky Island) which were settled already in the late Medieval period (15th–17th cen.) yielded a number of interesting results.

According to the evidence of the Novgorodian cadasters, Swedish maps of the 17th cen. and different descriptions of the 18th cen., prevailing among the plants in this region were pine, fir, birch, alder, asp, and willow; as more uncommon were considered the deciduous species such as oak, maple, elm, hazel, buckthorn, and lime. The main crops cultivated in the territories round the mouth of the Neva in 15th–16th cen. were rye, barley, oats, hop, and flax.

This information is in general confirmed by results of the palinological analysis of ancient soils. Moreover, it was possible to trace certain chronological dynamics and identify roughly the stages of the cultural development of the historical territories near the mouth of the Neva.

АИ — Атлас Ингерманландии 1701 г. РОБАН, собр. Рукописных карт.

Лаппо-Данилевский, 1913 — *Лаппо-Данилевский А.С. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А.И. Гиппингом и А.А. Куником. СПб.*

Беспятых, 1991 — *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.

Богданов, Рубан, 1749 — *Богданов А.И., Рубан В.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его, с 1703 г. по 1751 г. СПб.

ВМОИДР, 1851 — Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины / Вестник Московского общества истории и древностей Российских.

Даринский, 1975 — *Даринский А.В.* Ленинградская область. Л.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Выпуск 1

Редактор *к.и.н. П. Е. Сорокин*
Корректор *Е. Андреева*
Верстка *И. Сомсиковой*

Подписано в печать 02.09.03. Формат 60×90/16. Гарнитура Миниатюра.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,25. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО "Турусел"
191186, Санкт-Петербург, Миллионная д. 1
Лицензия серия ПД №2-69-571. Зак. 1099 тир. 500.

